

Люси Монтгомери Аня из Зеленых Мезонинов

*Посвящается памяти
моих отца и матери
Добрые звезды в твоём гороскопе:
Вся ты — и дух, и огонь, и роса.*
Браунинг

Предисловие

Имя канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (1874–1942) совершенно неизвестно русскому читателю, а между тем ее произведения вот уже много лет пользуются огромным успехом как во всех англоязычных, так и во многих других странах, — они почти ежегодно издаются миллионными тиражами в США, Канаде, Англии, Австралии, появляются в переводах на другие языки, на их основе созданы театральные постановки и кинофильмы, а городок Кавендиш на острове Принца Эдуарда, где родилась, жила, творила и похоронена писательница и где происходит действие ее книг, стал одной из достопримечательностей Канады и местом паломничества многочисленных туристов.

Биография писательницы самая обычная: она рано лишилась родителей и воспитывалась у дедушки с бабушкой, затем училась в университете, работала сельской учительницей, вышла замуж за пресвитерианского пастора и воспитывала двух сыновей. Но 1908 год, когда в Соединенных Штатах вышла из печати ее первая книга "Аня из Зеленых Мезонинов", в основу которой легли детские впечатления писательницы, стал важной датой не только в ее жизни, но и в жизни многих поколений девочек и девушек во всем мире. Успех книги был немедленным и неслыханным. Марк Твен горячо приветствовал ее появление и назвал рыжеволосую героиню Монтгомери "самым трогательным и очаровательным ребенком художественной литературы со времен бессмертной Алисы".

После выхода в свет первой книги писательница получила тысячи писем с просьбой продолжить историю Ани. И тогда появились следующие произведения, повествующие о судьбе Ани-подростка, девушки и, наконец, взрослой женщины ("Аня из Авонлеи", "Аня с острова Принца Эдуарда", "Аня из Шумящих Тополей", "Дом Аниной мечты", "Аня из Инглсайда") и другие, сюжетно связанные с ними повести об Авонлее и ее обитателях, встретившие не менее восторженный прием у читательской аудитории.

Творчество и биография Л. М. Монтгомери стали предметом множества книг, статей, исследований. Если первоначально к ее произведениям применялись критерии детской литературы, то в последние двадцать лет в связи с развитием феминистского направления в литературной критике исследователи интересуются присущим ее творчеству глубоким подходом к вопросам становления личности женщины и анализируют его, применяя стандарты "литературы для взрослых", а не "детской классики".

Предлагаемым вниманию читателей переводом книги Л. М. Монтгомери "Аня из Зеленых Мезонинов" мы открываем новую серию книг — "Незнакомая классика. Книга для души", в которую войдут не только произведения Монтгомери (в первую очередь, — все книги об Ане), но и книги писательниц США второй половины XIX и начала XX века (Элинор Портер, Луизы Мэй Олкотт, Кейт Дуглас Уиггин, Джин Уэбстер, Сюзан Кулидж и др.), пользующиеся в англоязычных странах огромной популярностью, свидетельствующей о том, что перед нами произведения, отвечающие потребностям все новых поколений юных читателей.

Почти все эти книги — с продолжением, и история их создания очень похожа на историю появления серии книг об Ане из Зеленых Мезонинов: первая повесть каждой из писательниц, рассказывавшая о детских годах североамериканской девочки, становилась

бестселлером сразу после выхода в свет, и читательский энтузиазм заставлял автора продолжить повествование описанием юности и взросления героини, превращая повесть в настоящий роман для юношества. Каждая из писательниц, чьи произведения мы включили в нашу серию, глубоко оригинальна по стилю, языку, композиционному построению своих произведений, но что объединяет их всех — это пристальное внимание к сложным морально-этическим проблемам, встающим перед человеком в период его подготовки к вступлению в самостоятельную жизнь. Живо, с юмором, без скучной назидательности и утомительных поучений они помогают детям и подросткам понять, что происходит вокруг них и в них самих в те годы жизни, когда закладываются основы характера, формируются привычки, вырабатывается жизненная позиция. Они учат терпимости и чуткости, умению видеть скрытые ценности души в каждом человеке, дают благотворный урок христианской морали, основа которой — честный труд и суровое отношение к себе вместе с прощением и снисхождением к другим.

Рассматриваемые произведения были написаны и впервые вышли в свет в период между Гражданской войной 1861–1865 годов в США и первой мировой войной — период, который был отмечен в Америке бурными процессами индустриализации и урбанизации. В меняющихся экономических и социальных условиях зарождалось и развивалось движение за признание творческого потенциала женщины, за равноправие женщин и мужчин в таких сферах, как образование, избирательная система, профессиональный труд. Происходившие в обществе перемены нашли свое отражение и в произведениях для девочек и девушек, героини которых становились все более независимыми в суждениях, самостоятельными, стремящимися к образованию и профессиональной карьере. Разумеется, существовавшие традиции и условия жизни не всегда позволяли им добиться осуществления своих стремлений, что авторы этих книг как последовательные реалисты не могли не показать. Однако главное, что было преодолено в их произведениях, — это рутинное деление на активное мужское и пассивное женское начала. Дом, семья показаны в этих произведениях не как тихий уголок, где прозябают лишённые активного участия в жизни большие и маленькие женщины, но, напротив, как динамичное общество в миниатюре, где женщины независимы, деятельны, самостоятельны и где нужны и полезны именно их женские качества и таланты. Указанные произведения носят отчасти автобиографический характер, поэтому почти в каждом из них есть героиня с литературными амбициями, которые ей, в зависимости от жизненных обстоятельств, удастся или не удастся реализовать. При этом повествование о вхождении девочки или девушки в мир, где роль женщины во многом определяется патриархальными традициями, приобретает более глубокий смысл, становясь рассказом о борьбе женщины творческого склада за духовное выживание.

Хотя все эти книги обращены в первую очередь к юным читательницам, их, несомненно, с большим интересом и удовольствием прочтут и взрослые, ибо это оригинально, талантливо и с юмором написанные произведения, дышащие жизненной правдой и добротой и оставляющие в душе читателя светлое чувство.

М. Ю. Батищева

Глава 1

Миссис Рейчел Линд удивляется

Дом миссис Рейчел Линд стоял как раз в том месте, где широкая дорога, ведущая в Авонлею, ныряла в небольшую долину, окаймленную с обеих сторон зарослями ольхи и папоротников, и где ее пересекал ручей, который брал свое начало далеко, еще в лесах, окружавших старый двор Касбертов. Там, в начале своего течения, этот ручей был капризным и своевольным, прыгал каскадами и разливался небольшими темными и таинственными прудами, но к тому времени, когда он добирался до Долины Линд, это уже был спокойный, благовоспитанный маленький поток, потому что даже ручей не мог протекать мимо дома миссис Рейчел Линд без должного соблюдения приличий. Он,

вероятно, отдавал себе отчет в том, что миссис Рейчел, сидя у окна, смотрит внимательным взором на все, что делается вокруг, начиная от ручьев и детей, и если она заметит что-нибудь странное или неуместное, то не обретет покоя, пока не дойдет до всех «отчего» и "почему".

Много есть людей, как в Авонлее, так и за ее пределами, которые любят заниматься делами своих соседей, упуская при этом из виду свои собственные. Но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем одаренным особам, которые, питая живой интерес к делам ближних, прекрасно управляют и со своими. Она была отличной хозяйкой, в доме у нее все блстело; она вела кружок рукоделия для девочек, помогала организовывать занятия воскресной школы, была надежнейшей опорой благотворительной организации при местной церкви и общества поддержки миссионеров. И при всем том у миссис Рейчел хватало времени, чтобы сидеть часами возле окна своей кухни, вязать на спицах одеяла из толстых хлопчатых ниток — а связала она их уже шестнадцать, как с почтительным трепетом в голосе говорили друг другу хозяйки в Авонлее, — и неусыпно наблюдать за дорогой, которая сворачивала здесь в долину, а затем вилась вверх по крутому красноватому холму. Так как Авонлея занимала маленький полуостров в форме треугольника, выступавший в залив Святого Лаврентия и окруженный с двух сторон водой, всякий, кто направлялся в эту деревню или из нее, должен был пройти по этой взбирающейся на холм дороге. И потому, сам о том не ведая, представлял пред всевидящим оком миссис Рейчел.

Как-то раз в начале июня она сидела в кухне на своем обычном месте. Теплое, яркое солнце заглядывало в окно. Сад, раскинувшийся на склоне холма за домом, стоял в чудесном подвенечном наряде бледно-розовых цветов, над которыми с жужжанием вились мириады пчел. Томас Линд — скромный человек, которого все в Авонлее называли "муж Рейчел Линд", — сеял свою позднюю репу на склоне за коровником, и Мэтью Касберт тоже должен бы был сеять свою на большом поле у ручья, возле Зеленых Мезонинов. Миссис Рейчел знала, что должен, потому что слышала накануне, как он говорил Питеру Моррисону в магазине Уильяма Блэра в Кармоди, что собирается сеять репу на следующий день после обеда. Разумеется, Питер его об этом спросил, потому что Мэтью Касберт не принадлежал к числу людей, которые говорят о том, о чем их не спрашивали.

И однако, вот он, Мэтью Касберт, в половине четвертого, в будний день, не спеша, направляется по дороге через долину. И что еще удивительнее — так это то, что на нем его лучший костюм и белый воротничок — неопровержимое доказательство, что он выезжает куда-то из Авонлеи. И едет он в кабриолете, запряженном гнедой кобылой, из чего ясно, что путь ему предстоит неблизкий. Так куда же Мэтью Касберт едет и зачем он туда едет?

Будь это любой другой человек в Авонлее, миссис Рейчел, минутку подумав, легко смогла бы дать ответ на оба эти вопроса. Но Мэтью так редко выезжал из дома, что только нечто весьма настоящее и необычное могло заставить его двинуться в путь. Он был на редкость робким человеком, и отправиться туда, где он оказался бы в обществе незнакомых ему людей или где ему пришлось бы с кем-то разговаривать, было для него тяжким испытанием. Мэтью в белом воротничке, в кабриолете — такое редко случалось. Миссис Рейчел долго размышляла об этом, но так ни к чему и не пришла, и вся прелесть безмятежного вечера была для нее потеряна.

— Придется после чая пойти в Зеленые Мезонины и выяснить у Мариллы, куда он поехал и зачем, — в конце концов решила эта достойная женщина. — Он никогда не отправляется в город в это время года и *никогда* не ездит в гости. Если бы ему не хватило семян и пришлось бы за ними поехать, то он не стал бы наряжаться и брать кабриолет. Не может быть, чтобы он направлялся за доктором, — он ехал слишком медленно для этого. Однако что-то несомненно произошло со вчерашнего вечера, что заставило его выехать из дома. Ну прямо загадка, скажу я вам! И я не успокоюсь, пока не узнаю, что же заставило Мэтью Касберта выехать сегодня из Авонлеи.

И вот после чая миссис Рейчел направилась к Зеленым Мезонином. Идти было недалеко. От Долины Линд до просторного, утопающего в садах дома, где жила семья Касбертов, было всего четверть мили по большой дороге. Правда, потом предстояло еще

пройти по довольно длинной тропинке. Отец Мэтью Касберта, такой же робкий и молчаливый, как и его сын, постарался, закладывая свое хозяйство, разместить его как можно дальше от соседей, возле самого леса. Зеленые Мезонины были выстроены на самом дальнем краю принадлежавшего ему расчищенного участка и там стояли по сей день, едва видимые с дороги, вдоль которой дружно расположились остальные домики Авонлеи. Миссис Рейчел никак не могла назвать дом, выстроенный на таком месте, *жильем*.

— Это так, просто *крыша над головой*, скажу я вам, — говорила она себе самой, шагая по поросшей травой и обсаженной кустами шиповника тропинке с глубокими колеями. — Ничего удивительного, что Мэтью и Марилла оба чуточку странные, ведь живут они так обособленно. Конечно, если деревья могут составить компанию, то их тут, слава Богу, вполне достаточно. Но я предпочла бы смотреть на людей. По правде сказать, оба они, кажется, всем довольны, но я полагаю, они просто привыкли к такой жизни. Ко всему можно привыкнуть, как сказал ирландец, приговоренный к повешению.

С этими словами миссис Рейчел ступила с тропинки на задний двор Зеленых Мезонинов. Весь в зелени, очень чистый и аккуратный, двор этот был обсажен с одной стороны высокими старыми ивами, а с другой — ровными пирамидальными тополями. Ни одной случайно оброненной палочки или камешка не было видно, ибо, несомненно, миссис Рейчел увидела бы их, если бы они там находились. В глубине души она была уверена, что Марилла Касберт подметает двор так же часто, как и дом. Можно было бы обедать прямо на земле, не опасаясь проглотить даже и комочка грязи.

Миссис Рейчел энергично постучала в дверь кухни и, услышав «войдите», вошла. Кухня в Зеленых Мезонинах была просторной и веселой... или, скорее, была бы веселой, если бы не поразительная, пугающая чистота, придававшая ей сходство с гостиной, в которой никто никогда не бывает. Окна были обращены на восток и на запад. С западной стороны через окно, выходившее на задний двор, лился в кухню поток мягкого июньского солнца. Восточное же окно, через которое можно было видеть усыпанные белыми цветами вишни в саду и слегка покачивающиеся стройные березы в долине у ручья, зеленело от вьющегося вокруг него плюща. Здесь обычно и сидела Марилла Касберт, если уж она решалась присесть и отдохнуть, при этом всегда недоверчиво поглядывая на солнце, казавшееся ей слишком уж веселым и легкомысленным для этого мира, к которому надлежало относиться со всей серьезностью. Здесь сидела она и теперь с вязаньем в руках. Стол позади нее был накрыт к ужину.

Миссис Рейчел еще не успела как следует закрыть дверь, а уже заметила все, что стояло на этом столе. Там было три прибора, так что Марилла, должно быть, ожидала, что кто-то придет к чаю вместе с Мэтью. Но посуда была будничная, в вазочке — только яблочное повидло, на блюде — один вид печенья, так что ожидаемый гость вряд ли был очень важной особой. Но что же тогда означали белый воротничок Мэтью и гнедая кобыла? Миссис Рейчел совершенно растерялась, не в силах разгадать удивительную тайну, так неожиданно окутавшую обычно тихие и совсем не таинственные Зеленые Мезонины.

— Добрый вечер, Рейчел, — сказала Марилла оживленно. — Чудесная погода, правда? Садись, пожалуйста. Как там все ваши поживают?

Нечто такое, что, за недостатком другого определения, можно было бы назвать дружбой, всегда существовало между Мариллой Касберт и миссис Рейчел, вопреки — или, возможно, именно благодаря — несходству их натур.

Марилла была высокая худая женщина с фигурой из одних углов, без всяких изгибов. Ее темные волосы, в которых уже виднелось несколько седых прядок, были, по обыкновению, свернуты в твердый маленький узел на затылке и безжалостно проткнуты двумя металлическими шпильками. Она производила впечатление женщины не слишком широких взглядов, но с суровой совестью, каковой и являлась. Однако что-то в очертаниях ее рта, лишь чуть-чуть наметившееся, позволяло заподозрить в ней чувство юмора.

— У нас все здоровы, — сказала миссис Рейчел. — Я испугалась, не заболел ли у *вас* кто-нибудь, когда увидела Мэтью в кабриолете. Я подумала, не поехал ли уж он за доктором.

Губы Мариллы чуть дрогнули в понимающей улыбке. Она ожидала прихода миссис Рейчел, зная, что вид Мэтью, катящего по дороге в кабриолете, будет столь необъяснимым, что окажется слишком тяжелым испытанием для любопытства соседки.

— О нет, я совершенно здорова, хотя вчера у меня очень болела голова, — сказала она. — Мэтью поехал на станцию в Брайт Ривер. Мы берем на воспитание маленького мальчика из сиротского приюта в Новой Шотландии. Он приезжает сегодня вечерним поездом.

Если бы Марилла сказала, что Мэтью поехал на станцию, чтобы забрать кенгуру, полученного из Австралии, изумление миссис Рейчел не было бы большим. Она онемела на целых пять секунд. Было невероятно, чтобы Марилла захотела подшутить над ней, но миссис Рейчел была готова предположить даже такое.

— Ты это серьезно, Марилла? — спросила она, когда к ней вернулся дар речи.

— Да, конечно, — отвечала Марилла, как будто брать мальчиков из сиротского приюта в Новой Шотландии входило в число обычных весенних работ на любой порядочной ферме в Авонлее, а не неслыханным доселе нововведением.

Миссис Рейчел почувствовала, что совершенно утратила душевное равновесие. Мысли ее состояли из одних восклицаний. Мальчик! Марилла и Мэтью Касберты берут на воспитание мальчика! Из сиротского приюта! Да это прямо конец света! После такого ее уж ничто не удивит! Ничто!

— Да как вам пришло такое в голову? — спросила она с неодобрением в голосе. Принимая решение, ее совета даже не спросили, а потому следовало выразить неодобрение.

— О, мы думали об этом довольно долго, точнее, всю зиму, — ответила Марилла. — Миссис Спенсер была у нас здесь перед Рождеством и сказала, что весной собирается взять на воспитание маленькую девочку из приюта в Хоуптауне. Там, в Хоуптауне, живет ее кузина. Миссис Спенсер навещала ее и узнала все об этом приюте. Так что с тех пор мы с Мэтью все время возвращались к этой теме в разговорах. Мы решили, что возьмем мальчика. Мэтью немолод, ты знаешь, ему за шестьдесят, и он теперь не такой бодрый, как прежде. И сердце у него не совсем в порядке. А ты ведь знаешь, как трудно сейчас нанять кого-нибудь, чтобы помогал на ферме. Тут нет никого, кроме этих глупых французских подростков. Только какого-нибудь из них приставишь к делу и чему-то научишь, как он убегает на завод, где консервируют омаров, или в Соединенные Штаты. Сначала Мэтью предлагал взять мальчика из Англии. Но я твердо сказала — нет. "Может, они и неплохие, я ничего против них не имею. Но я не хочу иметь дело с лондонскими уличными мальчишками, — сказала я. — Пусть он будет, по крайней мере, здешний. Конечно, риск будет, кого бы мы ни взяли. Но мне станет легче на душе и спать я буду спокойнее, если мы возьмем канадского ребенка". Так что в конце концов мы решили попросить миссис Спенсер выбрать для нас мальчика, когда она поедет, чтобы взять девочку для себя. На прошлой неделе мы узнали, что она уже едет, и через семью Роберта Спенсера в Кармоди попросили ее привезти нам сообразительного симпатичного мальчика лет десяти-одиннадцати. Мы сочли, что это будет самый подходящий возраст — достаточно взрослый, чтобы сразу помогать по хозяйству, и достаточно маленький, чтобы успеть его правильно воспитать. У нас он найдет хорошую семью, дом и получит образование. Сегодня пришла телеграмма от миссис Спенсер — почтальон принес ее со станции, — там сказано, что они приедут поездом в пять тридцать. Мэтью поехал на станцию в Брайт Ривер встретить его. Миссис Спенсер высадит его там, а сама, разумеется, поедет до Уайт Сендс.

Миссис Рейчел гордилась тем, что всегда высказывала свое мнение без всяких оговорок. К этому она и приступила теперь, уже определив свое отношение к этой потрясающей новости.

— Ну, Марилла, я прямо тебе выложу, что думаю. Вы делаете ужасную глупость! Это риск, скажу я вам. Вы не понимаете, что делаете! Вы берете в свой дом чужого ребенка, не зная абсолютно ничего ни о нем, ни о его характере, ни о его родителях, ни о том, каким он может вырасти. Вот, только на прошлой неделе я читала в газете, как один фермер с женой,

из наших же мест, взяли мальчика из сиротского приюта, а он взял да и поджег ночью их дом — поджег *нарочно*, Марилла, — и чуть не спалил их дотла прямо в постелях. И я знаю другой случай, когда усыновленный мальчик высасывал все сырые яйца — они не могли отучить его от этого. Если бы вы спросили моего совета в этом деле — чего вы не сделали, Марилла, — я сказала бы: ради всего святого, и не думайте об этом! Так-то вот!

Это запоздалое предостережение, казалось, не обидело и не встревожило Мариллу. Она не переставала работать спицами.

— Не спорю, в том, что ты говоришь, Рейчел, много правды. У меня самой есть кое-какие сомнения. Но Мэтью ужасно привязался к этой мысли. Я поняла это и потому уступила. Мэтью так редко чего-нибудь хочет, что, когда это случается, я всегда чувствую, что мой долг уступить. А что касается риска, так риск есть почти во всяком деле. Риск есть и тогда, когда люди заводят своих собственных детей, если уж на то пошло, — тоже неизвестно, что из них вырастет. А Новая Шотландия — это совсем близко от нашего острова. Другое дело, если бы мы брали ребенка из Англии или Соединенных Штатов. Канадский ребенок не может уж очень сильно отличаться от нас.

— Ну, надеюсь, все будет хорошо, — сказала миссис Рейчел тоном, который явно свидетельствовал, что она сильно в этом сомневается. — Только не говори потом, что я тебя не предупреждала, если он спалит Зеленые Мезонины или насыплет стрихнина в колодец — я слышала, такой случай был в Нью-Брансуике, где приютский ребенок сделал это, и вся семья скончалась в ужасных мучениях. Только в том случае это была девочка.

— Ну, мы берем не девочку, — сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женской специальностью и не следовало опасаться такого со стороны мальчика. — Мне бы никогда не пришлось в голову взять на воспитание девочку. И удивляюсь, что миссис Спенсер это делает. Ну, впрочем, она усыновила бы весь сиротский приют, если бы только такая мысль пришла ей в голову.

Миссис Рейчел охотно бы задержалась и подождала возвращения Мэтью. Но, рассудив, что до его приезда остается еще, по меньшей мере, добрых два часа, она решила пройти дальше по дороге до дома, где жила семья Роберта Белла, и сообщить им новость. Ее слова, несомненно, произведут сенсацию, а миссис Рейчел очень любила производить сенсацию. И потому она удалилась, к большому облегчению Мариллы, которая чувствовала, что ее собственные сомнения и страхи оживают под воздействием мрачных предсказаний миссис Рейчел.

— Ну и ну, слыхано ли такое! — воскликнула миссис Рейчел, выбравшись на тропинку. — Прямо как во сне. Жаль мне этого бедного мальчугана. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях и захотят, чтобы он был умнее и степеннее его собственного дедушки, если, конечно, у него вообще был дедушка, что сомнительно. Странно даже представить, что в Зеленых Мезонинах появится ребенок. Там никогда не было детей, потому что Мэтью и Марилла были уже взрослыми, когда их отец строил этот дом... Впрочем, кто знает, *были* ли они вообще когда-нибудь детьми; в это трудно поверить, глядя на них. Не хотела бы я оказаться на месте этого сироты. Боже мой, жаль мне его, скажу я вам!

Так, с глубоким чувством, говорила миссис Рейчел кустам шиповника. Но если бы она могла видеть того ребенка, который в это время терпеливо ожидал Мэтью на станции, ее жалость была бы еще сильнее и глубже.

Глава 2

Мэтью Касберт удивляется

Мэтью Касберт и его гнедая неспешной трусцой преодолели восемь миль, отделявшие их от Брайт Ривер. Это была чудесная дорога, по обе стороны которой расположились ухоженные фермерские усадьбы. Порой она пересекала то участок, поросший душистой смолистой пихтой, то долину, где к ней протягивали свои ветви дикие сливы, все усыпанные

цветами. Воздух был пропитан ароматами бесчисленных яблоневых садов, луга терялись на горизонте в опаловых и пурпурных отблесках, а птички пели так, словно это был единственный погожий день в году.

Мэтью наслаждался поездкой. Ее портили только те минуты, когда ему приходилось кланяться женщинам, встречавшимся ему по дороге. На острове Принца Эдуарда принято кланяться каждому встречному, знакомому и незнакомому.

Мэтью боялся всех женщин, кроме своей сестры Мариллы и миссис Рейчел. У него всегда было неприятное впечатление, что эти таинственные существа втайне смеются над ним. Он не был далек от истины, потому что внешность его была довольно странной — нескладная фигура, длинные с проседью волосы, спускающиеся на сгорбленные плечи, и пышная, мягкая темная борода, которую он отпустил, когда ему было двадцать. По правде говоря, он и в двадцать выглядел так же, как теперь, в шестьдесят. Только тогда в волосах его не было седины.

Когда он добрался до Брайт Ривер, никакого поезда не было видно. Он подумал, что приехал слишком рано, а потому привязал лошадь во дворе маленькой станционной гостиницы и прошел в здание самой станции. Длинная платформа была почти пуста. Единственным живым существом здесь была девочка, сидевшая на сложенных в самом конце платформы кровельных досках. Мэтью, заметив только, что это — девочка, бочком проскользнул мимо нее так быстро, как только мог, стараясь не глядеть в ее сторону. Если бы он взглянул на нее, то не смог бы не почувствовать напряженную скованность и ожидание во всей ее позе и выражении лица. Она сидела, ожидая чего-то или кого-то, и так как сидеть и ждать было единственным возможным занятием, то она предавалась ему со всей страстью, на какую была способна.

Мэтью столкнулся с начальником станции возле билетной кассы, которую тот запирает, собираясь домой к ужину, и спросил у него, скоро ли придет поезд, который должен был прибыть в пять тридцать.

— Он уже пришел и ушел полчаса назад, — отвечал этот бодрый служащий. — Но тут есть пассажир, которого высадили и который ждет вас, — маленькая девочка. Она сидит вон там на досках. Я предложил ей пройти в комнату ожидания для дам, но она очень серьезно сообщила мне, что предпочитает оставаться на открытом воздухе. "Тут больше простора для воображения", — сказала она. Оригинальная девчушка, должен заметить.

— Я не жду никакой девочки, — сказал Мэтью беспомощно. — Я приехал за мальчиком. Он должен быть здесь. Миссис Спенсер должна была привезти его из Новой Шотландии.

Начальник станции присвистнул.

— Похоже, тут какая-то ошибка, — сказал он. — Миссис Спенсер вышла из поезда с этой девочкой и оставила ее на мое попечение. Она сказала, что девочка из сиротского приюта и что вы с вашей сестрой берете ее на воспитание и сегодня же за ней приедете. Это все, что *мне* известно. И я тут больше никаких сирот не прячу, — добавил он шутливо.

— Непонятно, — сказал Мэтью растерянно, жалея, что нет здесь Мариллы, чтобы разобраться в ситуации.

— Ну, вам лучше расспросить девочку, — сказал начальник станции беззаботно. — Я уверен, она сумеет объяснить — язык у нее подвешен, не сомневайтесь. Может быть, у них не было мальчиков того сорта, что вам нужен.

И он поспешил домой, так как был голоден, а несчастный Мэтью остался, и предстояло ему сделать то, что было для него хуже, чем войти в логово льва, — подойти к девочке, незнакомой девочке, девочке из приюта, и спросить у нее, почему она не мальчик. Мэтью внутренне застонал, когда повернулся и медленно, шаркающей походкой направился к ней.

Она следила за ним с той самой минуты, как он прошел мимо нее, и продолжала смотреть на него и теперь. Сам Мэтью не глядел на нее, но даже если бы и взглянул, то не увидел бы, какой она была, но любой обыкновенный наблюдатель увидел бы вот что...

Девочка лет одиннадцати в очень коротком, очень тесном, очень некрасивом платье из

жесткой желтовато-белой полушерстяной ткани. На ней была выцветшая коричневая матросская шляпа, а из-под шляпы на спину ложились две очень толстые косы, рыжие, как огонь. Лицо у нее было маленькое, бледное и худое, со множеством веснушек, с широким ртом и большими глазами; они казались то зелеными, то серыми в зависимости от освещения и настроения их обладательницы.

Вот и все, что мог бы заметить обыкновенный наблюдатель; необыкновенный же, более внимательный наблюдатель мог бы увидеть, что подбородок у нее был решительный и острый, что большие глаза полны живости и сообразительности, что рот у нее красиво очерченный и выразительный, что лоб широкий и умный — словом, наш более проницательный необыкновенный наблюдатель мог бы сделать вывод, что незаурядная душа обитает в теле этого бедного, заброшенного существа, которого робкий Мэтью так нелепо боялся.

Мэтью, однако, был избавлен от тяжелой необходимости заговорить первым, потому что, как только девочка поняла, что он направляется именно к ней, она встала, одной смуглой худенькой рукой схватила ручку своего потрепанного старомодного саквояжа, а другую протянула ему.

— Я полагаю, вы — мистер Мэтью Касберт из Зеленых Мезонинов? — сказала она необычно звучным и приятным голосом. — Я очень рада вас видеть. Я уже начинала бояться, что вы не приедете за мной, и пыталась вообразить все, что могло вас задержать. Я решила, что, если вы не приедете за мной сегодня, я пройду по шпалам до той большой цветущей дикой вишни на повороте, влезу на нее и там проведу ночь. Мне совсем не было бы страшно. Было бы прелестно спать на дикой вишне, среди белых цветов, в лунном сиянии, как вы думаете? Можно вообразить, что живешь в мраморном дворце, правда? И я была уверена, что вы приедете за мной завтра утром, если не сможете приехать сегодня.

Мэтью неуклюже пожал худенькую маленькую руку и в ту же минуту решил, что делать. Он не может сказать этому ребенку с сияющими глазами, что произошла ошибка. Он возьмет ее домой и предоставит Марилле сделать это. В любом случае ее нельзя оставить в Брайт Ривер, пусть даже и произошла ошибка. Так что все вопросы и объяснения можно отложить до того момента, когда они благополучно вернутся в Зеленые Мезонины.

— Извини, что я опоздал, — сказал он робко. — Пойдем. Лошадь там, во дворе. Давай мне твой саквояж.

— О, я сама могу его нести, — отвечала девочка весело. — Он не тяжелый. В нем все мое земное имущество, но он совсем не тяжелый. И потом, я знаю, как надо держать, чтобы ручка у него не отваливалась, — так что я лучше сама понесу. Это очень старый саквояж. Ах, я очень рада, что вы приехали, пусть даже и было бы приятно спать на дикой вишне. Нам далеко ехать, да? Миссис Спенсер сказала — восемь миль. Я рада, потому что люблю ездить. Ах, как это чудесно, что я буду жить у вас и буду вам принадлежать! Я никогда не принадлежала никому... по-настоящему. Но приют был хуже всего. Я провела там лишь четыре месяца, но и этого было достаточно. Я думаю, вы никогда не были сиротой в приюте, так что, скорее всего, не можете понять, что это такое. Это хуже всего, что только можно вообразить. Миссис Спенсер сказала, что нехорошо так говорить, но я ведь не имею в виду ничего дурного. Очень легко сделать нечаянно что-то нехорошее, даже не догадываясь об этом, правда? Понимаете, они были добрые, эти воспитатели в приюте, но там так мало простора для воображения... разве что другие сироты. Было довольно интересно воображать разные вещи о них: вообразить, например, что девочка, которая сидит рядом, на самом деле дочь какого-нибудь графа, украденная в младенчестве у родителей злой нянькой, которая умерла прежде, чем успела в этом признаться. Я обычно не спала по ночам и воображала что-нибудь в этом роде, потому что днем у меня не было времени. Может быть, именно поэтому я такая худая... ведь я ужасно худая, правда? Одни кости. Я люблю воображать, что я хорошенькая и пухленькая, с ямочками на локтях.

И тут спутница Мэтью умолкла, отчасти потому, что запыхалась, а отчасти потому, что в этот момент они остановились у кабриолета. Она не проронила ни слова, пока они

выезжали из деревни и спускались с крутого холма. Дорога здесь так глубоко врезалась в мягкий грунт, что края ее, поросшие цветущими дикими вишнями и стройными белыми березами, поднимались на несколько футов над головами едущих.

Девочка протянула руку и отломила ветку дикой сливы, которая задела о бок кабриолета.

— Правда, красиво? Что вам напоминает это дерево, склонившееся к дороге, все белое и кружевное? — спросила она.

— Мм... не знаю, не думал, — сказал Мэтью.

— Конечно же невесту — невесту, всю в белом, под прелестной кружевной вуалью. Я никогда не видела невесту, но могу вообразить, что именно так она выглядит. Я не думаю, что когда-нибудь стану невестой. Я такая некрасивая, что никто никогда не захочет на мне жениться... ну, может, только иностранный миссионер. Я полагаю, миссионер не должен быть слишком разборчивым. Но я надеюсь, что когда-нибудь у меня будет белое платье. Это мое представление о вершине земного блаженства. Я так люблю красивые платья. У меня ни разу в жизни не было красивого платья, сколько я себя помню... но, разумеется, зато есть чего ждать от жизни, правда? А впрочем, я могу вообразить, что одета великолепно. Сегодня утром, когда я уезжала из приюта, мне было так стыдно, потому что пришлось надеть это ужасное старое платье. Там, понимаете, всем сиротам приходится носить такие. Один торговец из Хоуптауна прошлой зимой пожертвовал приюту триста ярдов этой ткани. Некоторые говорили, что он просто не смог ее продать, но я предпочитаю верить, что он сделал это от чистого сердца, а вы как думаете? Когда мы сели в поезд, у меня было такое ощущение, будто все смотрят и жалеют меня. Но я тут же взялась за дело и вообразила, что на мне красивейшее платье из бледно-голубого шелка, — потому что если уж воображаешь, то ведь с тем же успехом можно вообразить что-нибудь стоящее — и большая шляпа вся в цветах и с покачивающимися перьями, и золотые часики, и тонкие кожаные перчатки, и туфельки. Я сразу почувствовала себя счастливой и наслаждалась этой поездкой на остров всем своим существом. Меня совсем не тошнило на пароходе. И миссис Спенсер тоже не тошнило, хотя обычно ее тошнит. Она сказала, что у нее не было на это времени, потому что надо было следить, чтобы я не свалилась за борт. Она сказала, что в жизни не видела никого, кто бы так крутился, как я. Но ведь если это помогло ей избежать морской болезни, то просто счастье, что я так крутилась, правда? Просто я хотела увидеть все, что можно было увидеть на пароходе, потому что не знала, представится ли еще такой случай. Ах, сколько вишен, и все в цвету! Этот остров — настоящий сад. Я уже его люблю и так рада, что буду здесь жить. Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда самое красивое место на свете, и часто воображала, что живу здесь, но никогда не предполагала, что буду и в самом деле здесь жить. Восхитительно, когда то, что воображаешь, становится реальностью, правда? Какие странные эти красные дороги! Когда мы сели в поезд в Шарлоттауне и за окнами стали мелькать красные дороги, я спросила миссис Спенсер, почему они красные, а она сказала, что не знает и чтобы я, ради Бога, не задавала ей больше вопросов. Она сказала, что я задала их ей уже, наверное, тысячу. Я думаю, что так оно и было, но как же понять разные вещи, если нельзя задавать вопросов? А почему эти дороги красные?

— Мм... по правде сказать, не знаю, — признался Мэтью.

— Что ж, это еще один вопрос, на который предстоит когда-нибудь найти ответ. Разве не радостно подумать, что еще так много всего предстоит узнать? Именно поэтому я рада, что живу, — это такой интересный мир. И он не был бы и в половину таким интересным, если бы мы уже все обо всем знали, правда? Тогда не было бы простора для воображения, ведь так? Но может быть, я слишком много говорю? Мне всегда делают замечания. Может, вы хотите, чтобы я не говорила? Скажите только, и я перестану. Я могу перестать, если захочу, хотя это трудно.

Мэтью, к своему большому удивлению, чувствовал себя прекрасно. Как все молчаливые люди, он любил говорюнов, если они были готовы говорить, не ожидая, что он будет поддерживать разговор. Но он никогда не предполагал, что общество маленькой

девочки может быть таким приятным. Женщины были, безусловно, ужасны, но маленькие девочки еще хуже. Он особенно не любил, когда они пугливо пробирались бочком мимо него, поглядывая искоса, как будто ожидали, что он проглотит их целиком, если они решатся сказать хоть словечко. Таков был авонлейский тип хорошо воспитанной девочки. Но эта веснушчатая чародейка была совсем другая, и хотя для медлительного Мэтью было довольно трудно поспевать за полетом ее мысли, он подумал, что ему, "похоже, нравится ее болтовня". Поэтому он сказал, как всегда робко:

— О, говори сколько хочешь. Я не против.

— Ах, как я рада! Я чувствую, что мы с вами подружимся. Это такое облегчение — говорить, когда хочется и когда тебе не напоминают, что детей лучше видеть, чем слышать. Мне это говорили миллион раз. И еще смеются надо мной, потому что я употребляю возвышенные слова. Но если у вас возвышенные мысли, то вам приходится употреблять возвышенные слова, чтобы их выразить, вы согласны?

— Мм... похоже, что это оправданно, — согласился Мэтью.

— Миссис Спенсер говорит, что мой язык следовало бы прикрепить посередине. Но он прирос, и крепко, с одного конца. Миссис Спенсер сказала, что ваш участок называется Зеленые Мезонины. Я ее расспрашивала о нем. И она сказала, что дом весь окружен деревьями. Я была ужасно рада. Я так люблю деревья. А их совсем не было в приюте, только несколько несчастных хилых деревцев перед входом, за выбеленной оградкой. Они сами выглядели как сироты, эти деревья. Мне всегда хотелось плакать, когда я на них смотрела. Я говорила им: "Ах вы, бедняжки! Если бы вы стояли в большом лесу среди других деревьев, где густой мох и колокольчики росли бы вокруг ваших корней, а поблизости шумел ручей и птички пели бы в ваших ветвях, разве не разрослись бы вы быстро? Но здесь, где вы стоите, вы не можете расти. Я хорошо понимаю, каково вам, маленькие деревца". Мне было грустно расставаться с ними сегодня утром. Человек привязывается к подобным вещам, ведь правда? А возле Зеленых Мезонинов есть ручей? Я забыла спросить об этом миссис Спенсер.

— Да, конечно, ручей прямо за нашим двором.

— Чудесно! Жить возле ручья всегда было моей мечтой. Хотя я никогда не думала, что она сбудется. Мечты не часто сбываются, правда? А разве не чудесно было бы, если бы они всегда сбывались? Но теперь я чувствую себя почти совершенно счастливой. Я не могу быть совершенно счастливой, потому что... вот, какого это цвета, что вы скажете?

Она перекинула вперед через худенькое плечо одну из длинных блестящих кос и показала Мэтью. Мэтью не привык судить об оттенках дамских локонов, но в этом случае сомнений быть не могло.

— Рыжие, да? — сказал он.

Девочка уронила косу со вздохом, таким глубоким, что он, казалось, поднимался от самых ее стоп и давал выход всем многовековым скорбям.

— Да, рыжие, — сказала она с покорностью судьбе. — Теперь вы понимаете, почему я не могу быть совершенно счастлива? Никто не смог бы, если бы у него были рыжие волосы. Я не расстраиваюсь так глубоко из-за других вещей... веснушки, зеленые глаза и то, что я такая худая. Я могу вообразить, что всего этого нет. Я могу вообразить, что у меня цвет лица как лепестки розы и прелестные лучистые фиалковые глаза. Но я *не могу* даже в воображении избавиться от рыжих волос. Я очень стараюсь. Я повторяю себе: теперь у меня блестящие черные волосы, черные, как вороново крыло. Но все напрасно, я *знаю*, что они просто рыжие, и это разбивает мне сердце. Это будет трагедия всей моей жизни. Я читала однажды в романе о девушке, у которой была трагедия всей ее жизни, но это не были рыжие волосы. У нее были золотые локоны, струившиеся с ее алебастрового чела. Что это такое — алебастровое чело? Мне так и не удалось выяснить. Вы не могли бы мне объяснить?

— Мм... нет, боюсь, что не могу, — отвечал Мэтью, у которого начинала идти кругом голова. Он чувствовал себя так же, как однажды в своей безрассудной юности, когда на пикнике другой мальчик уговорил его прокатиться на карусели.

— Ну, во всяком случае, это было нечто прелестное, потому что она была божественно

красива. Вы когда-нибудь воображали, что чувствует человек, который божественно красив?

— Мм... нет, никогда, — признался Мэтью чистосердечно.

— А я это часто воображаю. А каким вы предпочли бы быть, если бы вам предложили выбирать, — божественно красивым, ошеломляюще умным или ангельски добрым?

— Мм... я... точно не знаю.

— Я тоже не знаю. Никак не могу решить. Но это неважно, потому что невероятно, чтобы я стала такой. И уж точно, что я никогда не буду ангельски доброй. Миссис Спенсер говорит... О, мистер Касберт! О, мистер Касберт!! О, мистер Касберт!!!

Это не были слова миссис Спенсер, и девочка не вывалилась из кабриолета, и Мэтью не сделал ничего удивительного. Просто они миновали поворот дороги и оказались в "Аллее".

"Аллея", названная так жителями Ньюбриджа, представляла собой отрезок дороги в четыреста или пятьсот ярдов длиной, над которым сплетались ветвями два ряда огромных разросшихся яблонь, посаженных много лет назад каким-то старым чудачком-фермером. Над головой был один сплошной навес из снежно-белых благоухающих цветов. Под ним царил пурпурный полусвет, а далеко впереди виднелся кусочек вечернего неба, сверкающий, как огромное окно-розетка в конце длинной галереи.

Красота этого места, казалось, лишила девочку дара речи. Она откинулась назад в кабриолете, сцепила на груди худенькие руки, лицо ее в немом восторге было поднято к белому великолепию, простиравшемуся над головой. Даже когда они уже выехали из «Аллеи» и спускались по длинному косогору к Ньюбриджу, она все еще не двигалась и не говорила. Все с тем же восторженным лицом она смотрела вдаль на заходящее солнце, и перед ее глазами на фоне пылающего неба проходили чудесные видения. Через Ньюбридж, шумную маленькую деревню, где собаки облаяли их, маленькие мальчики приветствовали криками, а из окон выглянули любопытные лица, они проехали по-прежнему в молчании. И когда позади остались еще три мили, девочка все еще ничего не сказала. Она, очевидно, могла молчать так же энергично, как и говорить.

— Ты, наверное, устала и голодна, — отважился, наконец, сказать Мэтью, который не мог найти другого объяснения этому необычно долгому молчанию. — Но нам уже недалеко, около мили.

Девочка с глубоким вздохом вышла из задумчивости и посмотрела на него мечтательным взором существа, которое блуждало в далеких звездных пространствах.

— О, мистер Касберт, — прошептала она, — это место, которое мы проезжали... то белое место... что это было?

— Мм... ты, наверное, имеешь в виду «Аллею», — сказал Мэтью после недолгого, но глубокого раздумья. — Да, очень красивое место.

— Красивое? О, это слово не подходит, И прекрасное — тоже не подходит. О, оно было чудесное... чудесное! Это первое, что я видела в жизни такое, что нельзя представить еще чудеснее. Оно вызвало у меня радость вот здесь. — Она положила руку на грудь. — От него тут такая странная боль, но это приятная боль. У вас когда-нибудь бывает такая боль, мистер Касберт?

— Мм... да не помню, чтобы когда-нибудь была.

— У меня часто бывает — каждый раз, когда я вижу что-то по-настоящему красивое. Но не следует называть это прелестное место «Аллеей». Это название ничего не выражает. Нужно назвать его... сейчас, подумаю... Белый Путь Очарования. Разве не замечательное образное название? Когда мне не нравится название места или имя человека, я всегда придумываю новое и потом так их всегда и называю. В приюте была девочка по имени Хепзиба Дженкинс, но я всегда про себя называла ее Розалия де Вер. Пусть другие называют это место «Аллеей», я всегда буду называть его Белый Путь Очарования. Нам в самом деле осталось проехать всего милю? О, мне и радостно, и грустно. Грустно, потому что эта дорога была такой приятной, а мне всегда грустно, когда что-то приятное кончается. Хотя, конечно, потом может произойти что-то даже еще более приятное, но никогда нельзя быть уверенным заранее. А часто потом бывает что-то неприятное. Я знаю по опыту. Но я рада, что у меня

будет дом. Понимаете, у меня никогда не было настоящего дома, сколько я себя помню. И у меня опять появляется эта приятная боль в груди, как только подумаю, что еду в настоящий, свой дом. Ах, как это чудесно!

Они миновали гребень холма. Внизу раскинулся пруд, выглядевший почти как река — такой длинный и извилистый он был. Мост пересекал его посередине. Ниже моста, до того места, где янтарный пояс песчаных холмов отделял его от темно-голубого морского залива, вода представляла собой буйство множества меняющихся красок — полупрозрачных оттенков шафранного, розового, бледно-зеленого с другими неуловимыми оттенками, для которых еще никто не нашел названия. Выше моста пруд вился между рощами елей и кленов и сверкал темной водой среди колеблющихся теней. Кое-где склонялась с берега дикая вишня, словно девушка в белом, вставшая на цыпочки, чтобы полюбоваться своим отражением в воде. Из болота, окружавшего верхний конец пруда, доносился звучный, меланхолически сладкий хор лягушек. Чуть выше пруда на склоне стоял маленький серый домик, выглядывавший из яблоневого сада, и хотя еще не было совсем темно, свет горел в одном из его окошек.

— Это пруд Барри, — сказал Мэтью.

— Нет, это имя мне тоже не нравится. Я назову его... дайте подумать... Озеро Сверкающих Вод. Да, это правильное имя. Я знаю это по дрожи. Когда я нахожу имя, которое точно подходит, я чувствую дрожь. У вас что-нибудь вызывает дрожь?

Мэтью размышлял.

— Мм... пожалуй, да. Дрожь меня всегда пробирает, как увижу этих противных белых гусениц, которые ползают в огуречных грядках. Терпеть их не могу.

— О, мне кажется, это не совсем та дрожь. А вы как думаете? Ведь есть разница между гусеницами и озерами сверкающих вод, правда? Но почему этот пруд называют прудом Барри?

— Наверное, потому, что мистер Барри живет там, в том доме. Садовый Склон — вот как это место называется. Если бы не та густая роща за ним, ты могла бы увидеть отсюда Зеленые Мезонины. Но нам придется проехать через мост и кругом по дороге, это еще примерно полмили.

— А у мистера Барри есть маленькие девочки? Ну, не очень маленькие — моего возраста.

— Да, у него дочке одиннадцать лет. Ее зовут Диана.

— О-о! — протянула она, глубоко втягивая воздух. — Какое прелестное имя!

— Ну, я так не думаю. Звучит как-то ужасно по-язычески. Я предпочел бы Джейн или Мэри или еще какое-нибудь разумное имя вроде этого. Но когда Диана родилась, Барри сдавали комнату школьному учителю. Они попросили его выбрать имя, и он предложил имя Диана.

— Жаль, что не было такого учителя там, где я родилась. О, мы уже на мосту! Я зажмурюсь покрепче. Мне всегда страшно переезжать через мосты. Я не могу удержаться и не вообразить, что, может быть, как раз когда мы будем на его середине, он закроется, как складной ножик, и защемит нас. Поэтому я закрываю глаза. Но мне всегда приходится открыть их, когда мне кажется, что мы уже возле середины. Потому что, понимаете, если бы мост закрылся, я хотела бы увидеть, как он закрывается. Как он весело громыкает! Я люблю, когда так громыкает. Разве не чудесно, что есть так много вещей на свете, которые можно любить? Ну, вот и проехали. Теперь я посмотрю назад. Спокойной ночи, дорогое Озеро Сверкающих Вод. Я всегда говорю спокойной ночи вещам, которые люблю, совсем как людям. Я думаю, им это нравится. Эта вода словно улыбается мне.

Когда они миновали очередной холм и дорога снова повернула, Мэтью сказал:

— Мы почти возле дома. Зеленые Мезонины...

— О, не говорите где, — прервала она, поспешно хватая его приподнявшуюся было руку и закрывая глаза, чтобы не видеть, куда он указал. — Позвольте, я угадаю. Я уверена, что угадаю правильно.

Она открыла глаза и взглянула вокруг. Кабриолет был на гребне холма. Солнце уже село, но окрестности были еще ясно видны в мягком свечении заката. На западе темный шпиль церкви высился на фоне ярко-оранжевого неба. Внизу была маленькая долина, а за ней тянулся длинный покатый склон, на котором толпились аккуратные фермерские дворики. Глаза девочки перебегали от одного из них к другому жадно и серьезно. Наконец, взгляд ее остановился на одной ферме, далеко слева от дороги, белевшей в дымке цветущих деревьев и сумраке окружающего леса. Над ней в юго-западной стороне безупречно чистого неба сверкала огромная хрустально-белая звезда, словно светильник, указывающий путь, полный надежд.

— Вот это, правда? — сказала она, указывая рукой.

Мэтью в восхищении хлестнул кобылу вожжами.

— Ну, угадала! Но, я думаю, миссис Спенсер все подробно описала, и потому ты смогла угадать.

— Нет, она не описывала... правда не описывала. Все, что она сказала, можно было бы сказать о любой из этих ферм. У меня не было представления, как она выглядит. Но как только я увидела, я почувствовала, что это мой дом. Ах, мне кажется, что я во сне. Знаете, у меня, наверное, вся рука выше локтя в синяках, столько раз я себя сегодня щипала. Каждую минуту меня охватывало страшное чувство: я боялась, что все это только сон. И тогда я щипала себя, чтобы убедиться, что это правда, пока вдруг я не вспомнила, что если даже это только сон, то лучше спать и смотреть его как можно дольше, и я перестала себя щипать. Но это не сон, и скоро мы будем дома.

Со вздохом восторга она снова погрузилась в молчание. Мэтью беспокойно ерзал на своем месте. Он был рад, что это Марилле, а не ему придется сказать этому бедному бездомному ребенку, что дом, к которому он так стремился, не станет его домом. Они проехали по Долине Линд, где уже было довольно темно, — но не настолько, чтобы миссис Рейчел не могла заметить их со своего наблюдательного пункта у окна, — и затем по холму и длинной тропинке к Зеленым Мезониным. К тому времени, когда они подъехали к дому, Мэтью весь содрогался перед приближающимся раскрытием печальной истины с чувством, которого не мог себе объяснить. Он думал не о Марилле, не о себе, не о тех хлопотах, которые эта ошибка, вероятно, им доставит, но о разочаровании девочки. Когда он думал о том, что этот восторг погаснет в ее глазах, у него появлялось болезненное чувство, как будто ему предстояло соучастие в убийстве, — такое же чувство появлялось у него, когда ему нужно было зарезать ягненка или теленка или любое другое невинное маленькое создание.

На дворе было совсем темно, когда они подъехали к дому, и листья тополей шелестели вокруг, словно шелк.

— Послушайте, деревья разговаривают во сне, — прошептала девочка, когда он снял ее с кабриолета и поставил на землю. — Какие у них, должно быть, чудесные сны!

Затем, крепко держа саквояж, заключавший в себе "все ее земное имущество", она последовала за Мэтью в дом.

Глава 3

Марилла Касберт удивляется

Когда Мэтью открыл дверь, Марилла быстро поднялась ему навстречу. Но как только ее взгляд упал на маленькую странную фигурку в тесном некрасивом платье, с длинными ярко-рыжими косами и радостно сияющими глазами, она остановилась в изумлении.

— Мэтью, кто это? — воскликнула она. — Где же мальчик?

— Там не было мальчика, — отвечал Мэтью с несчастным видом. — Там была только она.

Он кивнул на девочку, только теперь вспомнив, что даже не спросил, как ее зовут.

— Как не было мальчика? Но там *должен* был быть мальчик, — настаивала Марилла. — Ведь мы просили миссис Спенсер привезти мальчика.

— Она этого не сделала. Она привезла вот... *ее*. Я спрашивал начальника станции. И мне пришлось взять ее домой. Нельзя же было оставить ребенка одного на ночь на станции, хоть и произошла ошибка.

— Хорошенькое дело! — воскликнула Марилла.

На протяжении этого диалога девочка не проронила ни слова, только взгляд ее перебегал с одного собеседника на другого. Все оживление погасло в ее лице. Внезапно она, казалось, поняла весь смысл сказанного. Уронив свой драгоценный саквояж, она подскочила ближе и заломила руки.

— Вы не хотите взять меня! — закричала она. — Я вам не нужна, потому что я не мальчик! Я должна была этого ожидать. Никто никогда не хотел взять меня. Я должна была знать, что это слишком прекрасно, чтобы так могло продолжаться. Я должна была знать, что на самом деле никому не нужна. О, что мне делать? Я зальюсь слезами!

Этим она и занялась. Упав на стул, стоявший возле стола, она уронила руки на стол, уткнулась в них лицом и отчаянно зарыдала. Марилла и Мэтью растерянно переглянулись поверх кухонной плиты. Оба не знали, что сказать или сделать. Наконец, Марилла неуклюже попыталась поправить дело:

— Ну-ну, не о чем тут так плакать.

— Не о чем? — Девочка быстро подняла голову, и показалось залитое слезами лицо и дрожащие губы. — Вы тоже плакали бы, если бы вы были сирота и приехали в то место, которое, как вы думали, станет вашим домом, и вдруг узнали бы, что вас не хотят оставить, потому что вы не мальчик. О, это самая *трагичная* минута в моей жизни!

Что-то вроде невольной улыбки, словно заржавевшей от того, что к ней так долго не прибегали, смягчило суровое выражение лица Мариллы.

— Ну, не плачь больше. Мы же не собираемся немедленно выгнать тебя из дома. Ты останешься здесь, пока мы не выясним, в чем дело. Как тебя зовут?

Девочка на мгновение заколебалась.

— Пожалуйста, называйте меня Корделией, — сказала она горячо.

— *Называть* тебя Корделией! Это что, твое имя?

— Не-ет, не совсем, но я хотела бы называться Корделией. Это такое изысканное имя.

— Не понимаю совершенно, о чем ты говоришь. Если Корделия не твое имя, то как тебя зовут?

— Анна Ширли, — неохотно пробормотала обладательница этого имени. — Но, пожалуйста, называйте меня Корделией. Ведь вам все равно, как называть меня, если я останусь у вас ненадолго, ведь правда? Анна — такое неромантическое имя.

— Романтическое — неромантическое, чепуха! — сказала Марилла без всякого сочувствия. — Анна — хорошее, простое, разумное имя. И тебе нечего его стыдиться.

— Да нет, я не стыжусь, — объяснила Аня, — просто Корделия мне нравится больше. Я всегда воображаю, что мое имя Корделия, по крайней мере в последние годы. Когда я была моложе, я воображала, что меня зовут Джеральдина, но теперь мне больше нравится Корделия. Но если вы будете все же называть меня Анной, то, пожалуйста, говорите Аня, а не Анюта.

— Какая разница? — спросила Марилла с той же, словно заржавевшей, улыбкой, берясь за чайник.

— О, большая. Аня выглядит гораздо красивее. Когда вы слышите, как имя произносят, разве вы не видите его в уме словно напечатанным? Я вижу. И Анюта выглядит ужасно, а Аня гораздо более изысканно. Если вы только будете называть меня Аня, а не Анюта, я постараюсь примириться с тем, что вы не зовете меня Корделией.

— Очень хорошо. Тогда, Аня, а не Анюта, не можешь ли ты объяснить нам, что за ошибка произошла? Мы просили передать миссис Спенсер, чтобы она привезла нам мальчика. Разве в приюте нет мальчиков?

— О, их там даже слишком много. Но миссис Спенсер *ясно* сказала, что вы хотите девочку лет одиннадцати. И заведующая сказала, что, она думает, я вам подойду. Вы

представить не можете, в каком восторге я была. Я не могла спать от радости всю прошлую ночь. Ах, — добавила она с упреком, обернувшись к Мэтью, — почему вы не сказали мне на станции, что я вам не нужна, и не оставили меня там? Если бы я не видела Белого Пути Очарования и Озера Сверкающих Вод, мне не было бы теперь так тяжело на душе.

— Да о чем она говорит? — спросила Марилла, удивленно взглянув на Мэтью.

— Она... она вспоминает, о чем мы говорили по дороге, — сказал Мэтью поспешно. — Я пойду распрягу кобылу, Марилла. Приготовь чай к моему возвращению.

— Миссис Спенсер везла еще какого-нибудь ребенка кроме тебя? — продолжила расспросы Марилла, когда Мэтью вышел.

— Она взяла Лили Джоунс для себя. Лили всего пять лет, и она очень красивая. У нее каштановые волосы. Если бы я была очень красивая и с каштановыми волосами, вы бы все равно меня не взяли?

— Нет. Нам нужен мальчик, чтобы помогать Мэтью на ферме. А девочка нам ни к чему. Сними шляпу. Я положу ее и твою сумку на столе в передней.

Аня послушно сняла шляпу. В этот момент вернулся Мэтью, и они сели ужинать. Но Аня не могла есть. Напрасно она щипала хлеб с маслом и клевала яблочное повидло из маленького стеклянного блюдечка с зубчиками, стоявшего возле ее тарелки. Она совсем не продвинулась в этом деле.

— Ты ничего не ешь, — сказала Марилла, сурово глядя на нее, как будто это был поступок, достойный осуждения.

Аня вздохнула:

— Не могу. Я в пучине горя. Вы можете есть, когда вы в пучине горя?

— Никогда не была в пучине горя, так что не знаю, — отвечала Марилла.

— Не были? Но вы когда-нибудь пытались *вообразить*, что вы в пучине горя?

— Нет, не пыталась.

— Тогда, я думаю, вы не сможете понять, каково это. Но это в самом деле очень неприятное чувство. Когда пытаешься есть, комок встает в горле и невозможно ничего проглотить, даже если бы это была шоколадная конфета. Я однажды ела шоколадную конфету два года назад, и это было просто восхитительно. Мне часто после этого снится, что у меня множество шоколадных конфет, но я всегда просыпаюсь, как только хочу съесть хоть одну. Все здесь невероятно вкусно, но все равно я не могу есть.

— Я думаю, она устала, — сказал Мэтью, который не проронил еще ни слова с тех пор, как вернулся из конюшни. — Лучше всего, Марилла, уложить ее в постель.

Марилла как раз и размышляла о том, где положить Аню спать. Она приготовила кушетку в каморке возле кухни для желанного и долгожданного мальчика. Но хотя там было и чисто и опрятно, все-таки для девочки это место казалось неподходящим. О том, чтобы поместить это бездомное создание в комнату для гостей, не могло быть и речи, так что оставалась только комната в мезонине, выходившая окнами на восток. Марилла зажгла свечу и велела Ане следовать за собой, что та и сделала, забрав по дороге со стола в передней свою шляпу и саквояж. Передняя была пугающе чистой, а маленькая комнатка в мезонине, куда они вошли через минуту, казалась еще чище.

Марилла поставила свечу на треугольный столик с тремя ножками и откинула одеяло на постели.

— У тебя, наверное, есть ночная рубашка? — спросила она.

Аня кивнула:

— Да, две. Заведующая приютом сшила их для меня. Они ужасно тесные. В приюте всегда всего не хватает и все всегда тесное — по крайней мере, в таком бедном приюте, как наш. Я терпеть не могу тесные ночные рубашки. Но человек может в них спать так же сладко, как и в прелестных пышных рубашках с рюшем вокруг шеи. Это единственное утешение.

— Ну, раздевайся скорее и ложись. Я приду через пять минут за свечой. Я не доверю тебе погасить ее. А то еще и пожар устроишь.

Когда Марилла ушла, Аня печально огляделась кругом. Выбеленные стены были такими пугающе голыми и унылыми, что она подумала, что они, должно быть, сами страдают от своей наготы. Пол тоже был голым, только в центре комнаты лежал круглый плетеный коврик, каких Аня никогда не видела прежде. В одном углу стояла кровать, высокая и старомодная, с четырьмя темными точеными столбиками, в другом — уже упомянутый треугольный столик, украшенный пухлой красной бархатной подушечкой для булавок, настолько твердой, что она могла согнуть конец самой смелой булавки. Над ним висело небольшое, шесть на восемь дюймов, зеркало. На полпути между столом и кроватью находилось окно со снежно-белой муслиновой занавеской наверху, а напротив стоял умывальник. От всей комнаты веяло таким холодом, что его невозможно описать словами, но который пробрал Аню до мозга костей. С рыданием она поспешно стянула с себя одежду, надела узкую ночную рубашку и прыгнула в кровать, где спрятала лицо в подушку и натянула одеяло на голову. Когда Марилла вернулась за свечой, жалкие предметы одеяния, разбросанные по полу, и несколько взбаламученная постель были единственными признаками чьего-либо присутствия в комнате. Она неспешно собрала Анину одежду, аккуратно положила ее на гладкий желтый стул и затем, подняв свечу, обернулась к кровати.

— Доброй ночи, — сказала она немного смущенно, но не сердито.

Бледное лицо и большие глаза неожиданно появились из-под одеяла.

— Как вы можете называть ее *доброй*, когда знаете, что это будет самая ужасная ночь в моей жизни? — сказала Аня с упреком.

Затем она вновь нырнула под одеяло.

Марилла медленно спустилась в кухню и занялась мытьем посуды. Мэтью курил — явный признак смятения чувств. Он редко курил, потому что Марилла решительно выступала против этой скверной привычки. Но иногда его неодолимо тянуло покурить, и тогда Марилла смотрела на это сквозь пальцы, понимая, что и мужчине надо дать выход своим чувствам.

— Веселенькая история, — сказала она гневно. — Вот что выходит, когда посылаешь поручения через других, вместо того чтобы ехать самому. Родственники Роберта Спенсера что-то напутали, когда передавали нашу просьбу. Завтра кому-нибудь из нас придется поехать и повидаться с миссис Спенсер. Девочку нужно отправить обратно в приют.

— Полагаю, что так, — сказал Мэтью неохотно.

— Ты *полагаешь*? А что, ты в этом не уверен?

— Мм... она в самом деле милое создание, Марилла. Жалко отправлять ее назад, раз уж она так хочет остаться.

— Мэтью, не хочешь же ты сказать, что мы должны оставить ее у себя?

Марилла изумилась не меньше, чем если бы Мэтью выразил склонность ходить на голове.

— Мм... нет, я полагаю, нет... не совсем, — пробормотал, запинаясь, Мэтью, прижатый к стенке этим вопросом. — Я полагаю... никто не может от нас этого требовать.

— Еще бы! Что нам пользы от нее?

— Может быть, ей от нас была бы польза, — сказал Мэтью неожиданно.

— Мэтью, мне кажется, этот ребенок тебя околдовал. Я ясно вижу, что ты хочешь ее оставить.

— Ну, она и правда интересное существо, — убеждал Мэтью. — Ты бы послушала, что она говорила, когда мы ехали со станции.

— О, разговаривать она умеет. Я сразу поняла. Это не свидетельствует, впрочем, в ее пользу. Я не люблю детей, у которых всегда есть что сказать. Я не хочу держать у себя девочку из приюта, но даже если бы и захотела, то выбрала бы не из таких. Что-то есть в ней, чего я не понимаю. Нет, она отправится туда, откуда явилась.

— Я мог бы нанять французского мальчика, чтобы он помогал мне на ферме, — сказал Мэтью, — а она составила бы тебе компанию.

— Я не страдаю без компании, — отрезала Марилла. — И не собираюсь оставлять ее.

— Ну, разумеется, как ты скажешь, Марилла, — ответил Мэтью, вставая и откладывая трубку. — Я иду спать.

Так он и поступил. Спать, вымыв все тарелки, отправилась и Марилла, решительно нахмутив брови. А наверху, в комнатке мезонина одинокий, заброшенный, истосковавшийся по любви ребенок, наплакавшись, тоже уснул.

Глава 4

Утро в Зеленых Мезонинах

Было уже совсем светло, когда Аня проснулась и села на постели, растерянно глядя в окно, через которое лился поток радостного солнечного света и за которым покачивалось что-то белое и пушистое на фоне ярко-голубого неба.

В первое мгновение она не могла вспомнить, где находится. Сначала она ощутила восхитительный трепет, словно произошло что-то очень приятное, затем явилось ужасное воспоминание. Это были Зеленые Мезонины, но здесь не хотели ее оставить, потому что она не мальчик!

Но было утро, и за окном стояла вишня, вся в цвету. Аня выскочила из постели и одним прыжком оказалась у окна. Затем она толкнула оконную раму — рама подалась со скрипом, будто ее давно не открывали, что, впрочем, и было на самом деле, — и опустилась на колени, вглядываясь в июньское утро. Глаза ее блеснули от восторга. Ах, разве это не прекрасно? Разве это не прелестное место? Если бы она могла здесь остаться! Она вообразит, что остается. Здесь есть простор для воображения.

Огромная вишня росла так близко к окну, что ее ветки касались дома. Она была так густо усыпана цветами, что не было видно ни одного листика. С обеих сторон от дома тянулись большие сады, с одной стороны — яблоневый, с другой — вишневый, все в цвету. Трава под деревьями казалась желтой от цветущих одуванчиков. Чуть поодаль в саду виднелись кусты сирени, все в гроздьях ярко-фиолетовых цветов, и утренний ветерок доносил до Аниного окна их головокружительно сладкий аромат.

Дальше за садом зеленые луга, покрытые сочным клевером, спускались к долине, где бежал ручей и росло множество белых березок, стройные стволы которых поднимались над подлеском, наводившим на мысль о чудесном отдыхе среди папоротников, мхов и лесных трав. За долиной виднелся холм, зеленый и пушистый от елей и пихт. Среди них был небольшой просвет, и в него проглядывал серый мезонин того домика, который накануне Аня видела с другой стороны Озера Сверкающих Вод.

Слева виднелись большие амбары и другие хозяйственные постройки, а за ними спускались вниз к сверкающему голубому морю зеленые поля.

Глаза Ани, восприимчивые к красоте, медленно переходили от одной картины к другой, жадно впитывая все, что было перед ней. Бедняжка в своей жизни видела так много некрасивых мест. Но то, что открылось перед ней теперь, превосходило самые буйные ее мечты.

Она стояла на коленях, забыв обо всем на свете, кроме красоты, окружавшей ее, пока не вздрогнула, почувствовав на своем плече чью-то руку. Маленькая мечтательница не слышала, как вошла Марилла.

— Давно пора одеваться, — сказала Марилла коротко.

Марилла просто не знала, как говорить с этим ребенком, и это неприятное ей самой незнание делало ее резкой и решительной помимо ее воли.

Аня встала с глубоким вздохом.

— Ах, разве это не чудесно? — спросила она, указывая рукой на прекрасный мир за окном.

— Да, это большое дерево, — сказала Марилла, — и цветет обильно, но сами вишни никуда не годятся — мелкие и червивые.

— О, я говорю не только о дереве; конечно, оно прекрасно... да, оно *ослепительно*

прекрасно... оно цветет так, будто для него самого это необычайно важно... Но я имела в виду все: и сад, и деревья, и ручей, и леса — весь большой прекрасный мир. Вы не чувствуете в такое утро, будто любите весь мир? Я даже здесь слышу, как ручей смеется вдаль. Вы когда-нибудь замечали, какие радостные создания эти ручьи? Они всегда смеются. Даже зимой я слышу их смех из-под льда. Я так рада, что здесь, возле Зеленых Мезонинов, есть ручей. Может быть, вы думаете, что это не имеет для меня значения, раз вы не хотите оставить меня здесь? Но это не так. Мне всегда будет приятно вспомнить, что возле Зеленых Мезонинов есть ручей, даже если я никогда больше его не увижу. Если бы здесь не было ручья, меня всегда *преследовало* бы неприятное чувство, что он должен был здесь быть. Сегодня утром я не в пучине горя. Я никогда не бываю в пучине горя по утрам. Разве это не замечательно, что бывает утро? Но мне очень грустно. Я только что воображала, что вам все-таки нужна именно я и что я останусь здесь навсегда-навсегда. Было большим утешением это вообразить. Но самое неприятное в воображаемых вещах — это то, что наступает момент, когда приходится перестать воображать, а это очень больно.

— Лучше одевайся, спускайся вниз и не думай о своих воображаемых вещах, — заметила Марилла, как только ей удалось вставить словечко. — Завтрак ждет. Умой лицо и причешись. Оставь окно открытым и разверни постель, чтобы она проветрилась. И побыстрее, пожалуйста.

Аня, очевидно, могла действовать быстро, когда это требовалось, потому что уже через десять минут она спустилась вниз, аккуратно одетая, с расчесанными и заплетенными в косы волосами, умытым лицом; душу ее при этом наполняло приятное сознание, что она выполнила все требования Мариллы. Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что она все-таки забыла раскрыть постель для проветривания.

— Я сегодня очень голодная, — объявила она, проскользнув на стул, указанный ей Мариллой. — Мир уже не кажется такой мрачной пустыней, как вчера вечером. Я так рада, что утро солнечное. Впрочем, я люблю и дождливые утра тоже. Любое утро интересно, правда? Неизвестно, что ждет нас в этот день, и так много простора для воображения. Но я рада, что сегодня нет дождя, потому что легче не унывать и стойко переносить превратности судьбы в солнечный день. Я чувствую, что мне сегодня предстоит многое перенести. Очень легко читать о чужих несчастьях и воображать, что и мы могли бы героически их преодолеть, но это не так легко, когда приходится и в самом деле с ними столкнуться, правда?

— Ради Бога, придержи язык, — сказала Марилла. — Маленькая девочка не должна так много говорить.

После этого замечания Аня совсем умолкла, столь послушно, что ее продолжающееся молчание стало несколько раздражать Мариллу, как нечто не совсем естественное. Мэтью тоже молчал — но это, по крайней мере, было естественно — так что завтрак прошел в полном молчании.

По мере того как он приближался к концу, Аня становилась все более и более рассеянной. Она ела машинально, а ее большие глаза неотрывно, невидящим взглядом смотрели на небо за окном. Это раздражало Мариллу еще сильнее. У нее было неприятное чувство, что в то время, как тело этого странного ребенка находилось за столом, дух его парил на крыльях фантазии в какой-то заоблачной стране. Кто захотел бы иметь в доме такого ребенка?

И однако, что было самым непостижимым, Мэтью желал оставить ее! Марилла чувствовала, что он хочет этого сегодня утром так же сильно, как вчера вечером, и собирается и дальше хотеть этого. Это была его обычная манера — вбить себе в голову какую-нибудь причуду и цепляться за нее с поразительным молчаливым упорством — упорством в десять раз более мощным и действенным благодаря молчанию, чем если бы он говорил о своем желании с утра до вечера.

Когда завтрак кончился, Аня вышла из задумчивости и предложила вымыть посуду.

— Ты умеешь мыть посуду как следует? — спросила Марилла недоверчиво.

— Довольно неплохо. Правда, я лучше умею нянчить детей. У меня большой опыт в этом деле. Жаль, что у вас здесь нет детей, которыми я могла бы заняться.

— Зато я совсем не хотела бы, чтобы здесь было больше детей, чем в данный момент. С тобой одной вполне достаточно хлопот. Ума не приложу, что с тобой делать. Мэтью такой смешной.

— Мне он показался очень милым, — сказала Аня с упреком. — Он очень доброжелательный и совсем не возражал, сколько бы я ни говорила — ему это, кажется, нравилось. Я почувствовала в нем родственную душу, как только увидела его.

— Оба вы чудaki, если ты это имеешь в виду, говоря о родстве душ, — фыркнула Марилла. — Хорошо, можешь вымыть посуду. Не жалея горячей воды и вытри как следует. У меня и так полно работы сегодня с утра, потому что придется поехать после обеда в Уайт Сендс — повидать миссис Спенсер. Ты поедешь со мной, и там решим, что с тобой делать. Когда кончишь с посудой, пойдй наверх и застели кровать.

Аня довольно проворно и тщательно вымыла посуду, что не осталось не замеченным Мариллой. Затем она застелила кровать, правда с меньшим успехом, потому что никогда не училась искусству бороться с периной. Но все же кровать была застелена, и Марилла, чтобы на время избавиться от девочки, сказала, что разрешает ей пойти в сад и поиграть там до обеда.

Аня бросилась к двери, с оживленным лицом и сияющими глазами. Но на самом пороге она внезапно остановилась, круто повернула назад и села возле стола, выражение восторга исчезло с ее лица, словно его сдул ветер.

— Ну, что еще случилось? — спросила Марилла.

— Я не осмеливаюсь выйти, — сказала Аня тоном мученика, отрекающегося от всех земных радостей. — Если я не могу остаться здесь, мне не стоит влюбляться в Зеленые Мезонины. А если я выйду и познакомлюсь со всеми этими деревьями, цветами, и с садом, и с ручьем, я не смогу не полюбить их. Мне и так тяжело на душе, и я не хочу, чтобы стало еще тяжелее. Мне так хочется выйти — все, кажется, зовет меня: "Аня, Аня, выйди к нам! Аня, Аня, мы хотим поиграть с тобой!" — но лучше не делать этого. Не стоит влюбляться в то, от чего предстоит быть оторванным навсегда, ведь так? И так тяжело удержаться и не полюбить, правда? Вот почему я была так рада, когда думала, что останусь здесь. Я думала, что здесь так много всего, что можно полюбить, и ничто не помешает мне. Но этот краткий сон миновал. Теперь я примирилась с моим роком, так что мне лучше не выходить. Иначе, боюсь, я не сумею снова с ним примириться. Как зовут этот цветок в горшке на подоконнике, скажите, пожалуйста?

— Это герань.

— О, я не имею в виду это название. Я имею в виду имя, которое вы ей дали. Вы не дали ей имени? Тогда можно мне это сделать? Можно, я назову ее... о, дайте подумать... Милочка подойдет... можно мне называть ее Милочка, пока я здесь? О, позвольте мне ее так называть!

— Да ради Бога, мне все равно. Но какой же смысл в том, чтобы давать имя герани?

— О, я люблю, чтобы предметы имели имена, даже если это только герань. Это делает их больше похожими на людей. Откуда вы знаете, что не задеваете чувства герани, когда называете ее просто «герань» и никак больше? Ведь вам не понравилось бы, если бы вас всегда называли просто женщиной. Да, я буду называть ее Милочкой. Я дала имя сегодня утром и этой вишне под окном моей спальни. Я назвала ее Снежной Королевой, потому что она такая белая. Конечно, она не всегда будет в цвету, но ведь всегда можно это вообразить, правда?

— Никогда в жизни не видела и не слышала ничего подобного, — бормотала Марилла, спасаясь бегством в подвал за картошкой. — Она действительно интересная, как Мэтью говорит. Я уже чувствую, как меня занимает, что еще она скажет. Она и на меня напускает чары. И уже напустила их на Мэтью. Этот взгляд, который он бросил на меня, когда выходил, снова выражал все, о чем он говорил и на что намекал вчера. Лучше бы он был как

другие мужчины и говорил обо всем открыто. Тогда было бы можно ответить и переубедить его. Но что сделаешь с мужчиной, который только смотрит?

Когда Марилла вернулась из своего паломничества в подвал, она застала Аню снова впавшей в мечтательность. Девочка сидела, опустив подбородок на руки и устремив взгляд в небо. Так Марилла и оставила ее, пока обед не появился на столе.

— Могу я взять кобылу и кабриолет после обеда, Мэтью? — спросила Марилла.

Мэтью кивнул и печально взглянул на Аню. Марилла перехватила этот взгляд и сказала сухо:

— Я собираюсь поехать в Уайт Сендс и решить этот вопрос. Я возьму Аню с собой, чтобы миссис Спенсер могла сразу отправить ее обратно в Новую Шотландию. Я оставлю тебе чай на плите и вернусь домой как раз к дойке.

И опять Мэтью ничего не сказал. Марилла почувствовала, что зря тратит слова. Ничто так не раздражает, как мужчина, который не отвечает... кроме женщины, которая не отвечает.

В положенное время Мэтью запряг гнедую, и Марилла с Аней сели в кабриолет. Мэтью открыл перед ними ворота двора и, когда они медленно проезжали мимо, сказал громко, ни к кому, кажется, не обращаясь:

— Здесь был утром один паренек, Джерри Буот из Крик, и я сказал ему, что найму его на лето.

Марилла не ответила, но хлестнула несчастную гнедую с такой силой, что толстая кобыла, не привыкшая к подобному обращению, возмущенно рванула галопом. Когда кабриолет уже катил по большой дороге, Марилла обернулась и увидела, что несносный Мэтью стоит, прислонившись к воротам, и печально смотрит им вслед.

Глава 5 История Ани

— З наете, — сказала Аня доверительно, — я собираюсь наслаждаться этой поездкой. Я знаю по опыту, что почти всегда можно радоваться, если твердо на это решиться. Но, конечно, решиться нужно *твердо*. Поэтому я не буду думать о, возвращении в приют, пока мы едем. Я буду думать только о нашей поездке. Ах, посмотрите, там уже один маленький цветочек на кусте дикой розы! Прелесть, правда? Как вы думаете, приятно, должно быть, быть розой? Разве не чудесно было бы, если бы розы могли разговаривать? Я уверена, они рассказали бы нам много прелестных историй. И правда ведь, розовый цвет — самый очаровательный на свете? Я очень его люблю, но не могу носить этот цвет. Тем, у кого рыжие волосы, нельзя носить розовое... даже в воображении. Вы не слышали о какой-нибудь девочке, у которой волосы были в детстве рыжие, а потом, когда она выросла, изменили цвет?

— Нет, никогда не слышала о таком, — сказала Марилла безжалостно, — и не думаю, чтобы это произошло с твоими волосами.

Аня вздохнула:

— Ну вот, еще одна надежда умерла. Моя жизнь — настоящее кладбище надежд. Я прочитала эту фразу в одной книге и утешаюсь ею каждый раз, когда сталкиваюсь с разочарованием.

— Не вижу, в чем здесь утешение, — заметила Марилла.

— Но ведь это звучит так красиво и романтично, словно я героиня повести, понимаете? Я так люблю все романтическое, а кладбище надежд — это самая романтическая вещь, какую только можно вообразить. И я почти рада, что у меня есть такое кладбище. Мы поедем сегодня через Озеро Сверкающих Вод?

— Мы не поедем через пруд Барри, если это его ты так называешь. Поедем по прибрежной дороге.

— Прибрежная дорога. Прекрасно звучит! — сказала Аня мечтательно. — Интересно,

она так же прекрасна, как и ее название? Как только вы сказали "прибрежная дорога", я сразу увидела ее в воображении! И Уайт Сендс тоже красивое название, но оно мне не так нравится, как Авонлея. Авонлея звучит прелестно, прямо как музыка. А как далеко до Уайт Сендс?

— Пять миль. Раз уж ты собираешься говорить всю дорогу, то говори, по меньшей мере, с пользой. Расскажи мне все, что ты о себе знаешь.

— О, что я *знаю* о себе, не стоит и рассказывать, — горячо воскликнула Аня. — Если бы вы только позволили мне рассказать, что я о себе *воображаю*, вам это показалось бы гораздо интереснее.

— Нет, я не хочу никаких твоих фантазий. Придерживайся строгих фактов. Начни с начала. Где ты родилась и сколько тебе лет?

— Мне исполнилось одиннадцать в марте, — сказала Аня, со вздохом покорности соглашаясь "придерживаться строгих фактов". — Я родилась в Болинброке, в Новой Шотландии. Моего отца звали Уолтер Ширли, и он был учителем в средней школе в Болинброке. Мою маму звали Берта Ширли. Уолтер и Берта — прелестные имена, правда? Я так рада, что у моих родителей были красивые имена. Было бы ужасно иметь отца по имени, скажем, Джедедай, правда?

— Я считаю, что не имеет значения, как зовут человека, если только это порядочный человек, — сказала Марилла, чувствуя, что призвана внушать правильные и полезные мысли.

— Ну, не знаю. — Аня взглянула задумчиво. — Я однажды читала в книге, что роза пахла бы так же сладко, если бы даже называлась по-другому. Но я никогда не могла в это поверить. Я не верю, что роза была бы такой же прекрасной, если бы называлась чертополохом или капустой. Я думаю, мой отец мог бы быть хорошим человеком, даже если бы носил имя Джедедай, но я уверена, это был бы для него тяжкий крест. Моя мама тоже была учительницей в средней школе, но когда вышла замуж за отца, то, разумеется, оставила работу. Муж — это и так большая ответственность. Миссис Томас говорила, что это была пара младенцев, и вдобавок бедных, как церковные мыши. Они поселились в маленьком желтом домике в Болинброке. Я никогда не видела этого домика, но воображала его тысячу раз. Я думаю, что у окна гостиной вились вьюнки, перед крыльчком росла сирень, а у ворот — лилии. Да, и муслиновые занавески на всех окнах, потому что муслиновые занавески придают дому такой изысканный вид. В этом домике я и родилась. Миссис Томас говорила, что я была самым некрасивым ребенком, какого она видела, — кожа да кости, ну еще глаза, но что моя мама думала, будто я была необыкновенно красива. Я считаю, что мать может оценить лучше, чем бедная поденщица, которая приходит убирать дом, правда? Во всяком случае, я рада, что мама была мной довольна, мне было бы так тяжело, если бы я ее разочаровала, потому что она недолго прожила после этого. Она умерла от лихорадки, когда мне было всего три месяца. Как бы я хотела, чтобы она прожила подольше и я помнила бы, что называла ее «мама». Я думаю, было бы так сладко сказать «мама», правда? И папа умер через четыре дня, тоже от лихорадки. Так я осталась сиротой, и все ломали себе голову — так миссис Томас говорила, — что со мной делать. Понимаете, я никому не была нужна даже тогда. Такова, видно, всегда будет моя судьба. Отец и мать, оба приехали из дальних мест, и было хорошо известно, что родственников у них не было. Наконец, миссис Томас сказала, что возьмет меня, хотя она была бедной и муж у нее был пьяница. Она выкормила меня из соски. Вы не знаете, на чем это основано, что люди, которых выкормили таким способом, должны быть от этого лучше, чем другие? Потому что, если я не слушалась, миссис Томас говорила мне с упреком, что не понимает, как я могу быть такой дурной девочкой, когда она выкормила меня из соски...

Мистер и миссис Томас переехали из Болинброка в Мэрисвилл, и я жила у них, пока мне не исполнилось восемь лет. Я помогала нянчить их детей — их было четверо, все младше меня — и должна вам сказать, это было нелегко. Потом мистер Томас попал под поезд и погиб, и его мать предложила взять к себе миссис Томас и ее детей, но взять меня

она не захотела. И миссис Томас стала тоже ломать голову, так она говорила, что делать со мной. Тогда миссис Хаммонд, которая жила выше по реке, сказала, что возьмет меня, потому что я умею нянчить детей. И я поехала к ней, в ее дом возле лесоповала. Это было ужасно пустынное место. Я уверена, что не смогла бы там жить, если бы у меня не было воображения. Мистер Хаммонд работал там на маленькой лесопилке, а у миссис Хаммонд было восемь детей. У нее три раза подряд родились близнецы. Я люблю детей в умеренных количествах, но близнецы три раза — это *слишком*. Я решительно сказала об этом миссис Хаммонд, когда последняя пара появилась на свет. Я ужасно устала таскать всех этих детей.

Там я жила около двух лет, а потом мистер Хаммонд умер и миссис Хаммонд свернула хозяйство. Она раздала детей родственникам и уехала в Соединенные Штаты. Мне пришлось отправиться в приют в Хоуптаун, потому что никто не хотел взять меня. В приюте тоже не хотели брать, они сказали, что у них и так переполнено. Но все-таки им пришлось взять меня, и я пробыла там четыре месяца, пока не приехала миссис Спенсер.

Аня закончила свою историю новым вздохом, на сей раз это был вздох облегчения. Ей явно не хотелось говорить о своем жизненном опыте в мире, где она никому не была нужна.

— Ты когда-нибудь ходила в школу? — спросила Марилла, направляя гнедую на прибрежную дорогу.

— Не очень много. Только один год, когда жила у миссис Томас. А когда я жила на реке, мы были так далеко от школы, что я не могла добраться туда зимой, а летом были каникулы, так что для учебы оставались только весна и осень. Но в приюте я, разумеется, ходила в школу. Я хорошо умею читать и знаю наизусть много стихов: "Битва под Хохенлинденем", "Эдинбург после наводнения", "Бинген на Рейне", отрывки из "Девы озера" и почти все "Времена года" Джеймса Томсона и много других. Вы любите стихи, от которых мурашки по спине бегут? Есть такие стихи в хрестоматии для пятого класса — "Падение Польши" — прямо дрожь пробирает. Я, разумеется, была не в пятом, а только в четвертом, но старшие девочки давали мне почитать свои учебники.

— А были эти женщины — миссис Томас и миссис Хаммонд — добры к тебе? — спросила Марилла, глядя на Аню краешком глаза.

— О-о-о! — нерешительно протянула Аня. Ее выразительное личико внезапно залилось густым румянцем. Она явно была смущена. — О, у них были такие намерения, я знаю, они собирались быть как можно добрее и милее. А когда люди хотят быть добры к вам, вы не должны очень обижаться, если им это не всегда удается. У них была такая тяжелая жизнь. Это тяжкое испытание — иметь мужа-пьяницу. И иметь три раза подряд близнецов — тоже, наверное, тяжкое испытание. Но я уверена, что они хотели быть добрыми.

Марилла больше не задавала вопросов. Аня замолчала, с восторгом глядя на побережье, а Марилла рассеянно правила гнедой, глубоко задумавшись. В ее сердце вдруг шевельнулась жалость к этому ребенку. Какая несчастная жизнь без любви была у нее, жизнь, полная тяжелой работы, бедности, сиротства. Марилла была достаточно проницательна, чтобы читать между строк Аниной истории, и могла угадать правду. Ничего удивительного, что девочка была в таком восторге от возможности обрести настоящий дом и семью. Жаль, что придется отослать ее обратно. Что, если она, Марилла, не будет противиться непостижимой причуде Мэтью и позволит девочке остаться? Мэтью несомненно хотел этого, и девочка, кажется, хорошая, и ее можно многому научить. "Говорит она уж очень много, — думала Марилла, — но можно ее от этого отучить. И в том, что она говорит, нет ничего грубого и вульгарного. В ней есть что-то от молодой дамы. Похоже, она из хорошей семьи".

Дорога вдоль берега моря была "и дикой и пустынной". Справа толпились низкорослые пихты, чей дух не смогли сломить долгие годы борьбы с морскими ветрами. Слева тянулись крутые скалы из красного песчаника, подходившие в некоторых местах так близко к дороге, что лошадь менее спокойная, чем гнедая Мариллы, могла бы не раз испытать нервы своих седоков. У подножия скал лежали кучи отшлифованных прибоем валунов и маленькие песчаные бухты, усеянные блестящей галькой, словно драгоценностями океана. А дальше расстиралось море, сверкающее и голубое, а над ним парили чайки, их крылья серебристо

вспыхивали на солнце.

— Правда, море прекрасно? — сказала Аня, пробуждаясь от долгого созерцания. — Однажды, когда я жила в Мэрисвилле, мистер Томас нанял фургон и повез нас всех на целый день к морю, за десять миль. Я наслаждалась каждым мгновением того дня, хотя мне и приходилось все время приглядывать за детьми. Я целые годы потом переживала это событие в счастливых снах. Но этот берег еще красивее, чем у Мэрисвилла. Какие красивые чайки, правда? Вы хотели бы быть чайкой? Я хотела бы... ну, то есть если бы я не была человеком. Как было бы чудесно просыпаться на рассвете и парить целый день в голубых просторах над водой. А потом вечером улетать обратно в свое гнездо. О, как хорошо я могу себе все это вообразить!.. Что это за огромный дом впереди?

— Это гостиница в Уайт Сендс. Ее хозяин мистер Кирк. Сейчас сезон еще не начался. Сюда приезжает на лето куча американцев. Им очень нравится здешнее побережье.

— Я боялась, что это дом миссис Спенсер, — сказала Аня печально. — Мне туда совсем не хочется. Кажется, что это конец всего.

Глава 6

Марилла принимает решение

И все-таки они туда приехали. Миссис Спенсер жила в большом желтом доме возле бухты Уайт Сендс. Она выбежала на крыльцо; ее добродушное лицо выражало и удивление, и радость.

— Боже мой, — воскликнула она, — уж вас-то я никак не ожидала сегодня, но очень рада вас видеть. Может, лучше выпрячь лошадь? Как поживаешь, Аня?

— Спасибо, хорошо, насколько это возможно, — ответила Аня без всякой улыбки. Тень печали легла на ее лицо.

— Мы зайдем на минутку, пока лошадь отдохнет, — сказала Марилла, — но я обещала Мэтью, что не задержусь. Видите ли, миссис Спенсер, произошло недоразумение, и я приехала, чтобы выяснить, как это случилось. Мы, Мэтью и я, просили передать, чтобы вы привезли нам из приюта мальчика. Мы сказали вашему родственнику, Роберту Спенсеру, что нам нужен мальчик десяти или одиннадцати лет.

— Марилла, что вы говорите! — огорченно воскликнула миссис Спенсер. — Роберт прислал ко мне свою дочку Нэнси, и она сказала, что вам нужна девочка... Ведь так, Флора-Джейн? — обратилась она к своей дочери, которая тоже вышла на крыльцо.

— Да, так она и сказала, мисс Касберт, — решительно подтвердила Флора-Джейн.

— Мне ужасно неприятно, — сказала миссис Спенсер, — что так вышло, но это не по моей вине, мисс Касберт. Я старалась устроить все как можно лучше и была уверена, что действую в соответствии с вашим желанием. Нэнси ужасная растрепана. Сколько раз я ее ругала за рассеянность!

— Мы, конечно, и сами виноваты, — признала Марилла. — Нам следовало самим приехать к вам, а не передавать такие важные вещи через других. Ну, ничего не поделаешь, ошибка произошла, и теперь нужно только подумать, как ее исправить. Можем ли мы отправить девочку в приют? Я полагаю, ее возьмут обратно, ведь так?

— Полагаю, что да, — сказала миссис Спенсер задумчиво, — но может быть, не придется отправлять ее обратно. Вчера ко мне заходила миссис Блеветт и очень жалела, что не попросила меня привезти ей девочку, чтобы помогать по хозяйству. У миссис Блеветт, как вы знаете, большая семья; ей трудно найти прислугу. Аня ей очень подойдет. Я называю это Божьим промыслом!

Марилла не производила впечатления человека, который верит, что Бог имел какое-то отношение к этому делу. Появилась отличная возможность избавиться от нежеланной сироты, и тем не менее она не испытывала облегчения.

Она не была знакома с миссис Блеветт, но несколько раз видела эту маленькую костлявую женщину со злым лицом. Говорили, что она очень требовательная хозяйка.

Девушки-служанки, которые уходили от нее, рассказывали ужасные истории о ее раздражительности и скарденности и о ее нахальных, драчливых детях. Марилла почувствовала угрызения совести при мысли, что нужно отдать Аню на милость такой женщины.

— Хорошо, я найду в дом, и мы обсудим это дело, — сказала она.

— Не миссис ли Блеветт, собственной персоной, идет там по дорожке? — воскликнула миссис Спенсер, вводя своих гостей из передней в гостиную, где на них пахло таким ужасным холодом, как будто воздух, проходя через темно-зеленые плотно закрытые жалюзи, терял все свое тепло. — Какая удача! Мы можем решить это дело прямо сейчас. Садитесь в кресло, мисс Касберт. Аня, сядь на оттоманку и не вертись. Давайте сюда ваши шляпы. Флора-Джейн, пойд и поставь чайник... Добрый день, миссис Блеветт! Мы как раз говорили, как кстати вы пришли. Позвольте мне вас познакомить. Миссис Блеветт — мисс Касберт. О, извините, я на минуточку отлучусь. Я забыла сказать Флоре-Джейн, чтобы она вынула булочки из плиты.

Она быстро выбежала из комнаты, предварительно подняв жалюзи. Аня молча сидела на оттоманке, крепко сцепив на коленях руки, и глядела на миссис Блеветт как заипнотизированная. Неужели ее отдадут этой женщине с костлявым лицом и суровыми глазами? Она почувствовала, как в горле поднимается комок и начинает щипать глаза. Она уже со страхом думала, что не сможет удержаться от слез, когда вернулась миссис Спенсер, разбуряившаяся и сияющая, готовая преодолеть любое затруднение — физическое, интеллектуальное и духовное.

— Здесь произошла ошибка вот с этой маленькой девочкой, миссис Блеветт, — сказала она. — Я была уверена, что мистер и мисс Касберт хотят взять на воспитание девочку. Мне именно так сказали. Но оказывается, они просили прислать мальчика. Так что, если вы не изменили свое решение со вчерашнего дня, я думаю, Аня — именно то, что вам нужно.

Миссис Блеветт смерила Аню с головы до ног суровым взглядом.

— Сколько тебе лет и как тебя зовут? — спросила она.

— Анна Ширли, — запинаясь, произнесла съездившаяся девочка, не осмеливаясь высказать никаких оговорок относительно своего имени, — мне одиннадцать лет.

— Хм! На одиннадцать ты не выглядишь. Но ты жилистая. Не знаю, но, кажется, жилистые люди — неплохие работники. Но если я возьму тебя, ты должна быть хорошей девочкой — работающей, усердной, послушной. Я надеюсь, ты честно отработаешь за свое содержание. Да, я полагаю, что могу вас от нее избавить, мисс Касберт. Мой маленький такой капризный, всю меня измучил. Если хотите, я могу забрать ее с собой прямо сейчас.

Марилла взглянула на Аню, и сердце ее дрогнуло при виде бледного личика девочки с выражением немого отчаяния беспомощного маленького существа, снова оказавшегося в той ловушке, из которой оно недавно выбралось. У Мариллы возникло неприятное убеждение, что, если она не отзовется на мольбу, выраженную в этом взгляде, он будет преследовать ее до конца дней. К тому же миссис Блеветт ей не нравилась. Отдать впечатлительного, чуткого ребенка такой женщине! Нет, она не могла взять на себя такую ответственность!

— Не знаю, — произнесла она медленно. — Я не говорю, что мы с Мэтью окончательно решили не оставлять ее у себя. Должна даже сказать, что Мэтью настроен оставить ее. Я приехала только, чтобы выяснить, как произошла ошибка. Теперь я полагаю, мне лучше взять ее домой и еще раз поговорить с Мэтью. Я чувствую, что не должна принимать окончательное решение, не посоветовавшись с ним. Если мы решим, что не хотим оставлять, мы привезем или пришлем ее к вам завтра вечером. Если же мы этого не сделаем, то значит, она остается у нас. Вы согласны на это, миссис Блеветт?

— Придется согласиться, — ответила миссис Блеветт нелюбезно.

Пока Марилла говорила, лицо Ани словно озарилось солнцем: сначала угасло выражение отчаяния, затем появился слабый луч надежды. Глаза ее засияли как утренние звезды. Девочка совершенно преобразилась, а когда минуту спустя миссис Спенсер и миссис Блеветт вышли из комнаты, чтобы поискать какой-то кулинарный рецепт, за которым миссис

Блеветт, собственно, и пришла, Аня вскочила и бросилась к Марилле.

— Ах, мисс Касберт, вы и вправду сказали, что, может быть, позвольте мне остаться в Зеленых Мезонинах? — шептала она почти беззвучно, словно эта чудесная возможность могла развеяться от громкого звука. — Вы и вправду это сказали? Или я только вообразила?

— Я думаю, что тебе следует научиться держать свое воображение в узде, Аня, а то ты не можешь различать реальность и фантазии, — сказала Марилла сухо. — Да, я действительно это сказала, но ничего больше. Еще ничего не решено, и возможно, все-таки тебя возьмет миссис Блеветт. Ей ты, несомненно, нужнее, чем мне.

— Тогда я лучше вернусь в приют, чем пойду жить к ней, — горячо воскликнула Аня. — Она выглядит совсем как... как бурав.

Марилла подавила улыбку, полагая, что Аню следует отчитать за такие слова.

— Стыдно маленькой девочке говорить такие вещи о даме, к тому же незнакомой, — сказала она сурово. — Пойди на место, сиди тихо и молчи как хорошо воспитанная девочка.

— Я буду стараться и буду делать все, что вы скажете. Только оставьте меня у вас! — попросила Аня, послушно возвращаясь на свое место на оттоманке.

Когда в тот вечер они снова приехали в Зеленые Мезонины, Мэтью встретил их на дороге. Марилла еще издали заметила, как брат ходит взад и вперед, и угадала причину его беспокойства. Она была готова к выражению облегчения, которое прочла в его лице, когда он увидел, что она вернулась вместе с Аней. Но она ничего не сказала ему, пока они не оказались вдвоем на скотном дворе во время дойки. Тогда она кратко изложила ему историю Ани и результаты своей беседы с миссис Спенсер.

— Я бы и собаки не отдал этой бабе Блеветт, — сказал Мэтью с необычным ожесточением.

— Мне она тоже не понравилась, — призналась Марилла, — но или мы отдадим Аню ей, или нам придется оставить ее у себя, Мэтью. И так как ты, кажется, хочешь оставить ее, то я тоже согласна... или, точнее, мне приходится согласиться. Я так долго об этом думала, что, кажется, привыкла к этой мысли. Мне это представляется определенного рода долгом. Я никогда не воспитывала ребенка, тем более девочку, и думаю, у меня будет полно хлопот. Но я сделаю все, что смогу. Что касается меня, Мэтью, она может остаться.

Унылое лицо Мэтью озарилось восторгом.

— Ну, я так и знал, Марилла, что ты к этому придешь, — сказал он. — Она такое интересное существо.

— Было бы лучше, если бы ты мог сказать, что она полезное существо, — отрезала Марилла. — Но я постараюсь, чтобы она им стала. И запомни, Мэтью, не вмешивайся в мои методы воспитания. Может быть, старая дева не много знает о воспитании детей, но я думаю, что старый холостяк знает об этом еще меньше. Так что оставь это мне. Если меня постигнет неудача, то останется вполне достаточно времени, чтобы тебе вмешаться и помочь мне.

— Хорошо, хорошо, Марилла, будет, как ты захочешь, — заверил Мэтью. — Будь только так добра к ней, как только можно, чтобы при этом ее не испортить. Мне кажется, что она из тех, с кем можно сделать все, что хочешь, если только подойти с любовью.

Марилла фыркнула в ответ, выразив свое презрение к взглядам Мэтью на этот чисто женский вопрос, и ушла в молочню с ведрами.

"Я не скажу ей сегодня, что она останется у нас, — думала Марилла, разливая молоко по кувшинам. — А то она так разволнуется, что не заснет. Ну и попала ты, Марилла Касберт, в историю! Думала ли ты когда-нибудь, что придет день, когда ты возьмешь на воспитание девочку из приюта? Это так удивительно! Но еще удивительнее, что именно Мэтью причина этого, Мэтью, который всегда смертельно боялся маленьких девочек. Ну, как бы то ни было, мы взяли на себя нелегкое дело, и один Бог ведает, что из этого выйдет!"

Глава 7

Анина молитва

В тот вечер, провожая Аню спать в ее комнату в мезонине, Марилла сказала строго:

— Аня, вчера вечером я заметила, что, раздевшись, ты разбросала свою одежду по полу, когда ложилась спать. Это дурная привычка, и я этого не выношу. Все, что снимешь с себя, аккуратно сверни и положи на стул. Я не хочу иметь дело с неаккуратными девочками.

— Я испытывала вчера такие душевные муки, что совсем не думала об этом, — сказала Аня. — Сегодня я все сложу аккуратно. От нас всегда этого требовали в приюте. Впрочем, я через день об этом забывала, потому что хотела скорее забраться в постель, тихую и уютную, и начать воображать.

— Тебе придется каждый день помнить об этом, если ты здесь останешься, — предупредила Марилла. — Ну вот, так-то лучше. Теперь прочитай молитву и ложись в постель.

— Я никогда не читаю молитву, — объявила Аня.

Марилла изумилась и ужаснулась.

— Аня, что ты говоришь! Разве тебя никогда не учили молиться? Бог хочет, чтобы все маленькие девочки читали молитву. Ты знаешь, кто есть Бог?

— Бог есть дух, бесконечный, вечный и неизменный, высшая мудрость, сила, святость, справедливость, доброта и истина, — отвечала Аня быстро и гладко.

Марилла, казалось, немного успокоилась.

— Так ты все-таки имеешь какое-то представление, слава Богу! Не совсем язычница. Где тебя этому научили?

— В приютской воскресной школе. Нас учили там всему катехизису. Мне это очень нравилось. Что-то есть замечательное в этих словах — "бесконечный, вечный и неизменный". Величественно, правда? Слышатся раскаты, словно большой орган играет. Я думаю, это нельзя назвать стихами, но звучит как поэзия, правда?

— Мы говорим не о поэзии, Аня, а о вечерней молитве. Разве ты не знаешь, как это нехорошо — не молиться каждый вечер? Боюсь, что ты очень плохая девочка.

— Вам тоже было бы легче оказаться плохой, чем хорошей, если бы у вас были рыжие волосы, — сказала Аня с упреком. — Те, у кого волосы не рыжие, не понимают, как это ужасно. Миссис Томас сказала мне, что Бог *нарочно* дал мне рыжие волосы, и с тех пор я перестала Им интересоваться. И к тому же я всегда слишком уставала к вечеру, чтобы еще утруждать себя молитвой. От людей, которым приходится нянчить близнецов, нельзя ожидать, что они будут читать молитву. Скажите откровенно, разве вы так не думаете?

Марилла решила, что религиозное воспитание Ани следует начать немедленно. Было очевидно, что откладывать нельзя.

— Ты должна читать молитву на ночь, Аня, пока находишься под моим кровом.

— Конечно, если вы хотите, — согласилась Аня охотно. — Я сделаю все, чтобы вы были довольны. Но сегодня вам придется сказать мне, что нужно говорить. Когда я лягу в постель, я придумаю по-настоящему прекрасную молитву, которую буду повторять каждый вечер. Я уверена, это будет очень интересно.

— Нужно встать на колени, — сказала Марилла смущенно.

Аня опустила на колени у ног Мариллы и взглянула на нее серьезно:

— Почему нужно вставать на колени, чтобы молиться? Если бы я захотела помолиться, то я бы вот что сделала. Я пошла бы совсем одна в широкое поле или лучше далеко-далеко в лес и стала бы смотреть в небо, высоко-высоко — в чудесное голубое бездонное небо. И тогда я *почувствовала* бы молитву... Ну, я готова. Что нужно сказать?

Марилла испытывала еще большую неловкость. Она собиралась научить Аню самой простенькой детской молитве "Когда сладкий сон ко мне слетит...". Но, как я уже упоминала, у нее были проблески чувства юмора, которое просто не что иное, как другое название способности понять, что и когда уместно. Поэтому у нее вдруг возникла мысль о том, что наивная молитва, предназначенная для крошек в белых рубашечках, шепелявящих ее у колен любящей матери, совершенно не подходит для этого веснушчатого создания,

которое ничего не знает о Божьей любви и не стремится к ней, потому что никогда не встречалось с ней в виде любви человеческой.

— Ты уже большая, Аня, и можешь сама помолиться, — сказала она наконец. — Просто поблагодари Бога за все его благодеяния и смиренно попроси Его о том, чего хочешь.

— Хорошо, я постараюсь, — пообещала Аня, пряча лицо в коленях Мариллы. — Милостивый Отец наш небесный — так говорят священники в церкви, так что, наверное, подойдет и для личной молитвы, правда? — прервала она, подняв голову на мгновение. — Милостивый Отец наш небесный, я благодарю Тебя за Белый Путь Очарования, и Озеро Сверкающих Вод, и Милочку, и Снежную Королеву. Я несказанно благодарна за них. И это все благодеяния, о которых я могу сейчас вспомнить и за которые должна поблагодарить Тебя. Что же до моих желаний, то их так много, что перечисление заняло бы много времени. Поэтому я упомяну только два — самых важных. Пожалуйста, позволь мне остаться в Зеленых Мезонинах и сделай меня красивой, когда я вырасту. Остаюсь с уважением, Анна Ширли.

— Вот, все в порядке? — спросила она бодро, вставая с колен. — Я подобрала бы более пышные выражения, если бы у меня было время подумать.

Только мысль о том, что не отсутствие благоговения, а просто духовное невежество явилось причиной этого необыкновенного обращения к Богу, помогла Марилле сохранить присутствие духа. Она заботливо укрыла девочку одеялом, в душе пообещав себе, что завтра же велит ей выучить настоящую молитву, и уже выходила из комнаты, забрав свечу, когда Аня снова окликнула ее:

— Я только что вспомнила, что надо было сказать «Аминь» вместо "с уважением". Да? Так священники говорят. Я забыла об этом, но чувствовала, что нужен какой-то конец, и я приделала такой. Как вы думаете, это большая разница?

— Нет... не думаю... — сказала Марилла. — Ложись и спи спокойно. Доброй ночи.

— Сегодня я могу сказать "доброй ночи" с чистой совестью, — сказала Аня, с наслаждением ныряя в подушки.

Марилла вернулась в кухню, поставила свечу на стол и решительно повернулась к Мэтью:

— Мэтью, самое время, чтобы кто-то занялся воспитанием этой девочки. Она почти совершенная язычница. Поверишь ли? Она никогда в жизни не молилась! Схожу завтра к пастору и попрошу молитвенник для детей, вот что я сделаю. И она будет ходить в воскресную школу, как только я сошью ей приличное платье. Да, вижу, что хлопот у меня будет много. Да, да, каждый должен иметь в жизни свою долю хлопот. У меня была спокойная жизнь до сих пор, но пришел наконец и мой час, и я надеюсь, что исполню свой долг как следует.

Глава 8

Воспитание Ани начинается

По одной ей известным причинам Марилла до вечера следующего дня не говорила Ане, что оставит ее в Зеленых Мезонинах. До обеда она давала ей разные поручения и внимательно наблюдала, как девочка их выполняет. Уже к полудню она убедилась, что Аня проворна и послушна, трудолюбива и понятлива. Главным ее недостатком была склонность впадать в задумчивость. Тогда прямо посреди какого-нибудь занятия она совершенно о нем забывала, пока громкое замечание или неожиданная катастрофа не возвращали ее на землю.

Кончив мыть посуду после обеда, Аня неожиданно остановилась перед Мариллой с отчаянным видом человека, решившегося узнать самый ужасный приговор. Ее тоненькая фигурка дрожала с ног до головы, лицо пылало, глаза казались почти черными. Она крепко сжала руки перед грудью и сказала умоляюще:

— О, пожалуйста, мисс Касберт, скажите мне, собираетесь вы отослать меня или нет. Я старалась быть терпеливой все утро, но чувствую, что больше не могу выносить эту

неизвестность. Это ужасное чувство. Пожалуйста, скажите мне!

— Аня, ты не ошпарила тряпку кипятком после мытья посуды, как я тебе велела, — сказала Марилла невозмутимо. — Пойди и сделай это, прежде чем задавать вопросы.

Аня пошла исполнить приказание. Потом она обернулась к Марилле и остановила на ее лице умоляющий взгляд.

— Хорошо, — сказала Марилла, чувствуя, что не может найти никакого предлога, чтобы откладывать объяснение и дальше, — думаю, что могу тебе сказать. Мы с Мэтью решили оставить тебя. Разумеется, если ты постарайся быть хорошей девочкой и проявишь благодарность. Но, дитя, что с тобой?

— Я плачу, — сказала Аня смущенно. — Не знаю, почему. Я так рада, как только человек может радоваться. Ах, *радоваться* — совсем не то слово. Я радовалась, когда видела Белый Путь Очарования и вишни в цвету... но это! О, это гораздо больше, чем радость. Я так счастлива! Я постараюсь быть очень хорошей. Это будет тяжелый труд, я полагаю, потому что миссис Томас часто говорила мне, что я ужасно плохая. Но я буду стараться. Вы не знаете, почему я плачу?

— Я думаю, потому, что ты так взволнована и возбуждена, — сказала Марилла с неодобрением в голосе. — Сядь на тот стул и постарайся успокоиться. Боюсь, что ты слишком склонна как к слезам, так и к смеху. Да, ты останешься у нас, и мы постараемся, чтобы тебе было хорошо. Будешь ходить в школу. Но сейчас осталось всего две недели до начала каникул, так что пойдешь учиться в сентябре.

— А как мне называть вас? — спросила Аня. — Я должна всегда говорить мисс Касберт? Нельзя ли мне называть вас тетя Марилла?

— Нет, называй просто Марилла. Я не привыкла к обращению мисс Касберт, и оно меня раздражает.

— Это звучит ужасно неуважительно — просто Марилла, — запротестовала Аня.

— Думаю, не будет никакого неуважения, если только ты будешь говорить с уважением. Все в Авонлее, и старые и молодые, зовут меня Мариллой, кроме священника. Он говорит мисс Касберт... когда вспоминает об этом.

— Мне так хотелось бы называть вас тетя Марилла, — сказала Аня печально. — У меня никогда не было тети или другой родственницы... даже бабушки. Мне казалось бы, что я действительно принадлежу вам. Можно мне называть вас тетя Марилла?

— Нет, я тебе не тетя, и я не люблю давать людям титулы, которых они не носят на самом деле.

— Но мы могли бы вообразить, что вы моя тетя.

— Я не могла бы, — сказала Марилла неумолимо.

— Вы никогда не воображаете вещи не такими, какие они на самом деле? — спросила Аня, широко раскрывая глаза.

— Нет.

— Ах! — Аня глубоко вздохнула. — Ах, мисс... Марилла, как много вы теряете!

— Не думаю. Зачем воображать вещи не такими, какие они на самом деле? — возразила Марилла. — Когда Бог создал нас в таком, а не ином мире, то не для того, чтобы мы этот мир воображали иным. Ах да, это мне напомнило... Аня, пойди в гостиную — вытри только ноги как следует и не напусти мух — и принеси мне открытку, которая стоит на каминной полке. На ней напечатана молитва "Отче наш", и сегодня вечером ты потратишь свое свободное время на то, чтобы выучить ее наизусть. Таких молитв, как я слышала вчера, больше быть не должно.

— Да, я думаю, это была очень нескладная молитва, — сказала Аня извиняющимся тоном, — но, понимаете, у меня не было никакого опыта. Нельзя ожидать, чтобы человек хорошо молился с первого же раза, правда? Я придумала замечательную молитву, когда легла в кровать, как я вам и обещала. Она была почти такая же длинная, как у священника, и очень поэтичная. Но поверите ли? Я не могла вспомнить ни одного слова, когда проснулась сегодня утром. Боюсь, я никогда не смогу сочинить другую, такую же хорошую. Почему-то,

когда что-нибудь придумываешь во второй раз, никогда не получается так хорошо, как было в первый. Вы это замечали?

— Есть кое-что, что ты должна заметить, Аня. Когда я велю тебе что-то сделать, я хочу, чтобы ты слушалась меня сразу, а не стояла столбом и не рассуждала об этом без конца. Иди и сделай, что я тебе велела.

Аня быстро направилась через переднюю в гостиную, однако не вернулась оттуда. Прождав минут десять, Марилла отложила вязанье и, поджав губы, отправилась за ней. Она обнаружила Аню неподвижно стоящей перед картиной, которая висела на стене между двумя окнами. Девочка сцепила руки за спиной, лицо ее было поднято вверх, в глазах светилась мечта. Белый и зеленоватый свет, пробиравшийся в комнату через ветки яблонь и плюща, обливал погруженную в созерцание маленькую фигурку неземным сиянием.

— Аня, о чем ты думаешь? — спросила Марилла резко.

Аня, вздрогнув, вернулась на землю.

— Об этом, — сказала она, указывая на картину — довольно яркую репродукцию под названием "Христос, благословляющий детей", — и я как раз воображала, что я одна из них, что я — вон та девочка в голубом платье, которая стоит в уголке, словно она никому не принадлежит, совсем как я. Она кажется такой одинокой и печальной, правда? Я думаю, у нее нет ни отца ни матери. Но ей тоже хотелось получить благословение, и поэтому она робко пробралась в уголок, надеясь, что никто ее не заметит, никто, кроме Него. Я уверена, я знаю, что она при этом чувствовала. У нее сильно билось сердце и руки похолодели, как у меня, когда я спросила вас, оставите ли вы меня здесь. Она боялась, что Он может не заметить ее. Но Он, наверное, заметил, как вы думаете? Я пыталась все это вообразить — как она пробиралась все ближе и ближе, пока не оказалась совсем близко к Нему. И тогда Он взглянул на нее и положил руку ей на голову, и ах какой радостный трепет охватил ее! Но я хотела бы, чтобы художник не изображал Его таким грустным. У Него такое лицо на всех картинах, вы замечали? Но мне не верится, что Он в самом деле выглядел таким грустным, а то дети боялись бы Его.

— Аня, — сказала Марилла, удивляясь, почему она уже давно не прервала речь девочки, — нельзя говорить такие вещи. Это непочтение... явное непочтение..

Глаза Ани выразили изумление.

— Но я чувствую такое благоговение! Я совершенно не хотела быть непочтительной.

— Да, я верю тебе... но нельзя говорить так бесцеремонно об этих вещах. И еще одно, на что ты должна обратить внимание, Аня. Когда я тебя за чем-нибудь посылаю, возвращайся сразу, а не мечтай и не фантазируй перед картинами. Помни об этом! Возьми эту открытку и пойдем в кухню. Теперь сядь в углу и выучи эту молитву наизусть.

Аня прислонила открытку к кувшину, в котором стояли цветущие яблоневые ветки. Она принесла их перед обедом, чтобы украсить стол, — Марилла косо посмотрела на это украшение, но ничего не сказала. Девочка оперла подбородок на руки и несколько минут молча и внимательно смотрела на напечатанную молитву.

— Мне это нравится, — объявила она наконец. — Очень красиво. Я слышала эту молитву прежде: однажды ее читал ректор воскресной школы в приюте. Но тогда мне не понравилось. У него был такой скрипучий голос, и молился он так мрачно. И я ясно чувствовала, что для него молитва была неприятной обязанностью... Это не поэзия, но на меня она производит такое же впечатление, как поэзия. "Да святится имя Твое". Это совсем как мелодия. Ах, я так рада, что вы велели мне это выучить, мисс... Марилла.

— Хорошо, учи и молчи, — сказала Марилла коротко.

Аня наклонила кувшин с цветами, чтобы нежно поцеловать розовый бутон, и затем несколько минут прилежно учила.

— Марилла, — спросила она снова, — как вы думаете, я найду задушевную подругу в Авонлее?

— Что? Какую подругу?

— Задушевную... близкую подругу, понимаете... по-настоящему родственную душу,

которой я могла бы поверять самое сокровенное. Я всю жизнь мечтаю встретить ее. Я никогда не думала, что встречу, но столько моих самых чудесных мечтаний вдруг сбылось — все сразу, что, может быть, и это сбудется тоже. Как вы думаете, это возможно?

— Диана Барри живет в Садовом Склоне, она примерно твоего возраста. Она очень милая девочка, и, наверное, вы с ней сможете играть, когда она вернется домой. Она сейчас гостит у своей тети в Кармоди. Но тебе придется обратить внимание на свое поведение. Миссис Барри — очень требовательная женщина, и она не позволит Диане играть с девочкой, которая плохо воспитана.

Аня взглянула на Мариллу через ветки яблони полными любопытства глазами:

— А какая она, Диана? У нее не рыжие волосы, нет? О, надеюсь, что нет. Достаточно уже того, что у меня рыжие. Я не смогла бы перенести этого еще и у задушевной подруги.

— Диана очень красивая девочка. У нее черные глаза и волосы и розовые щечки. И она послушная и сообразительная, а это лучше, чем быть красивой.

Марилла так же любила мораль, как Герцогиня в Стране Чудес,¹ и была твердо убеждена, что ее следует добавлять к каждому замечанию, обращенному к ребенку, которого воспитывают.

Но Аня легко обошла мораль и ухватилась только за восхитительные возможности, которые эту мораль предваряли.

— Ах, я так рада, что она красивая! Это почти как самой быть красивой. Раз уж я сама некрасивая, то было бы приятно иметь красивую задушевную подругу. Когда я жила у миссис Томас, в гостиной стоял книжный шкаф со стеклянными дверцами. В нем не было никаких книжек. Миссис Томас держала в нем свой фарфор и банки с вареньем, когда, разумеется, оно у нее было. В одной дверце стекло было разбито. Мистер Томас разбил его однажды ночью, когда был немного пьяный. Но другая дверца была целая, и я обычно представляла, что мое отражение в ней — это другая девочка, которая живет в шкафу. Я называла ее Кейти Морис, и мы были очень близки. Я беседовала с ней часами, особенно в воскресенье, и все ей рассказывала. Кейти была моим утешением и радостью моей жизни. Мы воображали, что книжный шкаф заколдован и что если бы только я знала волшебное слово, то могла бы открыть дверь и войти в комнату, где живет Кейти, вместо полок с вареньем и фарфора. И тогда Кейти Морис взяла бы меня за руку и повела в чудесное место, где полно цветов, солнечного света и фей, и мы всегда жили бы там счастливо. Когда мне пришлось перейти жить к миссис Хаммонд, мне было так тяжело покинуть Кейти Морис. Она тоже чувствовала себя несчастной, я знаю, потому что она плакала, когда поцеловала меня на прощание через дверцу книжного шкафа. У миссис Хаммонд не было книжного шкафа. Но возле реки неподалеку от дома тянулась зеленая долина, и там жило прелестнейшее эхо. Оно повторяло каждое сказанное слово, даже если говорить не очень громко. Я вообразила, что это девочка по имени Виолетта и мы с ней дружили. Я любила ее почти так же, как я любила Кейти Морис... не совсем, но почти. Вечером накануне моего отъезда в приют я сказала Виолетте «прощай», и ее «прощай» вернулось ко мне со слезами в голосе. Я так привязалась к ней, что у меня не достало духу вообразить задушевную подругу в приюте... даже если бы там был простор для воображения.

— Я думаю, очень хорошо, что его там не было, — заметила Марилла сухо. — Я не одобряю подобных глупостей. Ты, кажется, сама веришь в свои выдумки. Тебе будет полезно иметь настоящую живую подругу, чтобы у тебя не было таких фантазий в голове. И не рассказывай миссис Барри об этих своих Кейти Морис и Виолетте, а то она подумает, что ты плетешь небылицы.

— О нет, не расскажу. Я могу говорить о них не с каждым — слишком священна для меня их память. Но мне захотелось рассказать о них вам... Ах, смотрите, большая пчела

---

¹ Герцогиня в Стране Чудес — персонаж книги "Алиса в Стране Чудес" (1865) английского писателя Льюиса Кэрролла (1832–1898).

вылетела из цветка яблони! Подумать только, жить в таком прекрасном месте — в цветке яблони! Вообразите, спать в цветке, когда ветер тихонько его покачивает. Если бы я не была человеком, я хотела бы быть пчелой и жить в цветке.

— Вчера ты хотела быть чайкой, — фыркнула Марилла. — Мне кажется, ты очень непостоянна. Я велела тебе учить молитву и не разговаривать. Но ты, кажется, не в состоянии молчать, если поблизости есть кто-то, кто может слушать твою болтовню. Пойди к себе в комнату и выучи молитву.

— О, я знаю уже почти всю... кроме последней строки.

— Хорошо. Делай, что я велела. Пойди в свою комнату и доучи как следует. И оставайся там, пока я не позову тебя помочь мне приготовить чай.

— Можно мне взять цветы с собой, для компании? — попросила Аня.

— Нет, не замусоривай комнату цветами. И вообще, следовало оставить их на дереве.

— Я тоже это почувствовала, — сказала Аня. — Я чувствовала, что мне не следует сокращать их прелестную жизнь. Я не хотела бы, чтобы меня сорвали, если бы я была цветком. Но искушение было *непреодолимым*. Что вы делаете, когда сталкиваетесь с непреодолимым искушением?

— Аня, ты слышала, что я велела тебе идти в твою комнату?

Аня вздохнула, удалилась в свою комнату в мезонине и села на стул у окна.

— Ну вот, я уже знаю всю молитву. Я выучила последнее предложение, пока поднималась по лестнице... Теперь я воображу, что эта комната выглядит совсем иначе и такой она останется навсегда. Пол покрыт белым бархатным ковром в пунцовых розах, а на окнах пунцовые шелковые шторы. Стены увешаны гобеленами из золотой и серебряной парчи. Мебель из красного дерева. Я никогда не видела красного дерева, но это звучит роскошно. Здесь кушетка, вся заваленная великолепными шелковыми подушками — розовыми, голубыми, пурпурными, золотистыми, и я грациозно раскинулась на них. Я вижу свое отражение в замечательном большом зеркале, висящем на стене. Я высокая и царственно прекрасная и одета в ниспадающее платье из белых кружев. У меня жемчужный крест на груди и жемчуга в волосах. Мои волосы черны, как ночь, а кожа бела, как слоновая кость. Мое имя — леди Корделия Фитцджеральд... Нет-нет, я не могу настолько забыть, чтобы это все показалось мне правдой.

Она, пританцовывая, подбежала к маленькому зеркалу. Из зеркала на нее взглянуло веснушчатое лицо с острым подбородком и серьезными серыми глазами.

— Ты всего лишь Аня из Зеленых Мезонинов, — сказала она строго, — и я вижу тебя такой, какая ты есть, даже когда ты пытаешься вообразить, что ты леди Корделия. Но в миллион раз лучше быть Аней из Зеленых Мезонинов, чем Аней из ниоткуда, правда?

Она наклонилась, любовно поцеловала свое отражение в зеркале и отошла к открытому окну.

— Дорогая Снежная Королева, добрый вечер! Добрый вечер, дорогие березки в долине. Добрый вечер, дорогой серый дом на холме. Интересно, станет ли Диана моей задушевной подругой? Я надеюсь, станет, я буду ее очень любить. Но я не должна забывать Кейти Морис и Виолетту. Это очень бы их обидело, а я не хочу задевать чьи-либо чувства, даже чувства девочки из книжного шкафа или девочки-эха. Я должна вспоминать о них каждый день и посылать им поцелуй.

Аня кончиками пальцев послала несколько воздушных поцелуев в сторону цветущей вишни и затем, положив подбородок на руки, с наслаждением погрузилась в сладкие мечты.

Глава 9

Миссис Рейчел Линд ужасно возмущена

П прошло две недели с момента появления Ани в Зеленых Мезонинах, а миссис Линд еще не явилась, чтобы как следует ее рассмотреть. Впрочем, нужно сказать, в оправдание миссис Рейчел, что была она в том не виновата. Тяжелый не по сезону грипп заставил эту

достойную женщину оставаться дома со времени ее последнего визита в Зеленые Мезонины. Миссис Рейчел болела нечасто и питала явное презрение к людям слабого здоровья, но грипп, по ее убеждению, не был обычной болезнью и следовало видеть в нем определенного рода кару Божью. Но, как только доктор позволил ей выходить из дома, она поспешила в Зеленые Мезонины, разрываясь от любопытства и желания увидеть сироту, о которой по Авонлее кружили всякого рода истории и догадки.

В прошедшие две недели Аня не теряла зря ни минуты: она уже знала каждое дерево и каждый кустик около дома. Она обнаружила, что за яблоневым садом начинается тропинка, ведущая к лесу, и исследовала ее до самого конца. Тропинка эта бежала вдоль прелестных изгибов ручья, через мостик, среди зарослей пихты и под сводами сплетающихся между собой диких вишен, потом петляла по уголкам, густо поросшим папоротниками, и терялась под покачивающимися кронами кленов и рябин.

Аня подружилась и с источником в долине — чудесно глубоким, чистым и необыкновенно холодным. Он был обложен гладкими плитами красного песчаника, а вокруг росли папоротники, похожие на огромные ладони. А за ним был бревенчатый мостик через ручей.

Этот мостик повел легкие Анины ножки к поросшему лесом холму, где под высокими густыми елями и пихтами царили вечные сумерки. Здесь росли мириады нежных ландышей, этих скромных и прелестных лесных цветов, да кое-где попадались бледные воздушные перелески,² словно души прошлогодних цветов. Тонкие паутинки сверкали, будто нити серебра, между деревьями, а сучья и шишки елей, казалось, дружески шептались между собой.

Все эти восхитительные путешествия совершались в те часы, когда ей разрешалось поиграть. По возвращении Аня засыпала Мэтью и Мариллу рассказами о своих «открытиях». Мэтью, разумеется, не жаловался, он слушал все с безмолвной и довольной улыбкой. Марилла не возражала против «болтовни», пока не обнаруживала, что сама слишком увлеченно слушает. Тогда она обычно поспешно заставляла Аню замолчать, резко приказав "придержать язык".

Когда миссис Линд пришла в Зеленые Мезонины, Аня была в саду, блуждая как вздумается по буйным колышущимся зеленым травам, расцвеченным красноватым вечерним солнцем. Так что у почтенной доброй дамы была отличная возможность всесторонне обсудить свою болезнь, расписав каждую боль и биение сердца с таким очевидным удовольствием, что Марилла подумала, что даже грипп может принести удовлетворение. Когда все подробности были исчерпаны, миссис Рейчел обратилась к главной цели своего визита:

— Я слышала удивительные вещи о вас с Мэтью.

— Я думаю, ты удивлена не больше, чем я сама, — сказала Марилла. — Я только сейчас начинаю приходить в себя.

— Ужасно, что произошла такая ошибка, — сказала миссис Рейчел сочувственно. — И вы не могли отправить ее обратно?

— Думаю, что могли, но мы решили не делать этого. Мэтью она приглянулась. Да мне и самой она нравится, хотя должна признать, что есть у нее и недостатки. Наш дом словно ожил. Она и в самом деле милое создание.

Марилла сказала больше, чем собиралась, потому что прочла явное неодобрение в лице миссис Рейчел.

— Вы взяли на себя огромную ответственность, — сказала почтенная дама мрачно, — особенно потому, что вы никогда не имели дела с детьми. Я полагаю, вы мало знаете о ней и ее характере, и нельзя заранее угадать, каким окажется этот ребенок. Но я, конечно, не хочу напугать вас, Марилла.

---

² Перелески — весенние цветы.

— Это и невозможно, — сухо отрезала Марилла. — Если уж я на что-то решаюсь, то не отступаю. Тебе, наверное, хочется взглянуть на Аню? Я позову ее.

Аня вбежала в комнату. Лицо ее еще сияло восторгом нового «открытия», сделанного в саду. Но, смущенная тем, что неожиданно оказалась в обществе незнакомой особы, она растерянно остановилась в дверях. Несомненно, она выглядела очень странно в коротком тесном платье из жесткой ткани, привезенном из приюта; торчавшие из-под него ноги казались неуклюже длинными. Веснушки ее были многочисленнее и заметнее, чем обычно. Непокрытые, растрепанные ветром волосы были в поразительно великолепном беспорядке; они никогда не казались более рыжими, чем в этот момент.

— Да-а, выбрали тебя не за красоту, это точно, — таков был выразительный комментарий миссис Рейчел Линд. Миссис Рейчел была одной из тех восхитительных и всеми любимых особ, которые гордятся тем, что выражают свое мнение прямо и открыто. — Она ужасно тощая и некрасивая, Марилла. Иди сюда, детка, и дай мне тебя рассмотреть. Господи помилуй, да видал ли кто столько веснушек? А волосы — красные, прямо морковка! Подойди сюда, детка, слышишь?

Аня «подошла», но совсем не так, как ожидала почтенная дама. Одним прыжком она перенеслась через кухню и остановилась перед миссис Рейчел с красным от гнева лицом; губы ее кривились, и вся тоненькая фигурка дрожала с головы до ног.

— Я вас ненавижу! — закричала она, задыхаясь и топая ногой. — Я вас ненавижу, ненавижу, ненавижу... — Она топала все сильнее с каждым очередным утверждением ненависти. — Как вы смеете называть меня тощей и некрасивой? Как вы смеете говорить, что у меня веснушки и рыжие волосы? Вы грубая, невоспитанная, бесчувственная женщина!

— Аня! — воскликнула Марилла в ужасе.

Но Аня продолжала бесстрашно смотреть в лицо миссис Рейчел, с поднятой головой, сверкающими глазами, сжатыми кулачками. Яростное раздражение исходило от всей ее фигурки.

— Как вы смеете говорить такое обо мне? — повторяла она неистово. — Как бы вам понравилось, если бы вы слышали такое о себе? Как бы вам понравилось, если бы вам сказали, что вы толстая и неуклюжая и что у вас, вероятно, нет даже искры воображения! Меня не волнует, если я даже и раню ваши чувства, когда это говорю! Я даже хочу их ранить. Вы ранили мои чувства еще сильнее, чем их когда-либо ранил пьяный муж миссис Томас. И я никогда не прощу вам этого, никогда, никогда!

И она топнула опять и опять.

— Да видел ли кто подобное! — воскликнула ошеломленная миссис Рейчел.

— Аня, пойди в свою комнату и оставайся там, пока я не приду, — сказала Марилла, с трудом обретая дар речи.

Аня, разразившись слезами, бросилась к двери и захлопнула ее за собой так, что даже противни, висевшие на стенке, сочувственно задребезжали, и вихрем помчалась через переднюю и вверх по лестнице. Донесшийся сверху грохот свидетельствовал, что дверь комнатки в мезонине была захлопнута с той же яростью.

— Ну, не завидую тебе, Марилла, что ты будешь *это* воспитывать, — сказала миссис Рейчел с неопишуемой торжественностью.

Марилла открыла рот, чтобы произнести какие-то слова извинения или возмущения, но то, что она сказала, оказалось необъяснимым для нее самой как в ту минуту, так и впоследствии.

— Тебе не следовало насмехаться над ее внешностью, Рейчел.

— Марилла, уж не хочешь ли ты сказать, что есть оправдание этой кошмарной вспышке, которой мы только что стали свидетелями? — спросила миссис Рейчел раздраженно.

— Нет, — сказала Марилла медленно. — Я не пытаюсь оправдать ее. Она вела себя ужасно, и мне придется поговорить с ней об этом. Но мы должны принимать во внимание некоторые обстоятельства. Ее никогда не учили тому, что правильно, а что нет. А ты

действительно была слишком жестока к ней, Рейчел.

Марилла не смогла удержаться от этой последней фразы, хотя опять удивилась себе самой. Миссис Рейчел поднялась с видом оскорбленного достоинства.

— Да, я вижу, Марилла, что мне придется быть очень осторожной в выражениях после этого, так как деликатные чувства сирот, вывезенных неизвестно откуда, стоят здесь на первом месте. О нет, я не сержусь, не волнуйся. Мне слишком вас жаль, чтобы у меня еще могло оставаться какое-либо чувство раздражения. Вам придется нелегко с этим ребенком. Но если бы ты приняла мой совет — чего ты, я полагаю, не сделаешь, хотя я воспитала десять детей и похоронила двоих, — ты «поговорила» бы с ней хорошей березовой розгой. Я думаю, это был бы самый действенный язык в общении с такого рода ребенком. Я догадываюсь, что характер у нее такой же пламенный, как и ее волосы. Ну, до свидания, Марилла. Я надеюсь, ты время от времени будешь заходить ко мне, как обычно. Но не жди, что я скоро появлюсь здесь, где можно подвергнуться подобного рода обращению и оскорблениям. Для *меня* это что-то новое.

И миссис Рейчел с достоинством выплыла из комнаты — если только можно сказать так о толстой женщине, которая всегда ходит вразвалку, — а Марилла с очень серьезным выражением лица направилась в мезонин.

Поднимаясь по лестнице, она тяжело размышляла о том, что же ей следует предпринять. Она испытывала немалый ужас при мысли о сцене, которая только что произошла. Как досадно, что Аня выказала такую вспыльчивость именно перед миссис Рейчел Линд! Неожиданно Марилла с тревогой и укором отдала себе отчет в том, что чувствует больше унижения перед соседкой из-за того, что произошло, чем огорчения по поводу такого серьезного недостатка в Анином характере. И как наказать ее? Дружеский совет употребить березовую розгу, о замечательном действии которой должны были свидетельствовать все дети миссис Рейчел, не привлекал Мариллу. Она не представляла себе, что может бить ребенка. Нет, необходимо было найти какой-то другой способ наказания, чтобы заставить Аню осознать всю тяжесть ее проступка.

Марилла обнаружила Аню лежащей лицом вниз на постели. Она горько плакала, совершенно не обращая внимания на то, что грязные ботинки пачкали чистое покрывало.

— Аня, — сказала Марилла без суровости в голосе.

Не было ответа.

— Аня, — строже повторила она, — сейчас же встань с кровати и послушай, что я тебе скажу.

Аня сползла с кровати и села на стул, стоявший рядом. Лицо ее распухло и было мокрым от слез. Она упрямо не поднимала глаз.

— Хорошо же ты себя ведешь, Аня! И тебе не стыдно?

— Она не имела никакого права называть меня некрасивой и рыжей, — отвечала Аня с упреком.

— Ты тоже не имела никакого права впадать в такой гнев и говорить с ней подобным образом. Мне было стыдно, ужасно стыдно за тебя. Я хотела, чтобы ты была мила и вежлива с миссис Линд, а ты вместо этого так меня опозорила. Я совершенно не понимаю, почему тебя так задело, когда миссис Линд сказала, что ты рыжая и некрасивая. Ты сама это не раз говорила.

— Но ведь это большая разница, когда вы говорите что-то о себе и когда слышите это от других, — отвечала Аня со слезами. — Вы можете знать, как вы на самом деле выглядите, но не можете не надеяться, что другие думают иначе. Вы, наверное, думаете, что у меня ужасный характер, но я ничего не могла поделать. Когда она все это сказала, что-то поднялось во мне и стало меня душить. Я просто *должна* была наброситься на нее.

— В хорошем же свете ты себя выставила, должна я сказать. Миссис Линд будет что рассказать о тебе повсюду — и она расскажет, не сомневайся. Это ужасно, что ты так вышла из себя, Аня.

— Но вы только вообразите, что вы почувствовали бы, если бы кто-нибудь сказал вам в

лицо, что вы тощая и некрасивая, — оправдывалась Аня в слезах.

Давнишнее воспоминание неожиданно ожило в памяти Мариллы. Она была еще совсем маленькой, когда услышала, как одна из ее теток сказала о ней, обращаясь к другой родственнице: "Жаль, что она такое невзрачное, некрасивое создание". Марилле было уже пятьдесят, когда она, наконец, смогла забыть об этих так ужаливших ее словах.

— Я не утверждаю, что миссис Линд была права, говоря о тебе все то, что она сказала, — признала она мягче. — Рейчел слишком прямолинейна. Но это совсем не извиняет твоего поведения. Она незнакомая женщина, намного старше тебя и к тому же моя гостя — вот три достаточных повода, чтобы ты отнеслась к ней с уважением. Ты же была грубой и дерзкой, и — в голову Марилле пришла спасительная идея наказания — ты должна пойти к ней домой и сказать, что очень сожалеешь о своей вспышке, и попросить прощения.

— Я никогда не смогу этого сделать, — сказала Аня решительно и мрачно. — Вы можете наказать меня любым способом, Марилла. Можете запереть меня в темном, сыром подвале, где живут змеи и жабы, держать там на хлебе и воде, и я не буду жаловаться. Но я не могу попросить миссис Линд простить меня.

— У нас нет обыкновения запирают людей в темных, сырых подвалах, — сказала Марилла холодно, — к тому же их и нет в Авонлее. Но извиниться перед миссис Линд тебе придется, иначе ты останешься в своей комнате до тех пор, пока не скажешь мне, что готова это сделать.

— Значит, мне придется остаться здесь навсегда, — сказала Аня скорбно, — потому что я не могу сказать миссис Линд, будто жалею о том, что ей сказала. Как я могу это сделать? Ведь я не жалею. Я жалею, что огорчила вас, но рада, что сказала ей все. Это было огромным облегчением. Я не могу сказать, что я жалею об этом, если я не жалею, правда? Я даже не могу *вообразить*, что жалею об этом.

— Может быть, твое воображение заработает лучше завтра утром, — сказала Марилла, вставая, чтобы уйти. — У тебя есть ночь, чтобы подумать о своем поведении и изменить свое мнение. Ты говорила, что постарайся быть очень хорошей девочкой, если мы оставим тебя в Зеленых Мезонинах, но должна сказать, что в это трудно поверить сегодня.

Оставив эту парфянскую стрелу³ терзать Анину бурную душу, Марилла спустилась в кухню, охваченная мучительным беспокойством и раздражением. Она была сердита на себя так же, как и на Аню, потому что, как только ей вспоминалось ошеломленное лицо миссис Рейчел, губы ее невольно растягивались в улыбке и она чувствовала совершенно предосудительное желание расхохотаться.

Глава 10

Аня просит прощения

В тот вечер Марилла ничего не сказала Мэтью о случившемся, но когда и на следующее утро Аня продолжала упорствовать, пришлось дать необходимые объяснения в связи с ее отсутствием за завтраком. Марилла рассказала Мэтью всю историю, приложив немало усилий, чтобы представить в должном свете всю чудовищность Аниного поведения.

— Неплохо, что Рейчел Линд так осадил. Она просто надоедливая старая сплетница, — таков был утешительный ответ Мэтью.

— Мэтью, ты меня удивляешь: знаешь, что поведение Ани было просто отвратительным, и тем не менее встаешь на ее сторону! Скоро ты скажешь, будто она совсем не заслуживает наказания.

— Ну... нет... не совсем, — отвечал Мэтью смущенно. — Я признаю, что ее надо немножко наказать. Но не будь с ней слишком сурова, Марилла. Вспомни, ведь у нее никого не было, чтобы научить ее, как себя вести. Ты... ты ведь дашь ей поесть?

---

³ Парфянская стрела — колкость или меткое замечание, прибегаемые к моменту ухода.

— Когда это ты слышал, чтобы я голодом вынуждала людей к хорошему поведению? — спросила Марилла возмущенно. — Она будет есть в обычное время, я сама отнесу еду ей наверх. Но она останется там, пока не согласится извиниться перед миссис Линд, и это окончательное решение, Мэтью.

Завтрак, обед и ужин прошли в молчании, потому что Ани по-прежнему не было за столом. Каждый раз после еды Марилла относила в мезонин полный поднос кушаний и позднее приносила его обратно почти в том же виде. Вечером Мэтью с беспокойством присмотрелся к содержимому последнего принесенного сверху подноса. Неужели Аня целый день ничего не ела?

Когда к концу дня Марилла отправилась, чтобы пригнать коров с дальнего пастбища, Мэтью, который наблюдал за ней, слоняясь возле амбаров, проскользнул в дом с видом вора и поднялся по лестнице, ведущей в мезонин. Обычно Мэтью вращался между кухней и своей маленькой спальней возле передней, порой отваживаясь на посещение гостиной или столовой, когда к чаю приглашали священника. Но на втором этаже своего дома он был в последний раз, когда помогал Марилле оклеивать спальню для гостей, а было это четыре года назад.

Он тихонько прошел через маленькую переднюю мезонина и несколько мгновений постоял перед дверью Аниной комнатки, прежде чем отважился постучать в нее пальцами и затем, открыв дверь, заглянуть внутрь.

Аня сидела на желтом стуле у окна, печально глядя в сад. Она казалась такой маленькой и несчастной, что у Мэтью дрогнуло сердце. Он бесшумно прикрыл за собой дверь и на цыпочках подошел к ней.

— Аня, — прошептал он, словно боясь, что их подслушивают. — Как ты тут, Аня?

Аня с трудом улыбнулась:

— Неплохо. Я много воображаю, и это помогает приятнее проводить время. Конечно, мне довольно одиноко. Но это ничего, я скоро привыкну.

Аня опять улыбнулась, храбро глядя вперед — на долгие годы предстоящего ей одиночного заключения.

Мэтью вспомнил, что он должен сказать то, что собирался, не теряя времени, так как Марилла могла вернуться раньше обычного.

— Послушай, Аня, ты не думаешь, что лучше это сделать и покончить с этим? — прошептал он. — Придется это сделать рано или поздно, знаешь, ведь Марилла — ужасно непреклонная женщина... ужасно непреклонная, Аня. Сделай это сейчас, послушай, и все будет позади.

— Вы имеете в виду попросить прощения у миссис Линд?

— Да... попросить прощения... вот именно, — сказал Мэтью горячо. — Загладить это, так сказать. Вот к этому я и веду.

— Я полагаю, что могу это сделать ради вас, — сказала Аня задумчиво. — Это будет правда, если я скажу, что мне жаль, что я так вела себя, потому что мне и в самом деле жаль. Мне было ни капельки не жаль вчера вечером. Я ужасно злилась и вчера, и всю ночь. Я знаю, что так было, потому что я просыпалась три раза и каждый раз была просто в бешенстве. Но сегодня утром все прошло. Я уже не была в бешенстве... осталось только какое-то неприятное изнеможение. И мне стало так стыдно. Но я просто не могла подумать о том, чтобы пойти и сказать об этом миссис Линд. Это было бы так унижительно. И я решила, что лучше останусь здесь взаперти на всю жизнь, чем извинюсь. Но теперь... для вас я сделала бы что угодно... и если вы действительно хотите, чтобы я...

— Ну конечно хочу. Там внизу ужасно одиноко без тебя. Сходи и загладь это все... будь умницей.

— Хорошо, — сказала Аня покорно. — Я скажу Марилле, как только она придет, что раскаялась.

— Правильно... правильно, Аня. Но не говори Марилле, что я с тобой об этом говорил. Она подумает, что я вмешиваюсь в ее дело, а я обещал этого не делать.

— Дикие кони не вырвут у меня эту тайну, — торжественно пообещала Аня. — Только непонятно, как дикие кони могут вырвать у кого-нибудь тайну.

Но Мэтью уже ушел, испуганный собственным успехом. Он торопливо направился на самый отдаленный конец конского пастбища, чтобы Марилла не заподозрила, что он был наверху. Сама же Марилла по возвращении в дом была приятно удивлена, услышав жалобный голосок, звавший сверху через перила лестницы:

— Марилла!

— Ну, что такое? — спросила она, входя в переднюю.

— Мне жаль, что я вышла из себя и говорила грубости, и я согласна пойти и сказать это миссис Линд.

— Очень хорошо, — отвечала Марилла решительно, ничем не выдав облегчения, которое испытала при этом известии. Перед этим она уже с беспокойством думала о том, что же ей делать, если Аня не захочет уступить. — Я зайду за тобой после дойки.

И вот после дойки Марилла и Аня отправились вместе к миссис Линд, первая — с поднятой головой и торжествующая, вторая — сгорбившаяся и подавленная. Но на полпути Анина подавленность исчезла, словно по волшебству. Она подняла голову и легко шагала вперед, устремив глаза на закатное небо, от всего ее существа веяло сдерживаемым оживлением, Марилла с неодобрением смотрела на эту перемену. Это не было смиренное раскаяние, с которым следовало явиться перед оскорбленной миссис Линд.

— О чем ты думаешь, Аня? — спросила она резко.

— Я думаю о том, что должна сказать миссис Линд, — отвечала Аня мечтательно.

Казалось бы, все в порядке... или почти в порядке. Но Марилла не могла избавиться от впечатления, что что-то в ее плане наказания идет не так, как надо. Аня не имела права выглядеть такой радостной и сияющей.

Аня оставалась радостной и сияющей, пока они не оказались в присутствии миссис Линд, которая сидела с вязаньем у окна своей кухни. Тогда радость исчезла, и во всех чертах Ани явилось унылое раскаяние. Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, Аня неожиданно упала на колени перед изумленной миссис Рейчел и с мольбой протянула к ней руки.

— О, миссис Линд, я так глубоко сожалею, — сказала она с дрожью в голосе. — Я никогда не смогу выразить все мое огорчение... нет, никогда, даже если я воспользуюсь всеми словами словаря. Вы должны просто это вообразить. Я вела себя ужасно по отношению к вам... и навлекла позор на моих дорогих друзей, Мэтью и Мариллу, которые позволили мне остаться в Зеленых Мезонинах, хотя я не мальчик. Я ужасно плохая и неблагодарная девочка и заслуживаю того, чтобы меня наказали и навсегда изгнали из общества уважаемых людей. Это было очень дурно с моей стороны — поддаться гневу из-за того, что вы сказали мне правду. Это была правда, каждое ваше слово было правдивым. У меня рыжие волосы, и я веснушчатая, и тощая, и некрасивая. То, что я сказала вам, тоже было правдой, но мне не следовало этого говорить. О, миссис Линд, прошу вас, пожалуйста, простите меня. Если вы откажетесь, это будет трагедия всей моей жизни. Ведь вы не хотите быть причиной трагедии всей жизни бедной маленькой сироты, пусть даже у нее и ужасный характер? О, я уверена, что вы не хотите. Прошу вас, скажите, что вы прощаете меня, миссис Линд.

Аня сложила руки, склонила голову и ждала приговора.

Не могло быть никаких сомнений в ее искренности — искренность слышалась в каждом звуке ее голоса. И Марилла и миссис Линд чувствовали неподдельное звучание этой искренности. Но первая из них с ужасом поняла, что Аня поистине наслаждалась юдолью унижения и упивалась полнотой своего смирения. Где же благотворное наказание, которое она, Марилла, изобрела и которым так кичилась? Аня превратила его в своего рода удовольствие.

Добрая миссис Линд, не обремененная излишней проницательностью, не сумела увидеть этого. Она поняла только, что Аня принесла извинения по всем правилам, и все

чувство обиды исчезло в ее добром, пусть даже и любящем заниматься не своими делами, сердце.

— Ну, ну, детка, встань, — сказала она сердечно. — Конечно я тебя прощаю. Я, наверное, сказала тогда немного лишнего. Но уж такая я откровенная, все прямо говорю. Ты не принимай это так близко к сердцу, вот что. Нельзя отрицать, что у тебя ужасно рыжие волосы, но я знала одну девочку — ходила вместе с ней в школу, — и волосы у нее в детстве были точно такие, как у тебя, но когда она выросла, волосы потемнели и стали красивого каштанового цвета, И я совсем не удивлюсь, если и твои потемнеют... совсем не удивлюсь.

— О, миссис Линд! — Аня глубоко вздохнула, поднимаясь с колен. — Вы дарите мне надежду. Я вечно буду считать вас моей благодетельницей. О, я могу вынести все, стоит мне только подумать, что мои волосы, когда я вырасту, станут красивого каштанового цвета. Гораздо легче быть хорошей, если иметь красивые каштановые волосы, как вы думаете? Можно мне теперь пойти в ваш сад и посидеть на скамейке под яблоней, пока вы с Мариллой будете разговаривать? Там гораздо больше простора для воображения.

— Да, Боже мой, конечно беги, детка. И можешь, если хочешь, нарвать себе букет белых июньских лилий, они растут там в уголке, возле скамьи.

Когда дверь за Аней закрылась, миссис Линд быстро поднялась, чтобы зажечь лампу.

— Она и в самом деле странная девчушка. Садись на этот стул, Марилла, он удобнее, чем тот. Я тот держу для батрака... Да, она странный ребенок, но что-то в ней есть такое привлекательное. Я не удивляюсь теперь, что вы с Мэтью взяли ее... и не боюсь за вас... Она, может быть, окажется совсем неплохой. Конечно, у нее странная манера выражаться... чуточку слишком... ну, слишком сильные выражения, ты понимаешь. Но у нее это, наверное, пройдет, когда она поживет с цивилизованными людьми. И характер у нее слишком несдержанный, я чувствую. Но в этом есть и хорошая сторона, когда у ребенка такой характер: вспыхнет да и остынет, но не будет хитрить и обманывать. Сохрани Боже от хитрого ребенка, скажу я вам. А вообще, Марилла, она, похоже, мне нравится.

Когда Марилла направилась домой, Аня выбежала из душистых сумерек сада с охапкой белых нарциссов в руках.

— Я хорошо извинилась, правда? — спросила она с гордостью, когда они зашагали к дому. — Я подумала, что раз уж мне придется это сделать, то нужно сделать как следует.

— Ты сделала все как следует; все в порядке, — признала Марилла. Она снова с ужасом обнаружила, что при воспоминании об этом извинении ей хочется смеяться. У нее было неловкое чувство, что ей следовало бы отчитать Аню за то, что та так хорошо извинялась. Но это было просто смешно! Она успокоила свою совесть, сказав сурово:

— Я надеюсь, у тебя не будет больше случая прибегать к таким извинениям. Я надеюсь, впредь ты постарайшься владеть собой, Аня.

— Это совсем не было бы трудно, если бы люди не издевались над моей внешностью, — сказала Аня со вздохом. — Я не сержусь ни из-за чего другого, но я так устала от того, что издеваются над моими волосами, что сразу вскипаю. Как вы думаете, мои волосы и вправду станут красивого каштанового цвета, когда я вырасту?

— Ты не должна так много думать о своей внешности, Аня. Боюсь, что ты слишком тщеславная девочка.

— Как я могу быть тщеславной, если я некрасивая? — возразила Аня. — Я люблю все красивое и терпеть не могу, когда помотришь в зеркало и видишь что-то совсем некрасивое. Мне так грустно от этого... так же грустно, как когда я смотрю на любую безобразную вещь. Я ее жалею, потому что она некрасивая.

— Красив тот, кто красиво поступает, — процитировала Марилла.

— Мне это уже говорили, но я в этом сомневаюсь, — скептически заметила Аня, нюхая свои нарциссы. — Ах, какие эти цветы душистые! Как это мило, что миссис Линд мне их подарила. У меня теперь совсем нет к ней враждебного чувства. Такое прелестное, приятное чувство, когда извинишься и тебя простят, правда?.. Какие звезды сегодня яркие! Если бы вы могли жить на звезде, какую бы вы выбрали? Я — вон ту, большую и яркую, над тем темным

холмом.

— Аня, помолчи, — сказала Марилла, чувствуя, что совершенно измотана попытками уследить за полетом Аниных мыслей.

Аня не сказала больше ни слова, пока они не ступили на тропинку, ведущую к их дому от большой дороги. Легкий шаловливый ветерок, весь пропитанный пряным ароматом молодых обрызганных росой папоротников, подул им навстречу. Вдали между теней деревьев виднелся приветливый свет, лившийся из окна кухни Зеленых Мезонинов. Аня неожиданно прижалась к Марилле и всунула свою ручку в ее загрубелую ладонь.

— Как это чудесно — возвращаться домой и знать, что это твой дом, — сказала она. — Я уже люблю Зеленые Мезонины, а ведь я никогда прежде не любила ни одного места. Ни одно не казалось мне моим домом. Ах, Марилла, я так счастлива. Я могла бы молиться прямо сейчас, и это совсем не показалось бы мне трудным.

Какое-то теплое и приятное чувство наполнило сердце Мариллы, когда маленькая худенькая ручка легла в ее ладонь, — быть может, это было чувство материнства, которого она была лишена. Сама его непривычность и сладость обеспокоили ее. Она поспешила привести свои чувства в обычное состояние, перейдя к внушению морали.

— Если ты будешь хорошей девочкой, Аня, ты всегда будешь счастлива. И ты не должна думать, будто это трудно — читать молитву.

— Читать молитву — это не совсем то же самое, что молиться, — сказала Аня задумчиво. — Но я хочу вообразить, что я ветер, который гуляет там, в вершинах деревьев. Когда я устану от деревьев, я воображу, что я легко порхаю вниз, среди папоротников... а потом полечу в сад миссис Линд и заставлю все цветы танцевать... а потом я одним порывом пронесусь над клеверным лугом... а потом я буду дуть на Озеро Сверкающих Вод и превращу всё его в маленькие блестящие волны. О, в ветре так много простора для воображения! Я больше уже не буду говорить, Марилла.

— Слава Тебе, Господи, — выдохнула Марилла с искренним облегчением.

Глава 11

Впечатления Ани от воскресной школы

— Ну как? Тебе они нравятся? — спросила Марилла.

Аня стояла в комнате в мезонине, серьезно глядя на три новых платья, разложенных на кровати. Одно было из полосатого полотна табачного цвета. Материал выглядел так практично, что прошлым летом Марилла соблазнилась и купила его у разносчика. Другое было из сатина в черную и белую клеточку, который она купила зимой на дешевой распродаже; и еще одно — из жесткого ситца некрасивого голубого оттенка, который она купила на прошлой неделе в магазине в Кармоди.

Марилла сшила их сама, все три одинаково — прямая юбка, прямой лиф и рукава, такие же прямые, как лиф и юбка, и к тому же до невозможности узкие.

— Я буду воображать, что они мне нравятся, — сказала Аня спокойно.

— Я не хочу, чтобы ты это воображала, — возразила Марилла обиженно. — Я вижу, что платья тебе не нравятся! Но почему? Ведь они аккуратно сшиты, чистые, новые!

— Да.

— Тогда почему они тебе не нравятся?

— Они... они некрасивые, — сказала Аня неохотно.

— Некрасивые! — фыркнула Марилла. — Я не ломала себе голову над тем, чтобы придумывать тебе красивые платья. Я не собираюсь тешить твое тщеславие, Аня, прямо тебе говорю. Эти платья хорошие, скромные, практичные, без всяких там рюшей и оборок, и их тебе вполне хватит на это лето. Коричневое и голубое будешь носить в школу, когда начнутся занятия, а клетчатое — в церковь и воскресную школу. Надеюсь, ты будешь аккуратна и постарайся их не рвать и не пачкать. И мне кажется, что тебе следовало бы быть благодарной за то, что ты получила такие платья вместо своего старого, из которого

давно выросла.

— О, я очень благодарна, — запротестовала Аня. — Но я была бы гораздо благодарнее, если бы... если бы вы сделали хоть одно из них с буфами на рукавах. Рукава с буфами — это сейчас так модно. Я испытала бы такую дрожь наслаждения, Марилла, если бы только надела платье с буфами на рукавах.

— Ничего, обойдешься и без дрожи. У меня было не так много ткани, чтобы шить рукава с буфами. И вообще я считаю эту моду просто смешной. Я предпочитаю рукава простые и скромные.

— Но я охотнее согласилась бы выглядеть такой же смешной, как все, чем оставаться единственной простой и скромной, — настаивала Аня огорченно.

— Да уж вижу!.. Повесь платье аккуратно в шкаф, а потом сядь и приготовь урок для воскресной школы. Я взяла для тебя учебник у мистера Белла. Завтра пойдешь в воскресную школу, — сказала Марилла и исчезла внизу, уязвленная до глубины души.

Аня заломила руки и остановила взгляд на платьях.

— Я так надеялась, что одно будет белое и с буфами на рукавах, — прошептала она безутешно. — Я даже молилась об этом, хотя и не очень верила в успех. Я так и думала, что у Бога не найдется времени, чтобы заняться платьем бедной сироты. Я знала, что все зависит только от Мариллы. К счастью, я могу вообразить, что одно из них из снежно-белого муслина с прелестными кружевными оборками, а на рукавах по три буфа.

На следующее утро предчувствие сильной мигрени помешало Марилле самой отвести Аню в воскресную школу.

— По дороге в церковь зайди за миссис Линд, — сказала она Ане. — Она ответит тебя в нужный класс. И не забывай вести себя как следует. Останься послушать проповедь и попроси миссис Линд указать тебе нашу скамью в церкви. Вот цент на денежное пожертвование. Не разглядывай прихожан и не вертись на скамье. Когда вернешься, расскажешь мне, о чем говорилось в проповеди.

Аня отправилась в путь, облаченная в черно-белое сатиновое платье, которое хоть и было вполне приличной длины и не могло вызвать никаких обвинений в скупости, тем не менее умудрялось своим фасоном замечательно подчеркнуть каждый угол и выступ на ее худенькой фигурке. Новая блестящая морская шляпа, маленькая и плоская, своей простотой весьма разочаровала Аню, которая втайне грезилась о лентах и цветах. Последнее упущение было, впрочем, исправлено еще до того, как Аня вышла на большую дорогу. Столкнувшись на полпути с золотистым великолепием волнующих ветром лютиков и цветущих кустов шиповника, Аня быстро и не скупясь украсила свою шляпу тяжелым венком. Как бы ни расценили достигнутый результат другие, Аня была им удовлетворена и весело шагала по дороге, очень гордо поднимая свою рыжую голову с этим розово-желтым украшением.

Миссис Линд она не застала дома; оказалось, что почтенная дама уже ушла. Ничуть не обескураженная, Аня продолжила свой путь. На крыльце церкви она оказалась в толпе маленьких девочек, более или менее нарядных, в белом, розовом и голубом. Все они с любопытством таращили глаза на появившуюся среди них незнакомку с необыкновенным украшением на голове. Маленькие жительницы Авонлеи уже слышали странные истории об Ане: миссис Линд рассказывала о ее ужасном характере, а Джерри Буот, батрак из Зеленых Мезонинов, сообщил, что она все время разговаривает сама с собой или с цветами и деревьями, как сумасшедшая. Они смотрели на нее и перешептывались, прикрываясь своими учебниками. Никто даже не попытался по-дружески обратиться к ней ни в церкви, ни позднее в классе мисс Роджерсон, в котором оказалась Аня.

Мисс Роджерсон была особа среднего возраста, преподававшая в воскресной школе уже двадцать лет. Ее метод обучения заключался в том, что она задавала вопрос из учебника и бросала суровый взгляд поверх книжки на ту девочку, которая должна была ответить на него. Очень часто она устремляла взгляд на Аню, которая благодаря стараниям Мариллы отвечала быстро и правильно; неизвестно только, много ли она понимала из этих вопросов и ответов.

Мисс Роджерсон ей не понравилась, и к тому же она чувствовала себя очень несчастной: у всех остальных девочек в классе были рукава с буфами. И Аня чувствовала, что не стоит и жить, если нет буфов на рукавах.

— Ну, как тебе понравилась воскресная школа? — пожелала узнать Марилла, когда Аня вернулась домой. Анин веночек увял, и она выбросила его по дороге, так что Марилла еще несколько дней пребывала в блаженном неведении относительно этого удивительного украшения.

— Мне она ни капельки не понравилась. Отвратительная.

— Аня! — воскликнула Марилла с упреком.

Аня с тяжелым вздохом опустила на кресло-качалку, поцеловала один из листьев Милочки и помахала рукой цветущей фуксии.

— Им, наверное, было одиноко без меня, — объяснила она. — Ну вот, теперь о воскресной школе. Я все сделала, как вы мне велели. Миссис Линд уже не было дома, и я пошла одна. Я вошла в церковь вместе с толпой других девочек, села в углу на скамье у окна и там сидела, пока была общая часть перед занятиями. Мистер Белл читал ужасно длинную молитву. Он, наверное, страшно бы мне надоел, если бы я не сидела у окна. Но окно выходило прямо на Озеро Сверкающих Вод, так что я просто глядела на воду и воображала всякие чудесные вещи.

— Ты не должна была так себя вести! Нужно было слушать мистера Белла.

— Но он обращался не ко мне, — возразила Аня. — Он обращался к Богу и, кажется, сам не слишком интересовался тем, что говорит. Я думаю, он, наверное, считал, что Бог слишком далеко, чтобы из всего этого что-нибудь вышло... Я, впрочем, сама сказала коротенькую молитву. Там был длинный ряд белых берез, склонившихся к озеру, сквозь них светило солнце, и лучи пронзали воду глубоко-глубоко. О, Марилла, это было как чудный сон! Меня охватила дрожь восторга, и я просто повторила два или три раза подряд: "Благодарю Тебя за это, Господи".

— Не вслух, надеюсь, — сказала Марилла встревоженно.

— О нет, совсем тихонько... Ну вот, мистер Белл наконец кончил, и мне велели идти в класс мисс Роджерсон. Там было еще девять девочек. У всех были рукава с буфами. Я попыталась вообразить, что и у меня такие же, но ничего не вышло. Почему? Было так легко вообразить, что они с буфами, когда я была одна у себя в комнате, но это оказалось ужасно трудно там, где у всех остальных были настоящие буфы...

— Ты не должна была думать о своих рукавах в воскресной школе. Нужно было внимательно слушать урок. Надеюсь, ты его хорошо знала.

— О да. Я отвечала на множество вопросов. Мисс Роджерсон так много спрашивала. Я думаю, это было несправедливо, что она одна спрашивала. Мне тоже о многом хотелось ее спросить, но я не стала, потому что она не показалась мне родственной душой. Потом все остальные девочки декламировали переложения из Библии в стихах. И она спросила, знаю ли я что-нибудь. Я ответила, что нет, но что если она хочет, то я могла бы продекламировать "Верный пес на могиле хозяина"; это из хрестоматии для третьего класса. Это не совсем религиозное стихотворение, но вполне могло бы им быть, такое оно печальное и меланхолическое. Она сказала, что это не подойдет, и велела мне выучить переложение номер девятнадцать к следующему воскресенью. Я потом прочитала его в церкви. Просто великолепно! Там есть две строчки, которые вызвали во мне особый трепет:

Битвы взалкавших сынов сей земли

Сонмы врагов устроить не смогли.

Я не знаю, что значит «взалкавших» и «сонмы», но звучит так величественно. Жаль, что нужно ждать следующего воскресенья, чтобы это продекламировать. Но я буду повторять эти стихи всю неделю. После урока я попросила мисс Роджерсон — потому что миссис Линд была далеко — указать мне вашу скамью в церкви. Я сидела так смиренно, как только могла, а текст для проповеди был из Апокалипсиса, третья глава, стих второй и третий. Это был очень длинный текст. Если бы я была священником, я бы выбирала

короткие и ясные. И проповедь была ужасно длинная. Я думаю, священнику пришлось сделать ее длинной, чтобы она соответствовала тексту. Я думаю, ему самому было ни капельки не интересно. Все его несчастье, похоже, в том, что у него не хватает воображения. Я его почти не слушала и позволила моим мыслям течь как хотят. И думала я о самых удивительных вещах.

Марилла беспомощно сознавала, что все сказанное заслуживает сурового осуждения, но ей мешал тот неопровержимый факт, что многие из высказанных Аней мнений, особенно о проповедях священника и молитвах мистера Белла, были ее, Мариллы, собственными мыслями, которые она хранила в глубине души многие годы, но никогда не позволяла себе высказать вслух. Ей показалось, что эти тайные, никогда не произносимые критические мысли неожиданно приобрели зримую и полную обвинения форму в образе этой заброшенной и неприметной частицы человечества, которая так смело выражала свое мнение.

Глава 12

Торжественная клятва и перспективы

Только в следующую пятницу Марилла узнала о шляпе, украшенной венком цветов. Она вернулась домой от миссис Линд и потребовала у Ани объяснений.

— Аня, миссис Рейчел рассказала мне, что в прошлое воскресенье ты была в церкви с каким-то смешным венком из лютиков и диких розочек на шляпе. Что за глупости! Ну, должно быть, и вид у тебя был!

— О, я знаю, мне не идет розовое и желтое, — начала было Аня.

— Не идет! Что за вздор! Сажать цветы на шляпу, какого бы цвета они ни были, просто смешно! Ты самый несносный ребенок на свете!

— Не понимаю, почему носить цветы на шляпе смешнее, чем прикалывать к платью? — возразила Аня. — У многих девочек были букетики, приколотые к платью. Какая разница?

Но Марилла не позволила оторвать себя от безопасного конкретного предмета и увлечь на ненадежную тропу абстрактных рассуждений.

— Ты не должна так мне отвечать, Аня. Было это очень глупо, и, пожалуйста, постарайся, чтобы впредь подобного не было. Миссис Рейчел говорит, что чуть в обморок не упала, когда увидела тебя в таком наряде. Сначала она не смогла добраться до тебя, чтобы велеть тебе снять этот глупый венок, а потом было уже поздно. Она говорит, что прихожане сочли это ужасным... Разумеется, все подумали, что это я совсем потеряла рассудок, раз позволяю тебе выходить в таком виде.

— Ах, мне так жаль, — сказала Аня со слезами на глазах. — Я никак не предполагала, что вы будете возражать. Розочки и лютики такие милые и душистые; я считала, что они прелестно выглядят на моей шляпе. У многих девочек были искусственные цветы на шляпках. Боюсь, я буду для вас сущим наказанием. Может быть, вам лучше отослать меня обратно в приют? Это было бы ужасно. Не знаю, смогла бы я это пережить, скорее всего я заболела бы чахоткой, я ведь ужасно худая. Но уж лучше это, чем быть для вас сущим наказанием.

— Чепуха, — сказала Марилла, рассердившись сама на себя за то, что довела девочку до слез. — И разумеется, я не собираюсь отправлять тебя обратно в приют. Все, чего я хочу, это чтобы ты была как все девочки и не выставляла себя на посмеище. Ну, перестань плакать. У меня есть для тебя хорошая новость. Диана Барри сегодня вернулась домой. Я сейчас пойду к ним, чтобы попросить у миссис Барри выкройку юбки, и, если хочешь, можешь пойти со мной и познакомиться с Дианой.

Аня вскочила, сложив руки, слезы еще блестели у нее на щеках; полотенце, которое она подрубала, соскользнуло на пол.

— Ах, Марилла, мне страшно... теперь, когда эта минута пришла, мне по-настоящему

страшно. Что, если я ей не понравлюсь? Это будет наитрагичнейшее разочарование в моей жизни.

— Ну-ну, нет причины так волноваться. И пожалуйста, не употребляй таких изощренных выражений, Это звучит смешно и неестественно в устах девочки. Я уверена, что ты понравишься Диане. Но главное для тебя — это отношение ее мамы. Если ты ей не понравишься, то не имеет значения, придется ли ты по душе Диане. Если миссис Барри узнает, как ужасно ты вела себя по отношению к миссис Линд и о том, что ты ходила в церковь с лютиками на шляпе, то не знаю, что она о тебе подумает. Ты должна быть вежливой и воспитанной и избегать этих своих напыщенных речей. Господи Боже, да ребенок весь дрожит!

Аня действительно дрожала. Лицо ее было бледным и напряженным.

— Ах, Марилла, вы бы тоже волновались, если бы вам предстояло встретиться с девочкой, в которой вы надеетесь найти душевную подругу и можете не понравиться ее маме, — говорила она, поспешно хватая свою шляпу.

Они направились в Садовый Склон кратчайшим путем — через ручей и потом вверх по поросшему елями склону. Марилла постучала в дверь кухни. Им открыла миссис Барри. Это была высокая черноглазая и черноволосая женщина с очень решительным выражением лица. Поговаривали, что она очень строго воспитывает своих детей.

— Как поживаете, Марилла? — сказала она сердечно. — Заходите. Это, наверное, девочка, которую вы взяли на воспитание?

— Да, это Аня Ширли, — сказала Марилла.

— Только не Анята, — пробормотала Аня, которая, хоть дрожащая и возбужденная, никак не могла допустить недоразумения в таком важном вопросе.

Миссис Барри не расслышала или не поняла, она просто пожала Ане руку и сказала ласково:

— Как поживаешь?

— Я здорова телом, хотя дух мой в явном смятении; спасибо, мэм, — сказала Аня серьезно и, обратясь к Марилле, добавила громким шепотом: — Ведь в этом не было никакой напыщенности, правда, Марилла?

Диана сидела на диване и читала книжку, которую сразу отложила, когда вошли гости. Это была очень хорошенькая девочка, с такими же черными, как у матери, глазами и волосами, с розовыми щечками и веселым выражением лица, которое она унаследовала от отца.

— Вот моя Диана, — сказала миссис Барри. — Диана, можешь взять Аню в сад и показать ей свои цветы. Это будет тебе полезней, чем портить глаза над книжкой... Она слишком много читает, — продолжила она, обращаясь к Марилле, когда девочки вышли из комнаты, — и я не могу ничего поделать, потому что отец поддерживает ее и поощряет. Вечно она торчит над книжкой! Я рада, что у нее появится подруга... может быть, будет побольше времени проводить на свежем воздухе.

В это время в саду, освещенном ласковыми лучами заходящего солнца, льющимися с запада через темные старые ели, стояли Аня и Диана, застенчиво разглядывая друг друга поверх клумбы великолепных тигровых лилий.

Сад Барри был настоящим густым и тенистым лесом цветов, которые в любой другой не столь торжественный и решающий момент привели бы в восторг Анино сердце. Его окружали огромные старые ивы и высокие ели, под которыми пышно разрослись тенелюбивые цветы. Аккуратнейшие дорожки, расходящиеся под прямыми углами и тщательно обложенные с обеих сторон морскими раковинами, пересекали его во всех направлениях, словно влажные красные ленты, а на клумбах было настоящее буйство красок старомодных цветов. Здесь были розовые маргаритки и огромные великолепные темно-красные пионы; благоуханные белые нарциссы и колючие шотландские розы с удивительно сладким запахом; розовые, белые и голубые водосборы и лиловые колокольчики; купы кустарниковой полыни, канареечника и мяты; пурпурные анютины глазки, желтые нарциссы

и множество пахучего белого клевера с его нежными, ароматными, пушистыми цветами; алый шалфей, выстреливающий своими огненными пиками поверх белых пелларгоний. Это был сад, где хотелось задержаться даже солнечным лучам, где жужжали пчелы, а ветерки, поддавшись его очарованию, слонялись без дела, мурлыкали и шелестели.

— О, Диана, — сказала наконец Аня, сжимая руки и понизив голос почти до шепота, — как ты думаешь... о, как ты думаешь, ты можешь полюбить меня хоть чуть-чуть... настолько, чтобы стать моей задушевной подругой?

Диана засмеялась. Диана всегда смеялась, прежде чем заговорить.

— Думаю, что да, — сказала она искренне. — Я ужасно рада, что ты будешь жить в Зеленых Мезонинах. Это замечательно, что теперь есть с кем поиграть. Здесь по соседству нет никакой девочки, с которой можно бы было поиграть, а моя сестра слишком маленькая.

— Ты поклянешься быть моей подругой навеки? — горячо спросила Аня.

Диана, казалось, была возмущена.

— Это ужасно нехорошо — клясться, — сказала она укоризненно.

— Нет-нет, моя клятва не такая! Есть два вида клятв, понимаешь!

— Я слышала только об одном, — сказала Диана с сомнением.

— Нет, есть совсем другой. В нем нет ничего нехорошего. Просто торжественное обещание.

— Ну, тогда другое дело, — согласилась Диана с облегчением. — А как ты это делаешь?

— Мы должны взяться за руки... вот так, — сказала Аня серьезно. — Правда, это нужно сделать над бегущей водой, но мы можем вообразить, что эта дорожка и есть бегущая вода... Я скажу клятву первая. Я торжественно клянусь быть верной моей задушевной подруге Диане Барри, пока солнце и луна существуют. Теперь ты скажи, только вставь мое имя.

Диана повторила «клятву», рассмеявшись в ее начале и конце. Потом она сказала:

— Ты странная девочка, Аня. Я уже слышала, что ты странная. Но мне кажется, что я буду тебя очень любить.

Когда Марилла и Аня отправились домой, Диана проводила их до самого мостика через ручей. Девочки шли обнявшись. У ручья они расстались, несколько раз пообещав друг другу провести вместе завтрашний день.

— Ну как, нашла ты в Диане родственную душу? — спросила Марилла, когда они уже шли через свой сад.

— О да! — вздохнула Аня блаженно, не замечая насмешки в словах Мариллы. — О, Марилла, в эту минуту я — самая счастливая девочка на острове Принца Эдуарда. И уверяю, я прочитаю сегодня молитву с огромным удовольствием. Завтра мы с Дианой собираемся построить домик для игры в березовой роще мистера Уильяма Белла. Можно мне взять разбитую фарфоровую чашку, которая лежит в сарае? У Дианы день рождения в феврале, а у меня в марте. Вам не кажется, что это очень необычное стечение обстоятельств? Диана даст мне почитать книжку. Она говорит, что книжка просто замечательная и ужасно захватывающая. Она мне покажет место в лесу, где растут маленькие лилии. Вам не кажется, что у Дианы очень выразительные глаза? Я хотела бы, чтобы у меня были выразительные глаза. Диана научит меня песенке "Нелли в орешнике" и даст мне картинку, чтобы повесить в моей комнате. Это совершенно прелестная картинка, — говорит Диана, — прекрасная дама в голубом шелковом платье. Ей дал эту картинку торговец швейными машинами. Жаль, что у меня нет ничего, чтобы подарить Диане. Я на дюйм выше, чем Диана, но она гораздо толще. Она говорит, что хотела бы быть худой, потому что это гораздо изящнее, но я боюсь, она так сказала, только чтобы меня утешить. А еще мы собираемся пойти к морю собирать ракушки. Мы договорились, что назовем источник возле бревенчатого мостика Ключом Дриад. Правда, изысканно? Я однажды читала рассказ об источнике, который так назывался. Мне кажется, дриада — это что-то вроде взрослой феи.

— Да-а... Единственное, на что я надеюсь, это что ты не заговоришь Диану

насмерть, — сказала Марилла. — Но, составляя свои планы, Аня, ты должна помнить, что нельзя играть с утра до вечера. У тебя будут обязанности, и они должны стоять на первом месте.

Чаша Аниного счастья уже была полна, но Мэтью ее переполнил. Он только что вернулся домой из магазина в Кармоди. Смущенно вытянув из кармана маленький кулечек, он вручил его Ане, примирительно взглянув на Мариллу.

— Ты говорила, что любишь шоколадные конфеты. Вот, я привез для тебя, — сказал он.

— Хм, — фыркнула Марилла, — испортишь ей зубы и желудок. Ну-ну, детка, не смотри так печально. Можешь съесть их, раз уж Мэтью съездил и привез. Он поступил бы лучше, если бы привез тебе мятных леденцов. Они полезнее. И не съедай все сразу, а то заболеешь.

— О, нет-нет, — сказала Аня горячо. — Я съем сегодня вечером только одну. И можно мне отдать половину конфет Диане? Остальные будут для меня в два раза слаще, если я подарю половину ей. Восхитительно, что у меня есть что-то, что я могу ей подарить.

— Нужно сказать в похвалу Ане, — заметила Марилла, когда девочка ушла к себе в мезонин, — она не жадная. Я рада, потому что терпеть не могу жадности в ребенке. Боже мой, всего три недели, как она у нас, а мне кажется, будто она была здесь всегда. Я просто не могу представить дом без нее. Ну-ну, Мэтью, не делай мины: я, мол, тебе говорил. Это и у женщины неприятно, и уж совсем невыносимо у мужчины. Я открыто готова признать: я рада, что согласилась оставить у нас этого ребенка, и она мне все больше нравится, но не надо мне это постоянно подчеркивать, Мэтью.

Глава 13

Восторги ожидания

— К этому времени Аня должна была уже вернуться, чтобы заняться шитьем, — сказала Марилла, взглянув на часы, а затем в окно на желтый августовский день, когда, казалось, все дремало от жары. — Она играла с Дианой на целых полчаса больше, чем я ей разрешила, а теперь еще расселась на бревнах рядом с Мэтью и трещит без умолку, хотя прекрасно знает, что должна уже сидеть за шитьем. А он, конечно, слушает ее как совершенный простофиля. Никогда не видела настолько потерявшего голову мужчину. Чем больше и чем чуднее она говорит, тем в большем он, кажется, восторге. Аня, иди сюда сию же минуту, слышишь!

Крик этот сопровождался стуком в окно. Аня влетела в комнату с сияющими глазами, раскрасневшаяся, косы расплелись и струились сзади ярким потоком.

— Ах, Марилла! — воскликнула она, задыхаясь. — На следующей неделе воскресная школа устраивает пикник... в поле мистера Хармона Эндрюса, прямо возле Озера Сверкающих Вод. Миссис Белл и миссис Линд приготовят мороженое... Марилла, только подумайте — *мороженое!* Ах, Марилла, можно мне будет пойти?

— Аня, посмотри, пожалуйста, на часы. Когда я велела тебе вернуться?

— В два... Но разве это не замечательно — пикник! Марилла, пожалуйста, позвольте мне пойти. Я никогда не была на пикнике... я только мечтала о пикниках, но никогда...

— Да, я велела тебе прийти в два, а сейчас без четверти три. Я хотела бы знать, Аня, почему ты меня не слушаешься?

— Я стараюсь слушаться, Марилла. Но вы не можете представить, как восхитителен Приют Праздности. А потом я должна была рассказать Мэтью о пикнике. Мэтью такой благодарный слушатель. Я смогу пойти на пикник?

— Тебе придется научиться сопротивляться очарованию Приюта... как его там? Когда я велю тебе вернуться в такое-то время, я имею в виду именно это время, а не на полчаса позже. И также нет нужды останавливаться по пути для беседы с благодарными слушателями. Что же до пикника, то, конечно, ты можешь пойти. Ты ученица воскресной

школы, и нет причины, чтобы я не позволила тебе пойти, если все другие девочки пойдут.

— Но... но... — запинаясь Аня, — Диана говорит, что каждый должен принести с собой корзинку с едой. Я ведь не умею готовить, Марилла, и... и... мне не так тяжело, что я пойду на пикник без рукавов с буфами, но я чувствовала бы себя ужасно униженной, если бы мне пришлось пойти без корзинки. Эта мысль угнетает меня с тех пор, как Диана сказала мне об этом.

— Ну, пусть она тебя больше не угнетает. Я испеку все для твоей корзинки.

— Ах, милая Марилла! Ах, вы так добры ко мне! Ах, я так вам благодарна!

После всех этих «ах» Аня бросилась Марилле на шею и в восхищении поцеловала ее бледную щеку. Впервые в жизни детские губы по своей воле коснулись лица Мариллы. И опять это странное чувство удивительной сладости вызвало в ней глубокий трепет. Втайне она была безмерно довольна Аниной порывистой лаской, что, вероятно, и заставило ее сказать резко:

— Ну-ну, без глупостей. Лучше бы ты старалась делать все так, как я тебе велю. А что касается кулинарии, я собираюсь на днях начать учить тебя готовить еду. Но ты такая легкомысленная, Аня. Я все жду, когда же ты станешь немного сдержаннее и научишься быть терпеливой, чтобы я могла приучить тебя к кухне. Тебе придется быть сосредоточенной во время приготовления пищи и не позволять своим мыслям витать неизвестно где. А теперь возьми свое лоскутное покрывало и пришей еще один квадратик, прежде чем сядем пить чай.

— Я не люблю сшивать лоскутки, — сказала Аня скорбно, вытащив свою рабочую корзинку и со вздохом усаживаясь перед кучкой красных и белых квадратных лоскутков. — Я думаю, что шитье иногда может быть приятным, но в сшивании лоскутков нет никакого простора для воображения. Один квадрат за другим, и кажется, никогда не будет конца. Но, конечно, гораздо лучше быть Аней из Зеленых Мезонинов и учиться шить лоскутное покрывало, чем Аней из любого другого места, у которой нет других дел, кроме как играть. Я хотела бы, чтобы время за шитьем шло так же быстро, как когда я играю с Дианой. Ах, мы так чудесно играем, Марилла! Правда, везде, где требуется воображение, приходится постараться мне, но я на это вполне способна. Диана же просто совершенство во всех остальных отношениях. Вы знаете эту маленькую полянку за ручьем между нашей фермой и фермой мистера Барри? Она принадлежит мистеру Уильяму Беллу. Там прямо в уголке кружком растут белые березы... Самое романтичное место, Марилла! Мы с Дианой устроили там себе дом для игры. Мы назвали его Приютом Праздности. Правда, поэтично? Уверяю вас, мне нелегко было придумать это название. Я почти всю ночь не спала — все думала, а потом, как раз когда я уже стала засыпать, оно пришло как вдохновение. Диана была *в упоении*, когда его услышала. Мы устроили наш дом очень элегантно. Марилла, вы должны прийти и посмотреть. Приходите! У нас есть большущие камни, все покрытые мхом, чтобы на них сидеть, и доски от дерева до дерева — это полки. И мы на них ставим всю нашу посуду. Конечно, это только осколки, но нет ничего проще, чем вообразить, что это целая посуда. Там есть кусок тарелки с веточками красного и желтого плюща, просто прелесть! Мы его ставим в гостиной, и там же Зеркало Фей, прекрасное, как мечта. Диана нашла его под кустом за курятником. Оно все полно радуг... такие маленькие молоденькие радуги, которые еще не выросли... Мама Дианы сказала ей, что это осколок висячей лампы, которая у них когда-то была. Но гораздо приятнее воображать, что феи потеряли его, когда у них был бал, так что мы назвали его Зеркалом Фей. Мэтью обещал сделать нам стол. О, и мы назвали этот маленький круглый пруд на поле мистера Барри Плач Ив. Я взяла это название из той книжки, которую Диана давала мне почитать. Это потрясающая книга, Марилла. У героини было пять женихов. Мне хватило бы одного, а вам? Она была очень красива и перенесла много несчастий. Она запросто могла упасть в обморок. Я бы очень хотела уметь падать в обморок, а вы, Марилла? Это так романтично. Но я для этого слишком здоровая, хоть и худая. Впрочем, мне кажется, что я уже чуточку потолстела. Вам не кажется? Я смотрю по утрам на свои локти, когда встаю, нет ли на них уже ямочек... У Дианы новое платье с рукавами до локтя. Она наденет его на пикник. Ах, только бы была хорошая погода в

следующую среду! Я чувствую, что не пережила бы разочарования, если бы что-нибудь помешало мне пойти на пикник. Ну, может быть, и пережила бы, но это, несомненно, была бы трагедия моей жизни. Пусть даже в следующие годы я попала бы на сотню пикников, они не возместили бы мне потерю этого одного. Мы будем кататься на лодке по Озеру Сверкающих Вод... и будет мороженое, я уже говорила! Я никогда не пробовала мороженое. Диана пыталась мне объяснить, на что это похоже, но я догадываюсь, что мороженое принадлежит к тем вещам, которые лежат за пределами воображения.

— Аня, ты говорила целых десять минут; я смотрела на часы, — сказала Марилла. — Теперь, просто любопытства ради, посмотри, сможешь ли ты столько же помолчать.

Аня умолкла на требуемое время. Но всю оставшуюся неделю она только и говорила что о пикнике, думала о пикнике, мечтала о пикнике. В субботу шел дождь, и она довела себя до такого взвинченного состояния из боязни, что дождь не кончится до среды, что Марилла заставила ее пришить несколько дополнительных лоскутков, чтобы успокоить нервы.

В воскресенье, возвращаясь домой из церкви, Аня призналась Марилле, что холодная дрожь пробрала ее, когда священник с кафедры объявил о пикнике.

— О, какая дрожь пробежала у меня по спине вверх и вниз, Марилла! До этого мне никак не верилось по-настоящему, что пикник будет на самом деле. Я никак не могла отделаться от страха, что я это только вообразила. Но когда священник о чем-то говорит с кафедры, то бываешь просто вынуждена в это поверить.

— Ты слишком сильно все переживаешь, Аня, — сказала Марилла со вздохом. — Боюсь, что в жизни тебя ждет очень много разочарований из-за этого.

— О, Марилла, ждать чего-нибудь с нетерпением — это уже половина удовольствия! — воскликнула Аня. — Вы можете и не получить того, чего ожидаете; но ничто не может помешать вам наслаждаться ожиданием. Миссис Линд говорит: "Блаженны те, которые ничего не ожидают; они не будут разочарованы". Но я думаю, было бы гораздо хуже ничего не ждать, чем разочароваться.

В тот день Марилла, как обычно, надевала в церковь свою аметистовую брошку. Она всегда надевала эту брошку в церковь и сочла бы святотатством не надеть ее... так же как забыть дома свою Библию или десятицентовик на денежное пожертвование. Эта аметистовая брошка была самой большой драгоценностью Мариллы. Дядя-моряк подарил эту брошку ее матери, а та, в свою очередь, завещала ее Марилле. Это была старомодная овальная брошка, выложенная по контуру очень красивыми аметистами; в ней хранилась прядь волос матери Мариллы. Марилле слишком мало было известно о драгоценных камнях, чтобы она могла правильно оценить свои аметисты, но она считала их очень красивыми, и у нее всегда было приятное сознание их присутствия у воротника ее коричневого шелкового платья, хотя они и были ей не видны.

Впервые увидев эту брошку, Аня пришла в неподдельное восхищение.

— Ах, Марилла, какая изящная брошка! Не понимаю, как вы можете обращать внимание на проповедь или молитву, когда она на вас. Я не смогла бы, мне кажется. Я думаю, аметисты — просто восторг! Я именно так представляла себе бриллианты. Очень давно, прежде чем я увидела настоящий бриллиант, я о них читала и пыталась вообразить, как они выглядят. Я думала, что это должны быть сверкающие фиолетовые камни. И когда потом я однажды увидела бриллиант в кольце у одной дамы, я была так разочарована, что даже заплакала. Конечно, он был очаровательный, но я его совсем не так себе представляла. Можно мне поддержать вашу брошку одну минуточку, Марилла? Вам не кажется, что аметисты — это добрые души маленьких фиалок?

Глава 14

Аня признает себя виновной

В понедельник вечером, еще до пикника, Марилла вышла из своей комнаты с

озабоченным лицом.

— Аня, — сказала она этой скромной особе, которая лущила горох, сидя возле безупречно чистого стола и напевая "Нелли в орешнике" с живостью и выразительностью, делавшими честь педагогическим способностям Дианы, — ты не видала моей аметистовой брошки? Мне казалось, что я приколола ее к своей подушечке для булавок, когда вернулась вчера из церкви, но теперь нигде не могу ее найти.

— Я... я видела ее сегодня, когда вы уходили на собрание благотворительного общества, — сказала Аня, чуть помедлив. — Я проходила мимо вашей двери и увидела ее на подушечке. И я зашла ею полюбоваться.

— Ты трогала ее? — спросила Марилла сурово.

— Да-а, — призналась Аня. — Я взяла ее и приколола себе на грудь, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть.

— Ты не имела права делать ничего подобного. Это очень нехорошо — трогать чужие вещи. Во-первых, ты не должна была входить в мою комнату, а во-вторых, тебе не следовало трогать брошку, которая тебе не принадлежит. Куда ты ее положила?

— Я положила ее обратно на комод. Я ее надела всего на минуточку. По правде говоря, я не думала, что это нехорошо — зайти и примерить брошку. Теперь я вижу, что поступила плохо, и никогда больше этого не сделаю. У меня есть такое хорошее качество: я никогда не повторяю своих ошибок.

— Ты не положила ее на место, — сказала Марилла. — Брошки на комод не. Ты ее унесла или что-то с ней сделала, Аня.

— Я *положила* ее назад, — сказала Аня быстро, даже дерзко, как показалось Марилле. — Я только не помню точно, приколола ли я ее к подушечке или положила на фарфоровый подносик. Но я совершенно уверена, что положила ее обратно.

— Пойду посмотрю еще раз, — сказала Марилла, стремясь быть справедливой. — Если ты положила ее обратно, она должна там быть. Если ее там нет, значит, ты не положила, вот и все!

Марилла вернулась в свою комнату и предприняла тщательные поиски не только на комод, но и во всех других местах, где, по ее мнению, могла оказаться брошка. Но брошки не было, и она вернулась в кухню.

— Аня, брошка пропала. По твоему собственному признанию, ты была последней, кто держал ее в руках. Так что же ты с ней сделала? Сейчас же скажи мне правду. Ты взяла ее и потеряла?

— Нет, я не уносила ее, — сказала Аня торжественно, смело встретив гневный взгляд Мариллы. — Я не уносила брошку из вашей комнаты, и это правда, пусть даже мне придется лечь на плаху за нее... хотя я не совсем представляю, что это такое — плаха. Вот и все, Марилла.

Этим "вот и все" Аня намеревалась только усилить свои уверения, но Марилла расценила это как дерзость.

— Я думаю, что ты лжешь, Аня, — сказала она сурово. — Я знаю, что ты лжешь. Больше не говори ничего, пока не будешь готова рассказать всю правду. Пойди к себе в комнату и оставайся там, пока не захочешь признаться.

— Горох взять с собой? — спросила Аня покорно.

— Нет, я долущу сама. Делай, что я велела.

Когда Аня ушла, Марилла занялась своими обычными вечерними делами, но душа ее была в смятении. Ей было жаль своей драгоценной брошки. Что, если Аня ее потеряла? И как это гадко, что девочка отрицает, что брала брошку, когда всякому ясно, что так оно и было! Да еще с такой невинной миной!

"Не знаю, что оказалось бы лучше, — размышляла Марилла, нервными движениями луща горох. — Конечно, я не думаю, что она хотела украсть или что-нибудь в этом роде. Просто взяла поиграть или «вообразить» себе что-то, по своему обычаю. Но конечно брошку взяла она, это ясно, потому что ни единой души не было в комнате после нее, по ее же

словам, пока я не вошла туда сегодня вечером. И брошка исчезла, совершенно точно. Наверное, потеряла и не признается, боится, что ее накажут. Отвратительно, что она лжет. Это гораздо хуже, чем ее вспыльчивость. Какая пугающая ответственность — иметь в своем доме ребенка, которому не доверяешь! Хитрость и лживость, вот какие черты она проявила. И это огорчает меня даже сильнее, чем потеря брошки. Если бы только она сказала правду, мне не было бы так тяжело".

Несколько раз в течение вечера Марилла заходила в свою комнату и искала брошку, но безуспешно. Посещение перед сном комнаты в мезонине тоже не принесло результатов. Аня упорно отрицала, что что-либо знает о брошке, но у Мариллы только росла уверенность, что это не так.

На следующее утро она рассказала Мэтью о случившемся. Тот был смущен и озадачен. Он не мог сразу потерять доверие к Ане, но и ему пришлось признать, что обстоятельства свидетельствовали против нее.

— А ты уверена, что брошка не завалилась куда-нибудь за комод? — Это было единственное предположение, какое он мог сделать.

— Я отодвинула комод и вытащила из него все ящики. Я в каждую щель заглянула, — был твердый ответ Мариллы. — Брошка исчезла. Этот ребенок взял ее, а теперь лжет. Это печальная и отвратительная истина, Мэтью, и нам придется взглянуть в лицо фактам.

— Ну, и что ты собираешься теперь делать? — с унынием спросил Мэтью, втайне довольный, что не ему, а Марилле придется действовать в этой ситуации. На этот раз у него не было никакого желания вмешиваться.

— Она останется в своей комнате, пока не признается, — отвечала Марилла мрачно, вспомнив об успехе этой методы в предыдущем случае. — Потом посмотрим. Может быть, мы сможем найти брошку, если только она скажет, куда ее унесла. Но в любом случае ее придется сурово наказать, Мэтью.

— Ну, придется тебе это сделать, — сказал Мэтью, берясь за шляпу. — Это не мое дело, помни. Ты сама меня предупреждала не вмешиваться.

Марилла почувствовала себя совсем покинутой. Она не могла даже пойти за советом к миссис Линд. Она снова отправилась в мезонин с очень серьезным лицом и вышла оттуда с лицом еще более серьезным. Аня упорно отказывалась признаться и твердила, что не уносила брошку. Было видно, что девочка плакала, и Марилла почувствовала приступ жалости, который сурово в себе подавила. К вечеру она была, по ее словам, совсем "выбита из колеи".

— Ты останешься в этой комнате, Аня, пока не признаешься. Ты должна об этом подумать, — сказала она твердо.

— Но ведь завтра пикник, Марилла! — воскликнула Аня. — Вы ведь позволите мне пойти, правда? Вы ведь выпустите меня завтра, всего на один день, правда? Потом я *с радостью* останусь здесь, сколько захотите. Но я *должна* пойти на пикник.

— Ты не пойдешь ни на пикник, ни вообще куда бы то ни было, пока не признаешься, Аня.

— О, Марилла! — задыхаясь, воскликнула Аня.

Но Марилла вышла и закрыла за собой дверь.

Утро среды было ясным и солнечным, как будто по заказу для пикника. Птички распевали вокруг Зеленых Мезонинов; белые лилии в саду испускали аромат, который влетал на крыльях невидимых ветерков во все двери и окна и бродил по комнатам, словно дух благословения. Березы в долине радостно взмахивали ветвями, словно ожидая от Ани обычного приветствия из окна ее мезонина. Но Ани у окна не было. Когда Марилла принесла наверх завтрак, она застала девочку сидящей, выпрямившись, на постели, бледную и решительную, с плотно сжатыми губами и блестящими глазами.

— Марилла, я готова признаться.

— Наконец-то! — Марилла опустила поднос. И снова ее метод сработал; но успех был слишком горек. — Слушаю, что ты скажешь, Аня.

— Я взяла аметистовую брошку, — начала Аня, словно повторяя затверженный урок. — Я взяла ее, как вы и предполагали. Я не собиралась брать ее, когда входила в вашу комнату. Но она была так красива, Марилла, что, когда я приколола ее на грудь, меня охватило непреодолимое искушение. Я представила, как было бы чудесно взять ее в Приют Праздности и поиграть там в леди Корделию Фитцджеральд. Было бы гораздо легче вообразить, что я леди Корделия, имея на себе настоящую аметистовую брошку. Мы с Дианой сделали себе ожерелья из ягод шиповника, но что такое шиповник по сравнению с аметистами? И я взяла брошку. Я надеялась, что успею положить ее на место, прежде чем вы вернетесь. Я пошла к Приюту Праздности не напрямик, а кругом, чтобы растянуть удовольствие. Когда я проходила по мосту над Озером Сверкающих Вод, я сняла брошку, чтобы еще раз полюбоваться ею. Ах, как она сверкала на солнце! Но когда я наклонилась с моста, она выскользнула у меня из пальцев... вот так... и пошла ко дну. Она опускалась все глубже и глубже, сверкая всеми оттенками лилового, и исчезла навеки в глубинах Озера Сверкающих Вод... Лучше признаться я не могу, Марилла.

Марилла опять ощутила, как яростный гнев вскипает в ее груди. Девочка взяла и потеряла ее драгоценную аметистовую брошку, а теперь сидит здесь, спокойно расписывая подробности, без малейшего раскаяния и угрызений совести!

— Аня, это ужасно! — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Ты самая дурная девочка, о какой я только слышала в жизни.

— Да, я полагаю, что так, — согласилась Аня бесстрастно. — И я знаю, что меня нужно наказать. Ваш долг, Марилла, наказать меня. Не могли бы вы сделать это прямо сейчас, потому что мне хотелось бы, чтобы ничто уже не тяготило меня, когда я пойду на пикник.

— Пикник, вот еще! Никакого пикника тебе не будет! Это будет тебе наказание! И оно и вполтину не такое суровое, какого ты заслуживаешь!

— Никакого пикника? — Аня вскочила и схватила Мариллу за руку. — Но вы *обещали*! О, Марилла, я должна пойти на пикник. Я только для этого и призналась. Накажите меня любым другим способом, только не так! О, Марилла, умоляю, позвольте мне пойти на пикник. Подумайте, ведь там будет мороженое! Ведь у меня, может быть, никогда не будет другого случая попробовать мороженое.

Марилла освободилась от Аниных рук с каменным выражением лица:

— Можешь не просить, Аня. Ты не пойдешь на пикник, и точка. Ни слова больше.

Аня поняла, что тронуть Мариллу невозможно. Она заломила руки и с горьким криком бросилась лицом вниз на постель, рыдая и извиваясь в приступе безграничного разочарования и отчаяния.

— Да что ж это такое! — выдохнула Марилла, поспешно покидая комнату. — Кажется, ребенок с ума сошел. Ни один ребенок в своем уме себя бы так не вел. А если она не сумасшедшая, то окончательно испорченная. Ох, боюсь, что Рейчел была права с самого начала. Но я впряглась в этот воз и не должна оглядываться назад.

Это было тягостное утро. Марилла работала за троих и яростно скребла пол на крыльце и полки в молочне, как будто не могла найти другого занятия. Ни полки, ни крыльцо в этом не нуждались... но в этом нуждалась Марилла. Затем она вышла и вычистила двор.

Когда обед был готов, она подошла к лестнице и позвала Аню. Заплаканное лицо с трагическим выражением выглянуло из-за перил.

— Иди обедать, Аня.

— Я не хочу обедать, Марилла, — сказала Аня с рыданием в голосе. — Я не смогу ничего проглотить. Сердце мое разбито. Когда-нибудь вы, я надеюсь, почувствуете угрызения совести из-за того, что разбили его, Марилла, но я вас прощаю. Вспомните, когда придет время, что я простила вас... Но, пожалуйста, не уговаривайте меня есть, особенно вареную свинину с капустой. Вареная свинина с капустой — это такая неромантичная еда, когда человек в горестях.

Марилла, раздраженная, вернулась в кухню и излила свою скорбную повесть Мэтью, который, раздираемый чувством справедливости, с одной стороны, и своим незаконным

сочувствием к Ане — с другой, оказался несчастнейшим из людей.

— Конечно, не следовало ей брать брошку, Марилла, а потом отпираться, — признал он, скорбно взирая на свою порцию неромантической свинины с капустой так, будто он, как и Аня, считал эту еду неподходящей в случае кризиса чувств, — но она совсем ребенок... такая интересная малышка... Тебе не кажется, что это слишком суровое наказание — не пускать ее на пикник, если ей уж так хочется пойти?

— Мэтью, ты меня поражаешь! Я считаю, что она у меня легко отделалась. А она, кажется, совершенно не сознает, как отвратительно поступила; вот что меня больше всего беспокоит. Если бы она действительно была огорчена, это не было бы так ужасно. Но ты, похоже, тоже этого совершенно не сознаешь. Ты все время ее оправдываешь... Я это вижу.

— Да ведь она такая маленькая, — слабо защищался Мэтью. — И потом, надо учитывать все обстоятельства, Марилла. Ты же знаешь, ее никто никогда не воспитывал.

— Хорошо, теперь за это взялась я, — отрезала Марилла. Эта отповедь, если и не убедила Мэтью, заставила его умолкнуть.

Атмосфера за обедом была тягостной. В хорошем настроении пребывал лишь Джерри Буот, батрак, и Марилла воспринимала его оптимизм как личное оскорбление.

Когда вся посуда была перемыта, опара для хлеба поставлена, а куры накормлены, Марилла вспомнила, что в понедельник вечером, возвратившись с собрания благотворительного общества и снимая свою парадную черную кружевную шаль, она заметила на ней небольшую дырочку. Следовало пойти и зачинить ее.

Шаль лежала в коробке в сундуке. Когда Марилла развернула ее, солнечный луч, пробравшийся сквозь густо увившие окно побеги плюща, упал на что-то, прицепившееся к шали, — что-то блестящее и сверкающее фиолетовыми гранями. Марилла схватила этот предмет, задыхаясь от волнения. Это была аметистовая брошка, зацепившаяся своей булавкой за одну из нитей шали!

— Не может быть! — воскликнула Марилла ошоломленная. — Что это значит? Вот моя брошка, в целостности и сохранности, а я-то была уверена, что она лежит на дне пруда Барри. Что же эта девочка говорила мне, будто взяла ее и потеряла? Ну и ну, такое впечатление, что Зеленые Мезонины заколдованы! Теперь я припоминаю, что, когда я сняла свою шаль в понедельник вечером, то положила ее на минуточку на комод. Наверное, брошка как-то зацепилась за нее. Ну и ну!

С брошкой в руке Марилла отправилась в мезонин. Аня выплакалась и уныло сидела у окна.

— Аня, — сказала Марилла торжественно, — я только что нашла брошку. Она зацепилась за мою черную кружевную шаль. Я хочу знать, что за басни ты рассказывала мне сегодня утром.

— Вы ведь сказали, что будете держать меня здесь, пока я не признаюсь, — отвечала Аня утомленно, — вот я и решила признаться, — потому что хотела непременно попасть на пикник. Я придумала это признание прошлой ночью, когда легла спать, и постаралась сделать его как можно интереснее. И я повторяла и повторяла его, чтобы не забыть. Но вы все равно не позволили мне пойти на пикник, так что все оказалось напрасным.

Марилла рассмеялась против воли. Но совесть упрекнула ее.

— Аня, подобного я еще не слыхала! Но я была не права... Я понимаю это теперь. Я не должна была сомневаться в твоих словах, раз никогда не слышала от тебя лжи. Конечно и ты была не права, что призналась в том, чего не делала... Это было очень нехорошо. Но я сама довела тебя до этого. Так что, если ты простишь меня, Аня, я прошу тебя, и мы будем по-прежнему друзьями. А теперь собирайся на пикник.

Аня взвилась, словно ракета фейерверка:

— Ах, Марилла, а не поздно?

— Конечно нет, еще только два часа. Они еще, я думаю, только собрались, и еще целый час пройдет, прежде чем сядут пить чай. Умойся, причешись и надень коричневое платье. Я соберу для тебя корзинку с едой. В доме полно печенья и пирожков. Я скажу Джерри, чтобы

он запряг гнедую и отвез тебя на луг, где будет пикник.

— О, Марилла! — воскликнула Аня, подлетая к умывальнику. — Пять минут назад я была так несчастна. Я думала, что лучше мне было и не родиться на этот свет, а теперь я не поменялась бы местами даже с ангелом!

В тот вечер, совершенно счастливая, хотя и ужасно усталая, Аня вернулась в Зеленые Мезонины в состоянии блаженства, не поддающегося описанию.

— Ах, Марилла, я сказочно провела время. Сказочно — это новое выражение, которое я сегодня узнала. Я услышала его от Мэри Белл. Правда, оно очень выразительное? Все было прелестно. Чай был просто замечательный, а потом мистер Хармон Эндрюс катал нас на лодке по Озеру Сверкающих Вод — по шесть человек за раз. И Джейн Эндрюс чуть не упала за борт. Она потянулась, чтобы сорвать водяную лилию, и если бы мистер Эндрюс не схватил ее за кушак в самое последнее мгновение, то она выпала бы из лодки и наверняка утонула бы. Как мне хотелось бы быть на ее месте! Это было бы так романтично — почти утонуть. Можно было бы потом рассказывать всем эту потрясающую историю. И мы ели мороженое! У меня нет слов, чтобы описать это мороженое. Марилла, уверяю вас, это было нечто грандиозное!

В тот вечер, штопая чулки, Марилла рассказала обо всем Мэтью.

— Я признаю, что совершила ошибку, — заключила она чистосердечно, — но я получила урок. Смех меня разбирает, как вспомню Анино «признание». Я полагаю, что не должна бы смеяться, ведь это была ложь, хотя, может быть, и не такая дурная, как та, о которой я предполагала. И как-никак я в этом виновата. Этого ребенка порой трудно понять. Но я верю, что все сложится хорошо. Одно бесспорно: в доме, где есть эта девочка, никогда не будет скучно.

Глава 15

Буря в школьном стакане воды

— К какой замечательный день! — сказала Аня, глубоко вдыхая свежий прохладный воздух. — Разве не чудесно, что живешь в такой день? Жаль мне тех, кто еще не родился и пропустил его. Конечно, может быть, у них будут хорошие дни, но они никогда не смогут насладиться этим днем... А еще чудеснее, что в школу нужно идти по такой восхитительной дороге, правда?

— Да, этот путь гораздо приятнее, чем идти кругом по большой дороге; там так пыльно и жарко, — отвечала практичная Диана, заглядывая в корзинку с завтраком и мысленно оценивая, какой кусочек вкусного и сочного малинового пирожного придется на одну девочку, если три таких пирожных, лежащих в корзиночке, разделить на десять девочек.

Авонлейские девочки всегда ели вместе свои школьные завтраки, и съесть три малиновых пирожных одной или даже вместе со своей лучшей подругой означало на веки вечные быть заклеянной как "противная жадина". Но когда пирожные делились между десятью девочками, вам доставался маленький кусочек, лишь дразнивший аппетит.

Дорога, по которой Аня и Диана ходили в школу, была и в самом деле прелестной. Ане казалось, что эти прогулки вместе с Дианой в школу и из школы нельзя улучшить даже в воображении. Идти кругом по большой дороге было совсем не романтично; но идти по Тропинке Влюбленных, мимо Плача Ив, вдоль Долины Фиалок и по Березовой Дорожке — романтичнее и быть не могло.

Тропинка Влюбленных начиналась прямо за садом Зеленых Мезонинов и тянулась по лесу до самого конца фермы Касбертов. По этой дорожке обычно выгоняли коров на дальнее пастбище, а зимой таскали дрова и хворост. Аня назвала ее Тропинкой Влюбленных, когда еще не прожила и месяца в Зеленых Мезонинах.

— Не потому, что там когда-нибудь ходили влюбленные, — объясняла она Марилле. — Просто мы с Дианой читаем сейчас совершенно великолепную книжку, и там есть Тропинка Влюбленных. И нам захотелось, чтобы и у нас была такая. Это очень красивое название, как

вам кажется? Такое романтическое! Понимаете, мы легко можем вообразить на ней влюбленных. Мне она очень нравится, потому что там можно думать вслух, никто не назовет тебя сумасшедшей.

Утром Аня выходила из дома одна и по Тропинке Влюбленных добиралась до самого ручья. Там ее уже ждала Диана, и они вместе продолжали путь под густыми кронами сплетавшихся кленов, — "Клены — такие общительные деревья, — говорила Аня, — они всегда шелестят и что-то нам нашептывают", — пока не добирались до грубо сколоченного маленького мостика. Затем девочки сворачивали с тропинки и шли через поле мистера Барри, мимо Плача Ив, за которым открывалась Долина Фиалок — маленькая зеленая впадина в тени густого леса мистера Эндрю Белла.

— Конечно, сейчас там уже нет фиалок, — рассказывала Аня Марилле, — но Диана говорит, что весной их там миллионы. Ах, Марилла, только вообразите — миллионы фиалок! У меня прямо дух захватывает. Я назвала это место Долиной Фиалок. Диана говорит, что еще никого не видела, кто бы так легко придумывал названия для всяких мест. Так приятно в чем-то отличаться, правда? А Диана дала название Березовой Дорожке. Она очень захотела, и я согласилась. Но, конечно, я придумала бы что-нибудь более поэтичное. Такое простое название, как Березовая Дорожка, каждый может придумать. Но Березовая Дорожка, Марилла, — одно из красивейших мест на свете.

Так оно и было. Не только Аня — каждый, кто случайно забредал туда, думал то же самое. Это была узкая извилистая тропинка, спускавшаяся с длинного холма прямо через лес мистера Белла, где свет, много раз просеянный через изумрудные сита густых крон деревьев, становился безупречно чистым, как бриллиант. На всем протяжении дорожку окаймляли стройные молодые березки с белыми стволами и гибкими ветвями; папоротники, перелески, дикие ландыши и алые пучки лаконосов густо росли вдоль нее; и всегда в воздухе здесь носился пряный аромат, звучала музыка птичьих песен, шепот и смех лесных ветерков в ветвях деревьев над головой. Порой здесь можно было увидеть зайца, прыгающего через дорожку, если, конечно, идти тихо, чего с Аней и Дианой почти никогда не случалось. Спустившись в долину, дорожка подходила к большой дороге, и оттуда по поросшему елями холму было рукой подать до школы.

Авонлейская школа представляла собой чисто выбеленное здание с низко спускающейся крышей и широкими окнами. Внутри стояли прочные и удобные старомодные парты, которые открывались и закрывались и крышки которых были изрезаны инициалами и иероглифами трех поколений школьников. Школьное здание стояло в стороне от дороги, а за ним тянулся темный сосновый лес и вился ручей, в который ученики ставили по утрам свои бутылки с молоком, чтобы оно осталось прохладным и сладким до обеденного перерыва.

В первый день сентября Марилла проводила Аню в школу, питая в душе множество тайных опасений. Аня была такой необычной девочкой. Как она поладит с другими детьми? И каким образом удастся ей на уроках справиться со своей болтливостью?

Однако дела пошли лучше, чем можно было предположить. В тот вечер Аня пришла домой в отличном настроении.

— Мне кажется, я полюблю школу, — объявила она. — Хотя я не очень высокого мнения об учителе. Он все время крутит усы и поглядывает на Присси Эндрюс. Присси уже взрослая, вы знаете. Ей шестнадцать, и она собирается в следующем году сдавать вступительные экзамены в Королевскую учительскую семинарию в Шарлоттауне. Тилли Бултер говорит, что учитель в нее *по уши* влюблен. У нее красивый цвет лица и выющиеся темные волосы, и она их очень элегантно укладывает. Она сидит на самой задней скамье, и он сидит с ней почти все время... объясняет ей ее урок, как он говорит... Но Руби Джиллис говорит, что видела, как он написал что-то на грифельной дощечке Присси, и когда Присси это прочитала, то покраснела, как свекла, и захихикала; и Руби Джиллис говорит, что не верит, будто это имело какое-то отношение к уроку.

— Аня, я не желаю, чтобы ты отзывалась об учителе в таком тоне, — сказала Марилла сурово. — Ты ходишь в школу не для того, чтобы критиковать учителя. Я полагаю, что *тебя*

он может научить кое-чему, и твое дело учиться. И я хочу, чтобы ты раз и навсегда поняла, что не должна приносить домой всякие сплетни о нем. Я не собираюсь этого поощрять. Надеюсь, ты хорошо себя вела.

— О да, — отвечала Аня удовлетворенно. — Это оказалось не так трудно, как можно было бы вообразить. Я сижу с Дианой. Наша парта прямо у окна, и нам видно Озеро Сверкающих Вод. В школе много милых девочек, и мы сказочно провели время, когда играли во время обеденного перерыва. Это так чудесно, когда столько девочек, с которыми можно играть! Но, конечно, больше всех я люблю и всегда буду любить Диану. Я *обожаю* Диану... Я ужасно отстала от других. Все они уже проходят пятую часть учебника, а я только четвертую. Я испытываю что-то вроде унижения из-за этого... Зато ни у кого из них нет такого воображения, как у меня, я это очень быстро обнаружила... Сегодня у нас было чтение, география, история Канады и диктант. Мистер Филлипс сказал, что у меня чудовищная орфография, и поднял мою грифельную дощечку так, чтобы все видели, сколько он на ней исправил ошибок. Мне было так стыдно, Марилла; все-таки, я думаю, он мог бы быть повежливее с незнакомой ученицей. Руби Джиллис подарила мне яблоко, а София Слоан дала мне на время прелестную розовую открытку, на которой написано: "Когда я смогу навестить вас?" Я должна эту открытку ей завтра вернуть. А Тилли Бултер после обеда дала мне поносить свое колечко из бусинок. Можно мне взять себе на колечко несколько перламутровых бусинок со старой подушечки для булавок в моей комнате? И, ах, Марилла, Джейн Эндрюс сказала мне, что Минни Макферсон сказала ей, будто она слышала, как Присси Эндрюс сказала Саре Джиллис, что у меня очень красивый нос. Марилла, это первый комплимент, какой я услышала в своей жизни, и вы не можете вообразить, какое у меня возникло странное чувство. Марилла, это правда, что у меня красивый нос? Я знаю, вы скажете мне правду.

— Нос твой совсем неплох, — сказала Марилла коротко. Втайне она считала, что у Ани замечательно красивый нос, но отнюдь не собиралась ей этого говорить.

Это было три недели назад, и пока все шло гладко. И теперь, в это бодрящее сентябрьское утро, Аня и Диана, две из счастливейших девочек в Авонлее, беспечно шагали по Березовой Дорожке.

— Похоже, что сегодня в школе будет Гилберт Блайт, — сказала Диана. — Все лето он провел у своих двоюродных братьев в Нью-Брансуике и вернулся домой только в субботу вечером. Он *ужасно* красивый, Аня. И кошмарно дразнит девочек. Он просто отравляет нам жизнь.

По тону Дианы можно было ясно понять, что она предпочитает, чтобы ей отравляли жизнь, чем жить без этого.

— Гилберт Блайт? — переспросила Аня. — Это его имя и фамилия написаны на стенке у крыльца рядом с именем Джули Белл, а над ними крупно "Обратите внимание"?

— Да, — сказала Диана, вскинув голову, — но я уверена, она ему не очень-то нравится. Я слышала, как он говорил, что учил таблицу умножения на ее веснушках.

— Ах, не говори мне о веснушках, — взмолилась Аня. — Это не деликатно, ведь у меня их столько! Но я думаю, что писать эти "Обратите внимание" на стенке про мальчиков и девочек — глупейшая вещь. Посмел бы кто-нибудь написать мое имя на стенке рядом с именем мальчика. Нет, конечно, — поспешила она добавить, — никто не посмеет.

Аня вздохнула. Она не хотела, чтобы ее имя появилось на стенке. Но было немножко унизительно знать, что это ей совсем не грозит.

— Чепуха, — сказала Диана, чьи черные глаза и блестящие волосы сеяли такое разрушение в сердцах авонлейских школьников, что ее имя фигурировало на стенке у крыльца под полудюжиной подобных "Обратите внимание". — Это просто шутка. И не очень-то надейся, что твое имя не напишут. Чарли Слоан *по уши* в тебя влюблен. Он сказал своей маме — заметь: своей маме! — что ты самая сообразительная девчонка в школе. А это лучше, чем быть просто симпатичной.

— Нет, не лучше, — сказала Аня, женственная до мозга костей. — Я хотела бы лучше

быть красивой, чем умной. К тому же я терпеть не могу Чарли Слоана. Я просто не выношу мальчишек с выпученными глазами. Если кто-нибудь напишет мое имя рядом с его именем, знай, Диана, я *ни за что* этого не перенесу. Но как приятно быть первой в классе!

— Теперь в твоем классе будет Гилберт, — заметила Диана, — и обычно он первый. Он проходит только четвертую часть учебника, хотя ему почти четырнадцать. Четыре года назад его отец был болен и ему пришлось уехать в Альберту лечиться. И он забрал с собой Гилберта. Они там прожили три года, и Гил не ходил в школу почти все это время. Теперь, когда он вернется, тебе будет не так легко остаться первой в твоем классе.

— Я рада, — сказала Аня быстро. — Я не могла по-настоящему гордиться тем, что была первой среди маленьких мальчиков и девочек девяти или десяти лет. Вчера я встала, чтобы ответить, как пишется «искусство». Джози Пай была первой в правописании, но, представляешь, подглядывала в книжку! Мистер Филлипс не видел... он смотрел на Присси Эндрюс... но я видела. Я просто бросила на нее взгляд, полный холодного презрения, и она покраснела, как свекла, и написала все-таки неправильно.

— Эти девчонки Паев — известные обманщицы, — сказала Диана раздраженно, когда они перелезали через ограду на большую дорогу. — Вот вчера Герти Пай пришла и поставила свою бутылку с молоком на мое место в ручье. Представляешь? Я с ней больше не разговариваю.

Когда мистер Филлипс находился в глубине классной комнаты, слушая ответ Присси Эндрюс по-латыни, Диана шепнула Ане:

— Гилберт Блайт сидит прямо через проход от тебя. Посмотри, правда, он красивый?

Аня взглянула в указанном направлении. Момент для этого был очень удобный, потому что упомянутый Гилберт Блайт был всецело поглощен тем, что потихоньку прикалывал булавкой одну из длинных золотистых кос Руби Джиллис, сидевшей перед ним, к спинке сиденья. Это был высокий мальчик с вьющимися темными волосами, лукавыми карими глазами и дерзкой улыбкой на губах. В эту минуту Руби Джиллис вскочила, чтобы показать ответ арифметической задачи учителю. Она упала обратно на сиденье с коротким воплем, уверенная, что волосы у нее вырваны с корнем. Все оглянулись на нее, а мистер Филлипс посмотрел так сурово, что Руби расплакалась. Гилберт быстро вытащил булавку и продолжал читать свой учебник истории с наисерьезнейшим видом; но когда волнение улеглось, он взглянул на Аню и подмигнул ей с невыразимым лукавством.

— Я думаю, что этот Гилберт Блайт и вправду красивый, — призналась Аня Диане, — но мне кажется, что он очень дерзкий. Что за манера подмигивать незнакомой девочке?

Но все началось только после обеда.

Мистер Филлипс сидел в заднем углу класса, объясняя Присси Эндрюс задание по алгебре, а остальные ученики занимались чем кому нравилось: ели зеленые яблоки, шептались, рисовали картинки на своих грифельных дощечках, пускали вдоль прохода между партами сверчков в упряжке из ниток. Гилберт Блайт пытался заставить Аню Ширли взглянуть на него, но потерпел полную неудачу, поскольку Аня в тот момент совершенно забыла о самом существовании не только Гилберта Блайта, но и всех прочих учеников авонлейской школы, да и о самой авонлейской школе. Опершись подбородком на руки и устремив глаза на голубые отблески Озера Сверкающих Вод, которые хорошо было видно через западное окно, она была далеко, в великолепной стране грез, не слыша и не видя ничего, кроме своих собственных чудесных видений.

Гилберт Блайт не привык безуспешно стараться заставить какую-нибудь девочку взглянуть на него. Она *должна* посмотреть на него, эта рыжая Ширли с маленьким острым подбородком и большими глазами, так непохожими на глаза остальных учениц авонлейской школы.

Гилберт перегнулся через проход, ухватил за конец одну из длинных рыжих кос Ани, потянул к себе и произнес пронзительным шепотом:

— Морковка! Морковка!

Только тогда Аня взглянула на него. Но как взглянула!

И не только взглянула. Она вскочила с места, все ее яркие мечты рухнули безвозвратно. Она метнула на Гилберта раздраженный взгляд, но гневный блеск ее глаз быстро угас в столь же гневных слезах.

— Ты гадкий, противный мальчишка! — воскликнула она страстно. — Как ты смеешь!

И потом — трах! — Аня с размаху опустила свою грифельную дощечку на голову Гилберта и расколола ее — дощечку, не голову — пополам.

Авонлейская школа всегда была рада любому происшествию. А эта сцена доставила всем особенное удовольствие. Все воскликнули: "О!" — с испугом и восхищением. Диана открыла рот и онемела. Руби Джиллис, которая всегда была склонна к истерике, заплакала. Томми Слоан упустил свою пару сверчков и застыл в изумлении, уставившись на эту сцену.

Мистер Филлипс прошествовал вдоль прохода и тяжело опустил руку на Анино плечо.

— Аня Ширли, что это значит? — спросил он гневно.

Аня не ответила. Это было уж слишком — требовать от нее признать перед всей школой, что ее называли «морковкой». Гилберт решительно вмешался:

— Это я виноват, мистер Филлипс. Я дразнил ее.

Но мистер Филлипс не обратил внимания на Гилберта.

— Мне очень неприятно, что моя ученица выказала такой гнев и такую мстительность, — сказал он внушительным тоном, как будто даже простая принадлежность к числу его учеников должна была искоренить все дурные страсти в сердцах юных несовершенных смертных. — Аня, пойди и встань у классной доски. Будешь стоять там до конца занятий.

Аня предпочла бы, чтобы ее отхлестали бичом, чем подвергнуться такому наказанию, от которого ее чувствительный дух содрогался, словно под ударами бича. С побелевшим и застывшим лицом она повиновалась. Мистер Филлипс взял кусок мела и написал на доске над ее головой: "У Анюты Ширли очень плохой характер. Анюта Ширли должна научиться владеть собой". Затем он прочитал это вслух, чтобы даже самые маленькие ученики, которые умели читать только печатные буквы, могли понять, что написано.

Аня простояла остаток дня с этой надписью над головой. Она не плакала и не опустила головы. Гнев еще кипел в ее душе, и это поддерживало ее в страданиях унижения. С пылающими от гнева щеками, возмущенным взглядом одинаково встречала она и сочувственный взгляд Дианы, и полные негодования жесты Чарли Слоана, и злорадную улыбку Джози Пай. Что же до Гилберта Блайта, то она даже не взглянула на него. Она никогда больше на него не посмотрит! Она никогда не будет с ним разговаривать!!!

Когда занятия кончились, Аня вышла из школы, гордо подняв свою рыжую голову. Гилберт Блайт попытался перехватить ее на крыльце.

— Мне ужасно жаль, что я посмеялся над твоими волосами, Аня, — прошептал он с раскаянием. — Честное слово. Не обижайся на меня навсегда!

Аня прошла мимо торжественной поступью, исполненная презрения, даже не взглянув и не подав вида, что слышала эти слова.

— О, как ты могла, Аня? — вздохнула Диана, когда они шли домой по дороге, отчасти с упреком, отчасти с восхищением. Диана чувствовала, что сама она никогда не смогла бы отвергнуть просьбу Гилберта.

— Я никогда не прощу Гилберта Блайта, — сказала Аня твердо. — И мистера Филлипса, за то что он написал «Анюта», тоже. Железо пронзило мою душу, Диана.

Диана понятия не имела, что Аня под этим подразумевает, но почувствовала, что это было нечто ужасное.

— Ты не должна обижаться на Гилберта, что он насмеялся над твоими волосами, — попыталась она утешить Аню. — Он над всеми девочками издевается. И над моими волосами он тоже насмеялся... что они такие черные. Он сто раз называл меня вороной. И я никогда прежде не слышала, чтобы он извинялся.

— Огромная разница быть названной вороной и быть названной морковкой, — сказала Аня с достоинством. — Гилберт Блайт мучительнейше оскорбил мои чувства, Диана.

Вероятно, тем бы дело и кончилось без дальнейших мучений, если бы больше ничего не случилось. Но очень часто за одним несчастьем следует другое.

Ученики авонлейской школы часто проводили обеденный перерыв, собирая сосновую смолу в лесу мистера Белла. Между холмом, на котором располагался этот лес, и школой лежало широкое пастбище, и с высоты детям хорошо был виден дом Эбена Райта, где столовался учитель. Стоило им заметить, что мистер Филлипс выходит оттуда после обеда, как они бегом бросались к школе. Но расстояние, которое им нужно было преодолеть, оказывалось в три раза больше, чем дорожка от дома мистера Райта, по которой возвращался в школу учитель, и потому они добежали до школы, задыхающиеся и обессиленные, на три минуты позже него.

На следующий день после описанных событий у мистера Филлипса был один из случавшихся у него время от времени приступов реформаторского пыла, и, перед тем как отправиться на обед, он объявил, что требует, чтобы к его возвращению все ученики сидели на местах. Всякий, кто явится позднее, будет наказан.

Все мальчики и некоторые девочки, как обычно, побежали в лес мистера Белла с твердым намерением задержаться там ровно столько времени, сколько нужно, чтобы найти кусочек «жвачки». Но в лесочке было так приятно, а золотистые капли смолы казались такими соблазнительными! Они собирали смолу, болтали, слонялись под деревьями; и, как обычно, первым, кто напомнил им о быстротечности времени, был Джимми Гловер, закричавший с верхушки огромной старой сосны: "Учитель идет!"

Девочки, которые были на земле, сразу бросились бежать и сумели добраться до школы в последнюю секунду. Мальчики, которым пришлось, извиваясь, поспешно спускаться с деревьев, опоздали. Аня, которая отнюдь не собирала смолу, но блаженно бродила среди доходивших ей почти до пояса папоротников в дальнем конце лесочка, тихонько напевая, с венком из ландышей на голове, словно какое-то лесное божество этих тенистых мест, оказалась самой последней. Впрочем, бегала она словно лань и на этот раз сумела так отлично этим воспользоваться, что догнала мальчиков у дверей и влетела в школу вместе с ними как раз в тот момент, когда мистер Филлипс вешал на гвоздь свою шляпу.

Краткий приступ реформаторской активности у мистера Филлипса уже прошел. Ему не хотелось обременять себя, наказывая десяток учеников. Но было необходимо сделать что-то, чтобы сдержать слово, поэтому он оглянулся в поисках козла отпущения и нашел его в Ане, которая упала на свое место, задыхаясь от быстрого бега, с забытым венком из ландышей на голове, криво съехавшим на одно ухо и придававшим ей особенно беспутный и озорной вид.

— Аня Ширли, ты, кажется, очень любишь общество мальчиков. Сегодня мы примем твой вкус во внимание, — сказал он язвительно. — Сними цветы с головы и сядь с Гилбертом Блайтом.

Мальчики захихикали. Диана, побледнев от сострадания, сняла венок с Аниной головы и на мгновение сжала ее руку. Аня, словно окаменев, смотрела на учителя.

— Ты слышала, что я сказал, Аня? — спросил мистер Филлипс,

— Да, сэр, — произнесла она медленно, — но я не думала, что вы это серьезно.

— Уверяю тебя, что да, — продолжил он с той же иронической интонацией, которую все дети, а особенно Аня, терпеть не могли. Слишком она задевала за живое. — Сейчас же делай, что я велел.

На мгновение показалось, что Аня не подчинится. Затем, понимая, что выхода нет, она поднялась с высокомерным видом, села на другой стороне прохода рядом с Гилбертом Блайтом и, положив руки на парту, уткнулась в них лицом. Руби Джиллис, которая мельком видела, как это происходило, рассказывала остальным по дороге домой, что никогда "не видела ничего подобного — лицо, белое как мел, все в ужасных красных точках".

Для Ани это было ужасное переживание. И так уже тяжело, что ее одну выбрали, чтобы наказать, хотя был еще десяток столь же провинившихся. Еще хуже то, что ей велели сесть рядом с мальчиком. Но то, что этим мальчиком был Гилберт Блайт, явилось верхом оскорбления и делало обиду совершенно непереносимой. Аня чувствовала, что не в силах

выдержать такое, бесполезно и пытаться. Все ее существо содрогалось от позора, гнева и унижения.

Сначала другие посматривали на нее, шептались, хихикали, подталкивали друг друга локтями. Но так как Аня не поднимала головы, а Гилберт, решавший задачку на дроби, казалось, предался всей душой этим дробям, и только им, то и прочие вскоре занялись своими заданиями, и Аня была забыта. Когда мистер Филлипс собирал письменные работы по истории, Аня должна была подойти, но она не двинулась с места, а мистер Филлипс, который в это время сочинял стихотворение "К Присилле" и мучился над какой-то упрямой рифмой, ничего не заметил. Улучив минуту, когда никто не смотрел, Гилберт достал из своей парты маленький красный леденец в форме сердечка, на котором золотыми буквами было выведено: "С тобою сладко", — и подсунул его Ане под локоть. Тогда она поднялась, осторожно взяла пурпурное сердечко кончиками пальцев, бросила на пол, раздавила каблучком и приняла прежнюю позу, не соизволив осчастливить Гилберта даже взглядом.

Когда занятия кончились, Аня подошла к своей парте, демонстративно вынула все, что в ней было, книги и тетради, перо и чернила, Библию и арифметику, и аккуратно сложила все на своей расколотой грифельной дощечке.

— Почему ты все забираешь домой, Аня? — пожелала узнать Диана, как только они оказались на дороге. До этого она не осмеливалась задавать вопросов.

— Я больше не вернусь в школу, — сказала Аня.

Диана открыла рот от удивления и уставилась на Аню, чтобы понять, не шутит ли та.

— Разве Марилла позволит тебе остаться дома? — спросила она.

— Ей придется это сделать, — ответила Аня. — Я никогда не пойду в школу к этому человеку.

— О, Аня! — Диана, казалось, собиралась заплакать. — Это нечестно. Что же я буду делать? Мистер Филлипс посадит меня с этой отвратительной Герти Пай... Я знаю, что посадит, потому что она сидит одна. Аня, вернись!

— Я сделала бы для тебя почти все на свете, Диана, — сказала Аня печально. — Я позволила бы разорвать себя на куски, если бы знала, что это необходимо для твоего блага. Но вернуться я не могу, пожалуйста, не проси. Ты терзаешь мне душу.

— Только подумай обо всем, что ты потеряешь, — сокрушалась Диана. — Мы собираемся строить прелестнейший новый домик для игры у ручья. А со следующей недели будем играть в мяч. Ты же никогда не играла в мяч, Аня. Это потрясающе интересно! Мы собираемся разучить новую песенку... Джейн Эндрюс уже разучивает. Элис Эндрюс принесет новую книжку на следующей неделе, и мы будем читать ее вслух, по одной главе, у ручья. А ведь ты так любишь читать вслух, Аня!

Но Аня была непоколебима. Ее решение было окончательным. Она больше не пойдет в школу к мистеру Филлипсу! Об этом она и объявила Марилле, когда вернулась домой.

— Глупости, — сказала Марилла.

— Совсем не глупости, — отвечала Аня, глядя на Мариллу торжественно и укоризненно. — Разве вы не понимаете, Марилла? Мне нанесено оскорбление!

— Оскорбление! Ерунда! Пойдешь завтра в школу, как обычно.

— Ах, нет. — Аня мягко покачала головой. — Я не вернусь туда, Марилла. Я буду учить все уроки дома, я буду вести себя как можно лучше, я буду все время молчать, если это вообще возможно. Но, уверяю вас, в школу я не вернусь.

Марилла увидела непреклонную решимость на Анином лице и поняла, что переубедить ее будет трудно. Она разумно решила отложить разговор.

"Схожу-ка я сегодня вечером к Рейчел и посоветуюсь с ней, — сказала она себе. — Бесполезно увещевать Аню теперь. Она слишком возбуждена и может ожесточиться в своем упрямстве. Насколько можно понять из ее рассказа, мистер Филлипс уж слишком перегибает палку. Но не стоит ей об этом говорить. Лучше посоветуюсь с Рейчел. Она посылала в школу десять детей и должна кое-что об этом знать. Она, должно быть, уже слышала всю историю".

Марилла застала миссис Линд вяжущей очередное одеяло с обычным усердием и

удовольствием.

— Я думаю, ты знаешь, почему я пришла, — сказала она несколько смущенно.

Миссис Рейчел кивнула.

— Догадываюсь. Из-за этой истории с Аней в школе, — сказала она. — Тилли Бултер заходила сюда по пути домой и обо всем мне рассказала.

— Не знаю, что с ней делать, — сказала Марилла. — Она объявила, что не вернется в школу. Я никогда не видела такой непримиримости в ребенке. С самого начала, когда она начала ходить в школу, я ждала, что что-нибудь да случится, и даже удивлялась, что все идет слишком хорошо. Она все так глубоко переживает. Что ты посоветуешь, Рейчел?

— Ну, раз уж ты спрашиваешь моего совета, Марилла, — сказала миссис Линд любезно — миссис Линд ужасно любила, чтобы у нее спрашивали совета, — я пошла бы ей навстречу, вот что я сделала бы. По моему убеждению, мистер Филлипс был не прав. Но, конечно, недопустимо говорить это детям, ты понимаешь. Разумеется, он был прав, что наказал ее вчера за вспышку гнева. Но сегодня дело обстояло иначе. Он должен был наказать всех, кто опоздал вместе с Аней, вот что. Да и что это за наказание — сажать девочку рядом с мальчиком? Это бестактно. Тилли Бултер была возмущена. Она целиком на Аниной стороне и говорит, что весь класс также. Похоже, что Аня пользуется у них популярностью. Я никак не предполагала, что она им понравится.

— Ты... ты действительно думаешь, что мне лучше позволить ей остаться дома? — спросила Марилла с удивлением.

— Да. То есть я не стала бы посылать ее в школу, пока она сама не запросится. Положись на меня, Марилла. Она остынет через неделю или чуть больше, и сама охотно вернется в класс, вот что я вам скажу. А если заставить ее вернуться сразу, то кто знает, какие вспышки раздражения могут нас ожидать и сколько с этим будет хлопот. По моему мнению, чем меньше шума, тем лучше. Она не очень много потеряет, если неделю не походит в *такую* школу. Как учитель мистер Филлипс никуда не годится. Порядок, который он завел, возмутителен, скажу я вам. Он не уделяет достаточного внимания малышне, а все время тратит на старших, которых готовит в Королевскую семинарию. Ему никак не удалось бы остаться преподавать в школе второй год, если бы его дядя не был одним из членов попечительского совета и не водил двух других его членов за нос, вот что. Ну, скажу я вам, уж и не знаю, что будет с образованием на нашем острове.

И миссис Рейчел выразительно покачала головой, как бы давая понять, что, если бы только она стояла во главе системы образования Канады, дело было бы поставлено гораздо лучше.

Марилла последовала совету миссис Рейчел и не заговаривала с Аней о возвращении в школу. Аня учила уроки дома, выполняла свои обязанности по хозяйству, а в холодные красноватые осенние сумерки играла с Дианой. Но когда она встречала на дороге Гилберта Блайта или сталкивалась с ним в воскресной школе, то проходила мимо, обдавая его ледяным презрением, которое было не под силу растопить его очевидному желанию помириться. Даже попытки Дианы выступить в роли миротворца оказались бесполезны. Очевидно, Аня твердо решила ненавидеть Гилберта Блайта до конца жизни.

Но так же сильно, как она ненавидела Гилберта, она любила Диану, со всей привязанностью, на какую было способно ее страстное сердечко, одинаково самозабвенно предававшееся и любви, и ненависти. Однажды в сумерки Марилла, возвратившись из сада с корзиной яблок, застала Аню горько плачущей у окна ее комнаты в мезонине.

— Да что еще случилось, Аня? — спросила она.

— Это о Диане, — рыдала Аня, не жалея слез. — Я так люблю Диану, Марилла! Я не смогу жить без нее. Но я прекрасно знаю: когда мы вырастем, Диана выйдет замуж, уедет и покинет меня. Ах, что я тогда буду делать? Я ненавижу ее мужа... я ненавижу его всей душой. Я все это вообразила... венчание и все такое... Диана в снежно-белом платье, под вуалью, и такая красивая и величественная, как королева, и я — подружка невесты. Правда, у меня тоже прелестное платье и рукава с буфами, но сердце мое разбито, хоть на лице и

улыбка. И потом нужно будет проститься с Дианой навсегда-а-а... — Здесь Аня совершенно потеряла самообладание и расплакалась еще горше.

Марилла торопливо отвернулась, чтобы скрыть улыбку, но это было бесполезно. Она в изнеможении упала на стоявший рядом стул и разразилась таким необычным и сердечным смехом, что Мэтью, проходивший в это время по двору, остановился в изумлении. Когда это он слышал, чтобы Марилла так смеялась прежде?

— Ну, Аня, — сказала Марилла, как только оказалась в состоянии говорить, — если уж тебе нужно искать причины для беспокойства, ради всего святого, ищи где-нибудь поближе. Приходится признать, что воображение у тебя хоть куда!

Глава 16

Трагические последствия чаепития

О ктябрь в Зеленых Мезонинах был необыкновенно красив. Березы в долине золотились, словно солнечный свет, клены за садом облачились в великолепнейший пурпур, дикие вишни вдоль дороги принарядились в прелестнейшие оттенки темно-красного и бронзово-зеленого, а луга и поля уже покрыла вторая зелень.

Аня упивалась этим окружавшим ее буйством красок.

— Ах, Марилла, — воскликнула она однажды субботним утром, вбегая в кухню с охапкой ярких кленовых веток, — я так рада, что живу в мире, где бывает октябрь. Было бы ужасно, если бы мы сразу из сентября попадали в ноябрь, правда? Посмотрите, какие ветки! Разве при взгляде на них вас не охватывает приятная дрожь? И даже несколько дрожей сразу? Я хочу украсить этими ветками мою комнату.

— Опять мусор! — сказала Марилла, чье эстетическое чувство не было слишком развито. — Заваливаешь свою комнату всем, что тащишь с улицы. Спальня — для того чтобы спать.

— И видеть сны, Марилла. Ведь сны снятся гораздо лучше в комнате, где есть красивые вещи. Я поставлю эти ветки в старый голубой кувшин у себя на столе.

— Смотри только не сори листьями на лестнице. Я поеду сегодня в Кармоди на собрание благотворительного общества, Аня, и скорее всего вернусь уже затемно. Тебе придется накрыть к ужину для Мэтью и Джерри, так что не забудь заварить чай заранее, прежде чем сядете за стол, а не как прошлый раз.

— Да, ужасно, что я тогда об этом забыла, — сказала Аня виновато, — но это случилось в тот день, когда я пыталась придумать название Долине Фиалок, и это совершенно вытеснило все остальные мысли у меня из головы. Но Мэтью отнесся к этому так снисходительно. Он совсем не сердился. Он сам насыпал чай в заварной чайник и сказал, что можно и подождать. А я рассказала ему чудесную сказку, пока мы ждали, так что время прошло незаметно. Это была прекрасная сказка, Марилла. Я забыла ее конец и сама сочинила другой, а Мэтью сказал, что даже не заметил, где кончилась сказка и началось мое воображение.

— Мэтью не возражал бы, даже если бы тебе пришлось в голову встать среди ночи и сесть обедать. На этот раз постарайся сохранять голову на плечах. И... не знаю, правильно ли я поступаю... может быть, от этого ты будешь только еще более рассеянной... можешь пригласить Диану и угостить ее чаем.

— Ах, Марилла! — Аня сложила руки. — Просто прелесть! У вас, несомненно, тоже есть воображение, иначе вы никогда бы не догадались, как сильно я именно этого и хочу. Это будет так мило и совсем как у взрослых. И уж конечно я не забуду заварить чай, если у меня будет гостья. Ах, Марилла, можно мне взять парадный сервиз с розовыми бутонами?

— Разумеется, нет! Сервиз! Что еще ты придумашь? Ты ведь знаешь, я его достаю, только когда к чаю приходит священник или дамы из благотворительного общества. Возьмешь старую коричневую чайную посуду. Но можешь открыть желтый глиняный горшочек с вишневым вареньем. Надо его съесть... а то, боюсь, оно начинает засахариваться.

Можешь отрезать кусок фруктового пирога и взять печенья и имбирных пряников.

— Я так и воображаю, как я сижу на месте хозяйки и разливаю чай, — сказала Аня, в восторге закрывая глаза. — И я спрошу Диану, пьет ли она с сахаром. Я знаю, что нет, но все равно спрошу, как будто не знаю. А потом я буду уговаривать ее взять еще кусочек фруктового пирога и еще немножко варенья. Ах, Марилла, как приятно даже только подумать об этом! Можно мне провести ее в комнату для гостей, чтобы она сняла и оставила там свою шляпу? И можно нам посидеть в парадной гостиной?

— Нет. Маленькая гостиная вполне подойдет для тебя и твоей гостьи. Но там осталось полбутылки малинового сиропа после собрания нашего общества на прошлой неделе. Она стоит на второй полке в шкафу в маленькой гостиной. Вы с Дианой можете взять, если хотите, и выпить его с печеньем на полдник, потому что Мэтью, думаю, вернется к ужину поздно; он будет возить картофель на пристань.

Аня пустилась бегом вниз через долину, мимо Ключа Дриад и потом вверх по дорожке между елей к Садовому Склону, чтобы пригласить Диану на чай. В результате, как только Марилла отправилась в Кармоди, явилась Диана в одном из своих лучших платьев и именно с таким видом, какой должен быть, когда вас пригласили на чай. В другое время она просто вбегала в кухню, даже не постучавшись, но теперь она чопорно постучала в парадную дверь. И когда Аня, тоже в одном из своих лучших платьев, так же чопорно открыла, девочки пожали друг другу руки так серьезно, как будто они никогда прежде не встречались. Эта неестественная торжественность сохранялась, когда Диана была приглашена и прошла в комнату в мезонине, чтобы оставить там свою шляпу, и потом минут десять сидела в маленькой гостиной в изящной позе.

— Как здоровье вашей мамы? — спросила Аня с изысканной любезностью, как будто и не видела этим утром миссис Барри в добром здравии и настроении, собирающую яблоки в своем саду.

— Очень хорошо, спасибо. Я полагаю, что мистер Касберт возит сегодня картофель на пароход "Лили Сэндс", не правда ли? — спросила Диана, которую в это утро Мэтью подвез на своей повозке до дома мистера Хармона Эндрюса.

— Да. У нас очень хороший урожай картофеля в этом году. Я надеюсь, у вашего папы тоже хороший урожай картофеля.

— Да, очень хороший, спасибо. Много ли вы уже собрали яблок?

— Ах, ужасно много! — воскликнула Аня, забыв о напускной важности и быстро вскакивая с места. — Пойдем в сад, нарвем себе красных сладких яблок, Диана. Марилла сказала, что мы можем взять все, которые остались на дереве. Марилла очень щедрая! Она сказала, что мы можем взять фруктовый пирог и вишневое варенье к чаю. Ах, я забыла, что хорошая манера — не говорить гостям, что собираешься подать им к чаю, так что я не скажу тебе, что она разрешила нам выпить. Оно начинается на «м» и «с» и ярко-красного цвета. Я очень люблю красные напитки, а ты? Они в два раза вкуснее, чем любого другого цвета.

Сад с его огромными развесистыми деревьями — ветви некоторых сгибались до земли под тяжестью созревших плодов — оказался столь восхитительным местом, что девочки провели там большую часть дня. Они сидели в поросшем травой уголке, где мороз еще не успел побить зелени и где пригревало мягкое осеннее солнце, хрустели яблоками и болтали наперебой. У Дианы было много школьных новостей. Ей пришлось сесть с Герти Пай, и это ужасно; Герти все время скрипит своим грифелем, и от этого у нее, Дианы, кровь стынет в жилах; Руби Джиллис вывела все свои бородавки — честное слово! — волшебным камнем, который ей дала старая Мэри Джо из Крик. Нужно потереть бородавки этим камнем, а потом бросить его через левое плечо в новолуние — и все бородавки сойдут. Имя Чарли Слоана написали на стенке рядом с именем Эм Уайт, и Эм Уайт *страшно* разозлилась. Сэм Бултер запер мистера Филлипса в классе, и мистер Филлипс побил его за это, а отец Сэма пришел в школу и пригрозил разделаться с мистером Филлипсом, если он еще раз осмелится хоть пальцем тронуть его детей. У Мэтти Эндрюс новый красный капор и голубая шаль с кистями, и она так важничает из-за этого, что смотреть противно. А Лиззи Райт не

разговаривает с Мейми Уилсон, потому что старшая сестра Мейми Уилсон отбила жениха у старшей сестры Лиззи Райт. И все в школе скучают без Ани и хотят, чтобы она вернулась, а Гилберт Блайт...

Но Аня не желала и слышать про Гилберта Блайта. Она поспешно вскочила и предложила пойти в дом, чтобы выпить малинового сиропа.

Аня заглянула на вторую полку шкафа в маленькой гостиной, но там бутылки с сиропом не оказалось. Ее удалось обнаружить в глубине верхней полки. Аня поставила ее на поднос вместе со стаканами и подала на стол.

— Пожалуйста, угощайся, Диана, — сказала она вежливо. — Я не буду пока пить. Я так наелась яблок, что ничего не хочу.

Диана налила себе полный стакан сиропа, с восхищением посмотрела на его яркий красный оттенок и изящно пригубила.

— Потрясающе вкусный сироп, — сказала она. — Я даже не знала, что малиновый сироп может быть таким вкусным.

— Я так рада, что тебе нравится. Пей сколько хочешь. Я побегу, помешаю поленья в камине. Ведение домашнего хозяйства накладывает огромную ответственность, правда?

Когда Аня вернулась из кухни, Диана допивала второй стакан сиропа, а в ответ на любезные уговоры Ани не отказалась и от третьего. Стакан был вместительный, а малиновый сироп замечательно вкусный.

— Вкуснее я никогда не пила, — сказала Диана. — Он гораздо вкуснее, чем у миссис Линд, хоть она так и хвастается своим. Этот совсем не такой, как у нее.

— Я вполне могу поверить, что малиновый сироп Мариллы вкуснее, чем у миссис Линд, — заявила верная Аня. — Марилла — замечательная хозяйка. Она старается и меня научить готовить, но уверяю тебя, Диана, это тяжкий труд. На кухне так мало простора для воображения. Нужно во всем следовать правилам. Последний раз, когда я пекла пирог, я забыла положить муки. Потому что я как раз придумывала чудеснейшую историю обо мне и о тебе, Диана. Я думала, будто ты заболела оспой и все тебя покинули, но я неустрашимо осталась у твоей постели, выходила тебя и вернула к жизни, но потом я сама заразилась оспой и умерла, и меня похоронили под теми тополями на кладбище, и ты посадила розовый куст на моей могиле и поливала его своими слезами; и ты никогда-никогда не забывала подругу юности, которая пожертвовала своей жизнью ради тебя. Ах, это была такая трогательная история, Диана! Слезы так и текли у меня по щекам, когда я замешивала тесто. Но я забыла про муку, и ничего не получилось. Ты ведь знаешь, без муки не может быть пирога. Марилла очень рассердилась, и это совсем неудивительно. Я для нее сущее наказание! Ей было очень неприятно из-за соуса для пудинга на прошлой неделе. Во вторник к обеду у нас был сливовый пудинг. Половина его и горшочек соуса остались, и Марилла сказала, что этого хватит на следующий обед, и велела мне поставить все это на полку в кладовой и накрыть крышкой. Я все так и собиралась сделать, но когда я несла горшочек и кастрюлю в кладовую, я воображала, что я монахиня — конечно, я протестантка, но я вообразила себя католичкой, — которая приняла постриг, чтобы в тиши монастыря похоронить навсегда свое разбитое сердце. И я совсем забыла накрыть соус. Я вспомнила об этом на следующее утро и побежала в кладовую. Диана, ты не можешь вообразить мой ужас, когда я увидела, что в соусе утонула мышь! Я вытащила ее оттуда ложкой и выбросила во двор, а потом вымыла ложку в трех водах. Марилла в это время доила коров, и я собиралась спросить ее, когда она вернется, не вылить ли соус свиньям, но когда она пришла, я как раз воображала, что я фея холода, которая, пробегая по лесу, делает деревья желтыми или красными, как они захотят, и я не вспомнила о соусе, а Марилла послала меня собирать яблоки. Ну вот, а в то утро к нам приехали в гости мистер и миссис Росс из Спенсерваля. Они, понимаешь, очень благовоспитанные и элегантные люди, особенно миссис Росс. Когда Марилла позвала меня из сада, обед уже был готов и все сидели за столом. Я старалась казаться как можно вежливее и воспитаннее, потому что хотела, чтобы миссис Росс убедилась, что я похожа на настоящую даму, хоть и некрасивая. Все шло хорошо до той

минуты, когда я увидела Мариллу, возвращающуюся из кладовой со сливовым пудингом в одной руке и горшочком соуса — *подогретого!* — в другой. Диана, это был ужасный момент. Я все вспомнила, вскочила с места и закричала: "Марилла, нельзя есть этот соус! В нем утонула мышь! Я забыла вам сказать!" О Диана, проживи я даже сто лет, мне до самой смерти не забыть этой страшной минуты. Миссис Росс только *взглянула* на меня, и я подумала, что провалюсь сквозь землю от стыда. Она отличная хозяйка, и вообрази, что она должна была подумать о нас. Марилла покраснела как рак, но не сказала ни слова в тот момент. Она просто унесла соус и пудинг и принесла земляничное варенье. Она даже угостила и меня, но я не могла ни капли проглотить. Меня мучила совесть, что мне отплатили добром за зло. Когда миссис Росс ушла, Марилла задала мне ужасную головоломку. Ах, Диана, что случилось?

Диана неуверенно поднялась с места, потом снова села, приложив руки к голове.

— Я... Меня ужасно мутит, — сказала она чуть хрипло. — Я... Я... пойду домой.

— О, ты не можешь уйти, не выпив чаю! — воскликнула Аня в ужасе. — Я сейчас принесу чай... Я сию минуту поставлю чайник.

— Я должна идти домой, — повторяла Диана тупо, но решительно.

— Ну съешь хоть что-нибудь, — умоляла Аня. — Позволь, я угощу тебя фруктовым пирогом и вишневым вареньем. Приляг на диван на минутку, и тебе станет лучше. Что у тебя болит?

— Я должна идти домой, — сказала Диана, и это было все, чего от нее можно было добиться. Тщетно Аня просила ее остаться.

— Я никогда не слышала, чтобы гости уходили без чая, — сокрушалась она. — О, Диана, как ты думаешь, не может быть, что ты и вправду заразилась оспой? Если ты заразилась, я приду и буду ухаживать за тобой, можешь на меня положиться, я тебя никогда не покину. Но сейчас я так хочу, чтобы ты выпила чаю. Где у тебя болит?

— Голова ужасно кружится, — сказала Диана.

И действительно, она шла, сильно шатаясь. Аня со слезами разочарования принесла Диане шляпу и проводила ее до калитки дома Барри. Потом она плакала всю обратную дорогу до Зеленых Мезонинов, где в глубокой печали поставила остатки малинового сиропа в шкаф и заварила чай для Мэтью и Джерри, но весь интерес к этому занятию у нее пропал.

На следующий день было воскресенье. Дождь лил как из ведра с самого утра до ночи, и Аня не выходила из Зеленых Мезонинов. В понедельник после обеда Марилла послала ее с поручением к миссис Линд. Очень скоро Аня уже мчалась обратно, а по лицу ее катились крупные слезы. Она влетела в кухню и в отчаянии упала на диван лицом вниз,

— Что еще случилось, Аня? — осведомилась Марилла испуганно и неуверенно. — Надеюсь, ты не заболела и не надерзила опять миссис Линд?

Никакого ответа, кроме слез и бурных рыданий.

— Аня, когда я задаю вопрос, я хочу, чтобы мне отвечали. Сядь прямо сию же минуту и скажи мне, о чем ты плачешь.

Аня села, словно олицетворение трагедии.

— Миссис Линд заходила сегодня к миссис Барри, и миссис Барри была в ужасном состоянии, — всхлипывала она. — Она говорит, что в субботу я напоила Диану *пьяной* и отправила ее домой в кошмарном виде. И она говорит, что я, должно быть, совершенно испорченная, злая девочка и что она никогда-никогда больше не позволит Диане играть со мной. О, Марилла, каким я охвачена горем!

Марилла уставилась на нее, остолбенев от изумления.

— Напоила Диану *пьяной*! — сказала она, когда к ней вернулся дар речи. — Аня, кто сошел с ума — ты или миссис Барри? Да что, скажи на милость, ты ей дала?

— Ничего, кроме малинового сиропа, — всхлипывала Аня. — Я понятия не имела, что от малинового сиропа люди делаются пьяными, Марилла... даже если выпить три больших стакана, как Диана. О, это так страшно звучит... пьяная... как... как... муж миссис Томас! Но я не хотела напоить ее!

— Напоить! Что за чепуха! — сказала Марилла, направляясь к шкафу. Там на полке стояла бутылка, в которой она с первого взгляда узнала свою трехлетней давности смородинную настойку, изготовлением которой она славилась на всю Авонлею, хотя некоторые из людей особенно строгих правил, и среди них миссис Барри, весьма ее за это осуждали. В ту же минуту Марилла вспомнила, что она поставила бутылку с малиновым сиропом в подвал, а не в шкаф, как она сказала Ане.

Она вернулась обратно в кухню с бутылкой в руке: Несмотря на все усилия, ей было трудно удержаться от смеха.

— Аня, у тебя прямо-таки дар создавать себе самой неприятности. Ты угостила Диану смородинной настойкой вместо малинового сиропа. Неужели ты сама не почувствовала разницы?

— Я его и не пробовала, — возразила Аня. — Я думала, это сироп. Я хотела быть такой... такой... гостеприимной. Диану ужасно затошнило, и ей пришлось пойти домой. Миссис Барри сказала миссис Линд, что Диана была совершенно пьяной. Она только глупо посмеивалась, когда мама спрашивала ее, что случилось, и легла спать, и проспала несколько часов. Ее мама по запаху догадалась, что Диана пьяная. У нее вчера весь день страшно болела голова. Миссис Барри ужасно возмущена. Она никогда не поверит, что я сделала это ненарочно.

— Я думаю, она лучше поступила бы, если бы наказала Диану за жадность. Выпить три стакана! — сказала Марилла решительно. — Да даже если бы это был всего лишь сироп, от трех таких больших стаканов ее бы затошнило. Эта история даст удобный повод для новых нападок всем, кто осуждает меня за то, что я делаю смородинную настойку. Правда, я уже не делала ее три года, с тех пор как узнала, что священник тоже этого не одобряет. А эту бутылку я держала на случай болезни. Ну, ну, Аня, не плачь! Тебя не в чем винить, хотя очень жаль, что так получилось.

— Я не могу не плакать, — сказала Аня. — Сердце мое разбито! Сама судьба против меня, Марилла. Нас с Дианой разлучают навеки! О, Марилла, не думала я, что так будет, когда мы впервые принесли обеты вечной дружбы.

— Да ну, что за глупости, Аня. Миссис Барри изменит свое мнение, когда узнает, что ты ни в чем не виновата. Она, наверное, думает, что ты сделала это из глупого озорства или что-то в этом роде. Лучше сходи к ней сегодня вечером и объясни, как все случилось.

— Мне страшно даже подумать, что нужно взглянуть в лицо негодующей Дианиной маме, — вздохнула Аня. — Я хотела бы, чтобы к ней сходили вы, Марилла. Вы внушаете гораздо больше уважения, чем я. Она скорее послушает вас, чем меня.

— Хорошо, я схожу, — согласилась Марилла, подумав, что это действительно будет разумнее. — Не плачь, Аня. Все будет хорошо.

Но к тому времени, когда Марилла вернулась из Садового Склона, она уже изменила свое мнение на тот счет, что все будет хорошо. Аня ждала ее возвращения и выбежала ей навстречу.

— О, Марилла, я по вашему лицу вижу, что все бесполезно! — горестно воскликнула она. — Миссис Барри не простит меня?

— Миссис Барри! — фыркнула Марилла. — С кем другим еще можно договориться, но никак не с ней! Я ей сказала, что произошла ошибка и что ты не виновата, но она мне не поверила. Она все свалила на мою смородинную настойку и напомнила мне с упреком мои слова, что настойка никому не может повредить. Тогда я ей прямо сказала, что никто не пьет три стакана настойки за раз и что, если бы у меня был такой жадный ребенок, я отрезвила бы его, хорошенько отшлепав.

Марилла удалилась в кухню в сильном раздражении, оставив на крыльце обезумевшую от горя маленькую душу. И тогда Аня с непокрытой головой шагнула в промозглые осенние сумерки, очень решительно и твердо она направила свой путь через увядший клеверный луг, через бревенчатый мостик, через еловый лесок на холме, освещаемая лишь бледной луной, которая висела на западе над лесом. Миссис Барри, открывшая дверь в ответ на робкий стук,

увидела на пороге маленького просителя с побелевшими губами и полными мольбы глазами.

Лицо ее приняло суровое выражение. Миссис Барри была женщиной с глубокими предрассудками и предубеждениями, и гнев ее был холодным и мрачным; такой гнев труднее всего преодолеть. Справедливости ради нужно сказать, что она была глубоко убеждена, что Аня напоила Диану со злым умыслом, и потому всей душой стремилась оградить свою дочку от дурного влияния такого ребенка.

— Что тебе? — спросила она холодно.

Аня умоляюще сложила руки:

— Ах, миссис Барри, пожалуйста, простите меня. Я не хотела... на... напоить... Диану. Как бы я могла? Только вообразите, что вы бедная маленькая сирота, которую взяли на воспитание добрые люди и у вас есть единственная на свете задушевная подруга. Вы думаете, что вы могли бы нарочно напоить ее? Я думала, что это всего лишь малиновый сироп. Я была твердо уверена, что это малиновый сироп. О, прошу вас, не говорите, что вы не позволите больше Диане играть со мной! Не покрывайте мою жизнь мрачной тучей отчаяния!

Эта речь, которая, без сомнения, смогла бы тронуть сердце миссис Линд в мгновение ока, не произвела никакого впечатления на миссис Барри; напротив, она только раздражила ее еще больше. Она с подозрением отнеслась к Аниным возвышенным словам и драматическим жестам. Ей показалось, что девочка издевается над ней. Поэтому она ответила холодно и жестоко:

— Я считаю твое общество неподходящим для Дианы. Иди домой и веди себя как следует.

У Ани задрожали губы.

— Позвольте мне увидеться с Дианой, чтобы сказать ей последнее прости, — с мольбой сказала она.

— Диана уехала с отцом в Кармоди, — ответила миссис Барри, вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Аня вернулась в Зеленые Мезонины со спокойствием отчаяния.

— Последняя моя надежда умерла, — сказала она Марилле. — Я сама сходила и поговорила с миссис Барри, но она обошлась со мной оскорбительно. Марилла, я не считаю ее учтивой женщиной. Ничего не остается, кроме как молиться, но я не очень надеюсь, что это поможет, Марилла. Я не верю, что сам Бог может чего-то добиться, имея, дело с такой упрямой особой, как миссис Барри.

— Аня, ты не должна говорить такие вещи, — строго заметила Марилла, борясь с нечестивым желанием рассмеяться, которое, к ее ужасу, овладевало ею все сильнее. В тот вечер, рассказывая всю эту историю Мэтью, она смеялась от души.

Но когда, перед тем как лечь спать, она зашла в комнатку в мезонине и увидела, что Аня уже выплакалась и уснула, непривычная мягкость прокралась в выражение ее лица.

— Бедняжка, — пробормотала она, отводя спутанную прядь волос с залитого слезами лица девочки. Потом она наклонилась над спящей и поцеловала ее горячую щеку.

Глава 17

Новая цель в жизни

На следующий день после обеда, когда Аня сидела в кухне, усердно трудясь над своим лоскутным покрывалом, она случайно взглянула в окно и увидела Диану, стоящую возле Ключа Дриад и подающую ей таинственные знаки. В то же мгновение Аня выбежала из дома и полетела в долину; удивление и надежда сменяли друг друга в ее выразительных глазах. Но надежда поблекла, когда, подбежав, она увидела удрученное лицо Дианы.

— Твоя мама не смягчилась? — задышавшись, спросила она.

Диана уныло покачала головой:

— Нет. Ох, Аня, она говорит, что больше не позволит мне играть с тобой. Я плакала и

плакала и говорила ей, что ты не виновата, но все бесполезно. Я только уговорила ее позволить мне сбежать сюда и попрощаться с тобой. Она сказала, что я могу сходить, но только на десять минут, — она заметит время по часам.

— Десять минут — это слишком мало, чтобы успеть проститься навеки, — сказала Аня со слезами. — Ах, Диана, обещай никогда не забывать меня, подругу своей юности, какие бы близкие друзья ни появились в твоей жизни в будущем.

— Конечно не забуду, — всхлипнула Диана, — и никогда у меня не будет другой задушевной подруги... я не хочу другой. Я не смогу никого полюбить так, как тебя.

— О, Диана, — воскликнула Аня, складывая руки, — ты меня *любишь*?

— Ну конечно. Разве ты не знала?

— Нет. — Аня глубоко вздохнула. — Я, конечно, думала, что и тебе *нравлюсь*, но даже и не надеялась, что ты меня *любишь*. Ах, Диана, я не предполагала, что кто-то может полюбить меня. Никто никогда меня не любил, сколько я себя помню. Ах, это чудесно! Это луч света, который вечно будет прорезать мрак моего жизненного пути, отныне разошедшегося с твоим, Диана... О, скажи это еще раз!

— Я тебя по-настоящему люблю, Аня, — заверила Диана, — и всегда буду любить, можешь быть уверена.

— И я всегда буду любить тебя, Диана, — сказала Аня, торжественно протягивая руку. — и в будущем память о тебе вечно будет сиять словно звезда над моей одинокой судьбой, как написано в той повести, последней, которую мы читали вместе. Диана, дашь ли ты мне на память один из своих черных как смоль локонов, чтобы я могла вечно хранить его как самое дорогое сокровище?

— А у тебя есть чем отрезать? — спросила Диана, вытирая слезы, вызванные Аниными трогательными речами, и обращаясь к практической стороне вопроса.

— Да, к счастью, у меня в кармане передника лежат мои рабочие ножницы, — сказала Аня и торжественно срезала один из локонов Дианы. — Прощай навек, любимая подруга! Отныне мы должны быть чужими друг другу, живя так близко. Но мое сердце будет вечно хранить верность тебе.

Аня стояла и провожала Диану взглядом, печально взмахивая на прощание рукой каждый раз, когда та оборачивалась. Потом она вернулась домой, ничуть не утешенная этим романтическим прощанием.

— Все кончено, — сообщила она Марилле. — У меня никогда больше не будет подруги. Мне еще хуже, чем прежде, потому что теперь у меня нет Кейти Морис и Виолетты. Но даже если бы они и были, это ничего не изменило бы. Почему-то такие придуманные девочки уже не могут удовлетворить после настоящей подруги. У нас с Дианой было такое трогательное прощание у источника! Оно навсегда останется для меня священным воспоминанием. Я говорила самые трогательные и возвышенные слова, какие могла придумать... Диана дала мне свой локон, и я собираюсь сшить для него маленький мешочек и носить его на шее всю жизнь. Пожалуйста, проследите, чтобы меня с ним и похоронили, потому что, я думаю, жизнь моя окажется недолгой. Возможно, когда миссис Барри увидит меня мертвой и окоченевшей, она почувствует угрызения совести из-за того, что она сделала, и позволит Диане присутствовать на моих похоронах.

— Не думаю, чтобы тебе грозило умереть от горя, пока ты можешь болтать не переводя дыхания, — сказала Марилла без всякого сочувствия.

В следующий понедельник Марилла была безмерно удивлена, увидев Аню, спускающуюся из своей комнаты с корзинкой книг в руке и решительно сжатыми губами.

— Я возвращаюсь в школу, — объявила она. — Это все, что осталось мне в жизни теперь, когда моя подруга безжалостно отторгнута от меня. В школе я смогу смотреть на нее и предаваться мыслям о минувших днях.

— Лучше бы ты предавалась мыслям о своих уроках и задачках, — сказала Марилла, ничем не выдав своей радости от такого неожиданного оборота событий. — И надеюсь, мы больше не услышим о грифельных дощечках, разбитых о чью-либо голову, и прочих

подобных вещах. Веди себя хорошо и делай, что велит учитель.

— Я постараюсь стать образцовой ученицей, — согласилась Аня меланхолично. — Не думаю, чтобы это оказалось очень приятно. Мистер Филлипс говорил, что Минни Эндрюс — образцовая ученица, а в ней нет даже искры воображения или живости. Она такая скучная и тупая и, кажется, ничему никогда не радуется. Но я чувствую себя такой подавленной, что, вероятно, мне будет нетрудно стать похожей на нее. Я буду ходить в школу по большой дороге. Я не в силах была бы пройти одна по Березовой Дорожке. Я всю дорогу плакала бы горькими слезами.

В школе Аню встретили с распростертыми объятиями. Ее воображения не хватало в играх, голоса — в песнях, театральных способностей — при чтении вслух в обеденный час. Руби Джиллис во время чтения Библии украдкой переслала ей три синие сливы, а Элла Макферсон подарила огромную желтую маргаритку, вырезанную из обложки каталога семян, — разновидность украшения парты, высоко ценившаяся в авонлейской школе. София Слоан предложила научить ее вязать крючком прелестнейшие кружавчики, чтобы украсить ими передничек. Кейти Бултер дала ей бутылочку из-под духов, чтобы держать в ней воду для грифельной дощечки, а Джули Белл старательно переписала на листочек бледно-розовой бумаги с зубчиками по краям следующие душевные излияния:

К Ане
Лишь первая вечерняя звезда
Прольет на мир свой яркий луч легко,
Подругу вспомни верную тогда,
Хотя она, быть может, далеко.

— Так приятно, когда тебя ценят, — восторженно вздохнула Аня, рассказывая Марилле в тот вечер о школе.

Не только девочки «ценили» ее. Когда Аня после обеда вернулась на свое место — мистер Филлипс посадил ее рядом с образцовой Минни Эндрюс, — она обнаружила на своей парте большое и сочное «ананасное» яблоко. Аня схватила его и только собралась впиться в него зубами, как вспомнила, что единственным местом в Авонлее, где росли такие яблоки, был старый сад Блайтов по другую сторону Озера Сверкающих Вод. Аня отбросила яблоко, словно это был раскаленный уголь, и демонстративно вытерла пальцы носовым платком. Яблоко оставалось лежать нетронутым на ее парте до следующего утра, когда маленький Тимоти Эндрюс, который подметал школу и растапливал камин, присвоил его в качестве дополнительного дохода. Более благосклонный прием встретил великолепный карандаш для грифельной дощечки, покрытый красно-желтой полосатой оболочкой и стоивший два цента, в то время как обычные карандаши стоили только один. Его прислал ей после обеда Чарли Слоан. Аня соизволила благосклонно принять карандаш и наградила дарителя улыбкой. Чарли почувствовал себя на седьмом небе от радости и в результате наделал таких ужасных ошибок в диктанте, что мистер Филлипс оставил его после уроков их исправлять.

Но главное, что омрачало Анин маленький триумф, было явное отсутствие какого-либо подношения или знака внимания со стороны Дианы Барри, которая сидела теперь с Герти Пай.

— Я думаю, Диана могла бы хоть разок мне улыбнуться, — жаловалась Аня в тот вечер Марилле.

Но на следующее утро предусмотрительно и умело свернутая записочка вместе с небольшим пакетиком были украдкой переданы Ане.

"Дорогая Аня, — говорилось в записке, — мама не разрешает мне ни играть, ни разговаривать с тобой даже в школе. Я не виновата и не сердись на меня, потому что я люблю тебя, как всегда. Мне ужасно тебя не хватает и некому рассказать мои секреты, и мне ничуть не нравится Герти Пай. Я сделала для

тебя закладку для книжки из красной папиросной бумаги. Они сейчас ужасно модные, и только три девочки в школе знают, как их делать. Каждый раз, когда посмотришь на нее, вспоминай твою верную подругу Диану Барри".

Аня прочитала записку, поцеловала закладку и быстро переслала в другой конец класса свой ответ.

"Единственная моя Диана, конечно я не сержусь на тебя, потому что ты должна слушаться маму. Но душой мы можем слиться. Твой прилежный подарок я сохраню навсегда. Минни Эндрюс — очень хорошая девочка (хотя у нее совсем нет воображения), но после того, как я была задушевной подругой Дианы, я не могу дружить с Минни. Прости, если в письме есть ошибки, я пока еще не очень грамотно пишу, хотя ошибок уже стало меньше.

Твоя, пока смерть нас не разлучит,
Анна, или Корделия, Ширли.

P. S. Я буду спать сегодня с твоим письмом под подушкой. А., или К., Ш."

Марилла с пессимизмом ожидала новых неприятностей, когда Аня снова начала ходить в школу. Но опасения не оправдались. Быть может, Аня переняла некоторые черты у «образцовой» Минни Эндрюс; по крайней мере, в ее отношениях с мистером Филлипсом все было в порядке. Она всей душой предалась учебе, исполненная решимости не дать себя ни в чем обогнать Гилберту Блайту. Соперничество в учебе между ними вскоре стало очевидным. Оно было вполне благожелательным со стороны Гилберта; но, боюсь, нельзя было сказать того же об Ане, которая, несомненно, руководствовалась не заслуживающими похвалы враждебными чувствами. Она была столь же страстной в ненависти, сколь и в любви. Она не снисходила до того, чтобы признать, что соперничает с Гилбертом в учебе, потому что это означало бы признать его существование, которого упорно старалась не замечать. Но соперничество существовало, и награды доставались им поочередно. То Гилберт был первым в правописании, то Аня, упрямо тряхнув своими рыжими косами, писала правильно трудное слово. Один день Гилберт решил правильно все задачи, и его имя было написано на классной доске в списке отличившихся; на следующий день Аня, целый вечер накануне упорно бившаяся над десятичными дробями, оказалась первой в этом списке. В один ужасный день они разделили между собой первое место, и их имена оказались на доске рядом. Это почти равнялось объявлению "Обратите внимание", и огорчение Ани было столь же очевидным, как и удовлетворение Гилберта. Когда в конце каждого месяца проходили письменные контрольные работы, напряжение возрастало еще сильнее. В первом месяце Гилберт был на три балла впереди, в следующем — Аня опередила его на пять. Но ее триумф был омрачен тем обстоятельством, что Гилберт сердечно поздравил ее перед всей школой. Ей было бы гораздо милей, если бы он ощутил горечь своего поражения.

Мистер Филлипс мог и не быть очень хорошим учителем, но ученица, которая была так решительно настроена на учебу, как Аня, не могла не добиться успеха при любом учителе. К концу полугодия и Аня и Гилберт были переведены в пятый класс и приступили к изучению "элементов отраслей знания", каковыми считались такие предметы, как латынь, французский, геометрия и алгебра.

В геометрии Аня нашла свое Ватерлоо.⁴

— Это просто ужасный предмет, Марилла, — стонала она. — Я уверена, что ничего в ней не разберу. Здесь совершенно нет простора для воображения. Мистер Филлипс говорит, что он не видел никого тупее меня в геометрии. А Гил... я хочу сказать, некоторые другие так здорово в ней соображают. Это ужасно унижительно, Марилла. Даже Диана лучше

---

⁴ Ватерлоо — местность в Бельгии, где в 1815 г. Наполеон потерпел крупнейшее поражение.

решает задачки по геометрии, чем я. Но я совсем не против, если Диана в чем-то лучше меня. Хотя мы и встречаемся теперь как чужие, я по-прежнему люблю ее *неугасимой* любовью. Мне иногда очень грустно, когда я о ней думаю. Но, честное слово, Марилла, человек не может очень долго оставаться печальным в таком интересном мире, ведь правда?

Глава 18

Аня приходит на помощь

В се великие события тесно переплетаются с событиями незначительными. На первый взгляд может показаться невероятным, что решение очередного премьер-министра Канады включить остров Принца Эдуарда в маршрут своей официальной поездки по стране могло иметь важное, или вообще какое бы то ни было, значение в судьбе маленькой Ани Ширли из Зеленых Мезонинов. Но случилось именно так.

Было это в январе. Премьер приехал, чтобы обратиться к своим верным сторонникам, а также к тем из противников, которые решили принять участие в огромном митинге, устраиваемом в Шарлоттауне. Большинство жителей Авонлеи принадлежало к числу политических сторонников премьера, и поэтому в день митинга почти все мужчины и огромное большинство женщин отправились в город, лежавший за тридцать миль от Авонлеи. Миссис Рейчел Линд отправилась вместе со всеми. Миссис Рейчел Линд была занятым политиком и считала, что политическое собрание не может обойтись без ее присутствия, хотя она и принадлежала к противникам премьера. А потому она отправилась в город и взяла с собой мужа — Томас мог пригодиться, чтобы приглядеть за лошадью, — и Мариллу Касберт. Марилла в глубине души тоже живо интересовалась политикой и, рассудив, что это, вероятно, единственный шанс для нее увидеть настоящего живого премьера, быстро ухватила за представившуюся возможность, оставив дом на целые сутки на попечение Ани и Мэтью.

И таким образом, в то время как Марилла и миссис Рейчел славно проводили время на митинге, Аня и Мэтью вдвоем хозяйствовали в уютной кухне Зеленых Мезонинов. Яркий огонь пылал в старомодном камине, а на оконных стеклах сверкали бело-голубые морозные узоры. Мэтью, сидя на диване, клевал носом над газетой "Друг фермера", а Аня за столом с мрачной решимостью учила уроки, порой бросая печальные взгляды на полку под часами, где лежала новая книжка, которую в тот день дала ей почитать Джейн Эндрюс. Джейн уверяла, что от этой книжки ее не раз проняла дрожь, или что-то в этом роде, и у Ани руки сами собой тянулись к книжке. Но приняться за чтение означало согласиться на завтрашний триумф Гилберта Блайта. Аня повернулась спиной к полке и постаралась вообразить, что там ничего не лежит.

— Мэтью, а вы учили в школе геометрию?

— Нет, не учил, — сказал Мэтью, вздрогнув и очнувшись от дремы.

— Жаль, — вздохнула Аня, — иначе вы могли бы мне посочувствовать. Раз вы ее никогда не учили, вы не можете полностью войти в мое положение. Она омрачает все мое существование. Я такая бестолковая в геометрии, Мэтью.

— Ну, не думаю, — сказал Мэтью утешающе. — У тебя отличные способности. Мистер Филлипс говорил мне на прошлой неделе, когда мы столкнулись в магазине Блэра в Кармоди, что ты самая способная ученица в школе и делаешь необыкновенно быстрые успехи. "Необыкновенно быстрые успехи" — это его собственные слова. Есть, правда, такие, кто пренебрежительно отзывается о Тедди Филлипсе и говорит, что он не ахти какой учитель, но я думаю, он что надо.

Мэтью счел бы любого, кто хвалит Аню, "что надо".

— Я уверена, что у меня с геометрией дело шло бы лучше, если бы только он не ставил каждый раз новые буквы, — жаловалась Аня. — Я выучиваю доказательство наизусть, а потом он рисует на доске и ставит буквы не такие, как в учебнике, и у меня все перепутывается. Я считаю, что учитель не должен так нечестно поступать, вы согласны? Мы

теперь изучаем и сельское хозяйство, и я наконец узнала, почему дороги красные. Так приятно, что я это теперь знаю! Интересно, как там Марилла и миссис Линд на митинге. Миссис Линд говорит, что Канада разорится до нитки при той политике, какую ведет Оттава, и что это должно послужить предупреждением для избирателей. Она говорит, что, если бы было введено избирательное право для женщин, мы скоро стали бы свидетелями благословенных перемен. Мэтью, а вы за кого голосуете?

— За консерваторов, — ответил Мэтью, не задумываясь. Голосовать за консерваторов было частью его религии.

— Тогда я тоже консерватор, — сказала Аня решительно. — Я очень этому рада, потому что Гил... потому что некоторые мальчики в школе — либералы. Я думаю, что мистер Филлипс тоже либерал, потому что отец Присси Эндрюс голосует за либералов, а Руби Джиллис говорит, что, когда мужчина ухаживает за девушкой, он должен соглашаться с ее матерью в вопросах религии, а с отцом — в вопросах политики. Это правда, Мэтью?

— Мм... не знаю, — сказал Мэтью.

— А вы когда-нибудь ухаживали за девушкой, Мэтью?

— Мм... нет, кажется, никогда, — сказал Мэтью, даже не задумывавшийся о таких вещах на протяжении всего своего существования.

Аня размышляла, подперев подбородок руками.

— А ведь это, должно быть, довольно интересно, как вы думаете, Мэтью? Руби Джиллис говорит, что когда она вырастет, то постарается, чтобы у нее было много поклонников, которых она будет сводить с ума и водить за нос; но мне кажется, это было бы слишком беспокояно. Я предпочла бы иметь одного, и в своем уме. Но, конечно, Руби Джиллис знает гораздо больше об этих делах, потому что у нее столько взрослых сестер, а миссис Линд говорит, что дочки у Джиллисов идут нарасхват, как горячие булочки. Мистер Филлипс заходит домой к Присси Эндрюс почти каждый вечер. Он говорит, что помогает ей готовиться к экзаменам, но Миранда Слоан тоже собирается поступать в учительскую семинарию, мне кажется, что ей помощь гораздо нужнее, чем Присси, потому что она гораздо глупее, но он никогда не ходит помогать ей по вечерам. В этом мире, Мэтью, очень много такого, что я не совсем понимаю.

— Ну, я и сам не все понимаю, — признался Мэтью.

— Ну вот, мне надо доделывать уроки. Я не позволю себе открыть эту новую книжку, которую мне дала Джейн, пока все не выучу. Но это ужасное искушение, Мэтью. Даже когда я поворачиваюсь к полке спиной, я все равно словно вижу эту книжку. Джейн говорит, что плакала над ней до изнеможения. Я люблю книжки, над которыми плачешь. Но я думаю, мне лучше отнести эту книжку в гостиную, запереть на ключ в шкаф, где стоит варенье, а ключ отдать вам. А вы не давайте мне его, Мэтью, пока я не сделаю уроки, даже если я на коленях буду умолять вас. Хорошо говорить, что будешь противиться искушению, но гораздо легче ему противиться, когда под рукой нет ключа. А может, мне сбежать в подвал и принести яблок, Мэтью? Вы любите ранет?

— Мм... не знаю, я не против, — сказал Мэтью, который никогда в рот не брал этих яблок, но знал Анину к ним слабость.

Когда Аня с тарелкой коричневатых-желтых яблок торжественно появилась из подвала, неожиданно послышались торопливые шаги на обледеневшей дорожке перед кухней. В следующий момент дверь распахнулась, и в кухню ворвалась Диана Барри, бледная и запыхавшаяся, в небрежно накинутой на голову шали. Аня от удивления выпустила из рук свечу и тарелку, и все вместе — тарелка, свеча и яблоки — с грохотом покатились по лестнице в подвал, где все это, испачканное растопленным стеарином, нашла и собрала на следующий день Марилла, возблагодарив провидение за то, что дом не загорелся.

— Что случилось, Диана? — воскликнула Аня. — Ты, наконец, уговорила маму?

— Ох, Аня, пойдем скорее, — умоляла Диана в волнении. — Наша Минни ужасно заболела... У нее круп. Это молодая Мэри Джо говорит... А папа с мамой уехали в город, и некому поехать за доктором. Минни ужасно плохо... и Мэри просто не знает, что делать...

и... Ох, Аня, мне так страшно!

Мэтью, не говоря ни слова, взялся за шапку и пальто, проскользнул мимо Дианы и исчез в темноте двора.

— Он пошел запрятать гнедую, чтобы ехать в Кармоди за доктором, — сказала Аня, торопливо натягивая капор и пальтишко. — Я в этом уверена так, будто он мне об этом сказал. Мы с Мэтью — родственные души, и я могу читать его мысли, и слова не нужны.

— Боюсь, он не застанет доктора в Кармоди, — всхлипывала Диана. — Я знаю, что доктор Блэр уехал в город на митинг, и доктор Спенсер, наверное, тоже. Мэри никогда не видела больных крупом, а миссис Линд тоже уехала. О, Аня!

— Не плачь, Ди, — сказала Аня бодро, — Я точно знаю, что надо делать при крупе. Ты забываешь, что у миссис Хаммонд три раза были близнецы. Если нянчишь три пары близнецов, то, разумеется, приобретаешь большой опыт. У них у всех по очереди был круп. Подожди минутку, я возьму бутылочку с ипекакуаной...⁵ а то у вас дома может и не оказаться. Ну, пошли!

Взявшись за руки, девочки выбежали из дома и поспешили по Тропинке Влюбленных и через заледеневшее поле, потому что снег в лесу был слишком глубок, чтобы можно было добраться кратчайшей дорогой. Аня, хотя и искренне огорченная болезнью Минни, не могла остаться равнодушной к романтичности всей ситуации и приятному чувству от возможности еще раз разделить эту романтичность с родственной душой.

Ночь была ясной и морозной. Тени деревьев казались эбеново-черными, а покрытый снегом склон — серебряным; крупные звезды сияли над тихими полями; тут и там стояли темные островерхие ели с припорошенными снегом ветвями, и ветер свистел в них. Аня думала о том, как восхитительно бежать и мельком оглядывать всю эту таинственность и прелесть вместе со своей задушевной подругой, с которой так давно была разлучена.

Минни, трехлетняя малышка, действительно была очень больна. Она лежала на диване в кухне, метаясь в жару, а ее хриплое дыхание было слышно во всем доме. Молодая Мэри Джо, полногрудая и широколицая французская девушка из Крик, которую миссис Барри наняла на время своего отсутствия приглядеть за детьми, совершенно потеряла голову и была не в состоянии ни подумать о том, что нужно делать, ни сделать, даже если бы знала, как поступить.

Аня принялась за дело умело и быстро.

— У Минни несомненно круп. Случай тяжелый, но я видела и хуже. Прежде всего нам потребуется много горячей воды. Я уверена, Диана, что воды в чайнике не больше чашки! Вот, я его наполню. Мэри, вы могли бы подложить поленьев в печку? Я не хочу ранить ваши чувства, но мне кажется, что вы и сами могли об этом догадаться, будь у вас хоть капля воображения. Теперь я раздену Минни и уложу в постель, а ты, Диана, постарайся найти мягкую фланелевую одежду. Прежде всего я хочу дать ей дозу ипекакуаны.

Минни не хотела принимать лекарство, но недаром Аня вынянчила три пары близнецов. Ипекакуана была благополучно проглочена, и не один раз в эту долгую тревожную ночь, когда обе девочки терпеливо ухаживали за больной Минни, а Мэри, добросовестно старавшаяся сделать все, что могла, развела и поддерживала в печи такой сильный огонь, что пламя даже гудело, и кипятила столько воды, что хватило бы на целую больницу страдающих от крупа детей.

Было три часа ночи, когда приехал Мэтью с доктором, которого ему удалось найти только в Спенсервале. Но срочная необходимость в помощи врача уже отпала. Минни было гораздо лучше, и она крепко спала.

— В какой-то момент я была ужасно близка к отчаянию, — объясняла Аня. — Ей становилось все хуже и хуже, хуже, чем близнецам Хаммондов, даже последней паре. Я даже подумала, что она задохнется. Я дала ей все, что еще оставалось в бутылке, и сказала себе —

---

⁵ Ипекакуана — рвотный корень.

не Диане или Мэри, потому что я не хотела пугать их еще больше, они и так были напуганы, но самой себе, чтобы дать выход чувствам: "Это последняя слабая надежда, и боюсь, напрасная". Но через три минуты она откашляла пленку и сразу почувствовала себя лучше. Вам придется просто вообразить, доктор, какое я испытала чувство облегчения, потому что я не могу выразить это словами. Знаете, есть некоторые вещи, которые невозможно выразить словами.

— Да, я знаю, — кивнул доктор. Он смотрел на Аню так, как будто то, что он о ней думал, тоже невозможно было выразить словами. Потом он, впрочем, все-таки выразил это вернувшимся с митинга мистеру и миссис Барри:

— Эта рыжая девочка, которая живет у Касбертов, просто молодец! Могу вас уверить, что это она спасла жизнь вашей малышке, потому что могло быть уже слишком поздно, когда я добрался сюда. Она обладает и умением, и присутствием духа, совершенно удивительными в ребенке ее возраста. Я никогда не видел таких глаз, как у нее, когда она рассказывала мне, как все происходило.

Чудесным морозным белым утром Аня возвращалась домой с закрывающимися после бессонной ночи глазами, но по-прежнему неутомимо болтая с Мэтью, пока они пересекали длинное белое поле и брели под волшебным сверкающим сводом кленов по Тропинке Влюбленных.

— Ах, Мэтью, какое чудесное утро! Мир выглядит так, будто Бог придумал его для Своего собственного удовольствия, правда? Эти деревья выглядят так, будто я могла бы сдуть их своим дыханием! — Она подула. — Я так рада, что живу в мире, где бывают снега и морозы, а вы? И я так рада теперь, что у миссис Хаммонд было три пары близнецов. Иначе я не знала бы, как помочь Минни. Мне очень жаль, что я сердилась на миссис Хаммонд за то, что у нее близнецы. Ах, Мэтью, я совсем сплю. Я не могу идти в школу. Я чувствую, что не смогла бы держать глаза открытыми и оказалась бы такой бестолковой. Но я терпеть не могу оставаться дома, потому что Гил... кто-то другой станет первым в классе, а так трудно потом опять выйти вперед... Хотя, конечно, чем труднее, тем больше получаешь удовлетворения, когда добьешься успеха, правда?

— Ну, я думаю, ты справишься, — сказал Мэтью, глядя на Анино бледное лицо и темные круги под глазами. — Ты лучше сразу ложись в постель и выпишись как следует. Я сам все сделаю по дому.

Аня послушно легла в постель и спала так долго и крепко, что проснулась только, когда на дворе уже был ясный бело-розовый зимний день. Она спустилась в кухню, где уже сидела с вязаньем вернувшаяся домой Марилла.

— Ах, вы видели премьера? — тут же воскликнула Аня. — Как он выглядит, Марилла?

— Ну, премьером его наверняка выбрали не за его внешность, — сказала Марилла. — Ну и нос у него! Но говорить он умеет. Я была горда, что принадлежу к консерваторам. Рейчел Линд, конечно, как сторонница либералов, не получила никакого удовлетворения... Твой обед в печи, Аня; и можешь взять в кладовой сливовое варенье. Я думаю, ты ужасно голодна. Мэтью рассказал мне, что было ночью. Какое счастье, что ты знала, как помочь больной! Я бы понятия не имела, что делать, потому что никогда не видела больных крупом. Ну-ну, не говори ничего, пока не поешь. Я уже догадываюсь по твоему виду, что ты просто разрываешься от новостей, но они подождут.

У Мариллы тоже было что сказать Ане, но она молчала, так как знала, что неожиданное известие вызовет у Ани волнение, которое может совершенно оторвать ее от сферы таких прозаических вещей, как аппетит или обед. Только когда Аня доела свое блюдечко сливового варенья, Марилла сказала:

— Здесь сегодня была миссис Барри, Аня. Она хотела повидать тебя, но мне было жаль тебя будить. Она говорит, что ты спасла жизнь Минни, и очень жалеет, что поступила так жестоко в истории со смородиновой настойкой. Теперь она уверена, что ты не хотела напоить Диану пьяной, и надеется, что ты простишь ее и будешь дружить с ее дочкой, как прежде. Можешь сходить к ним сегодня вечером, если хочешь. Диана не может выйти из дома: она

простудилась вчера ночью. Аня, смилуйся, не взлетай в воздух от радости!

Предупреждение не было излишним. Аня порывисто вскочила, вся ее фигурка казалась воздушной, а лицо озарилось пламенной радостью.

— О, Марилла, можно мне пойти сразу... не вымыв посуды? Я все вымою, когда вернусь, но я не могу сосредоточиться ни на чем таком приземленном, как мытье посуды, в такой волнующий момент.

— Конечно, конечно беги, — сказала Марилла снисходительно. — Аня... ты с ума сошла! Сию минуту вернись и надень что-нибудь! С тем же успехом можно кричать ветру, — добавила она, обращаясь к себе самой. — Убежала с голой головой. Вон она несется напрямик через сад с развевающимися волосами. Просто чудо будет, если она не простудится насмерть!

Аня вернулась домой поздно вечером, когда на заснеженные поля уже легли пурпурные сумерки. Вдали на юго-западе сверкала похожая на огромную жемчужину вечерняя звезда. Небо казалось бледно-золотистым и эфирно-розовым над блеском белых просторов полей и темной зеленью елей. Звяканье колокольчиков пронесшихся между заснеженными холмами саней раздавалось в морозном воздухе, словно звон сказочных колокольчиков эльфов, но их музыка не была такой сладостной, как та, что звучала в Анином сердце и просилась на уста.

— Вы видите перед собой совершенно счастливого человека, Марилла, — объявила она. — Я совершенно счастлива... да, даже несмотря на мои рыжие волосы. В этот момент душой я выше рыжих волос. Миссис Барри поцеловала меня, заплакала и сказала, что виновата и что никогда не сумеет меня отблагодарить. Я была страшно смущена, Марилла, но ответила как можно вежливее: "Я не держу обиды на вас, миссис Барри, и уверяю вас раз и навсегда, что я не собиралась напоить Диану, и тем опускаю на прошлое покров забвения". Это были очень благородные слова, правда, Марилла? Я чувствую, что отплатила миссис Барри добром за зло... Мы с Дианой чудесно провели день. Диана показала мне новый вышивальный шов, которому ее научила ее тетя в Кармоди. Ни одна душа в Авонлее, кроме нас, его не знает, и мы торжественно поклялись не показывать его никому. Диана подарила мне красивую открытку, на которой нарисован венок роз и написаны стихи:

Два наших сердца слились в одно,
Их разлучить лишь смерти дано.

И в этих словах *такая* правда, Марилла! Мы собираемся попросить мистера Филлипса снова посадить нас за одну парту, а Гerti Пай может сесть с Минни Эндрюс. У нас было совершенно изысканное чаепитие. Миссис Барри достала свой лучший фарфоровый сервиз, Марилла, будто я была настоящая гостья. Не могу описать, какая меня от этого пронзила дрожь. Никто никогда не вынимал для меня своего лучшего сервиза. И мы ели фруктовый пирог, и кекс, и пончики, и два разных варенья. И миссис Барри спрашивала меня, налить ли мне еще чаю, и сказала: "Папочка, почему ты не подаешь Ане печенье?" Как, должно быть, приятно быть взрослым, Марилла, если так замечательно, даже когда с тобой только обращаются как со взрослым.

— Не знаю, — сказала Марилла с легким вздохом.

— Ну, во всяком случае, когда я вырасту, — сказала Аня решительно, — я всегда буду говорить с маленькими девочками как со взрослыми и никогда не буду смеяться, если они выразятся возвышенно. Я по собственному печальному опыту знаю, как это ранит чувства. После чая мы с Дианой делали конфетки из масла и сахара. Получилось не очень хорошо; наверное, потому, что ни Диана, ни я никогда их прежде не делали. Диана оставила меня переворачивать их, а сама смазывала маслом противни, но я забыла переворачивать, и они подгорели. А потом, когда мы выставили конфеты, чтобы остудить, кот прошел по одному противню, и конфеты с него пришлось выбросить. Но само их приготовление было огромным удовольствием. А когда я уходила домой, миссис Барри просила меня приходить

почаще, а Диана стояла у окна и посылала мне воздушные поцелуи всю дорогу, пока я шла по Тропинке Влюбленных. Марилла, я собираюсь сегодня сочинить особую, совершенно новую молитву в честь этого события.

Глава 19

Концерт, катастрофа и извинение

— Марилла, можно мне на минуточку отлучиться и сбежать к Диане? — спросила Аня как-то раз февральским вечером, сбежав вниз по лестнице из своего мезонина и запыхавшись.

— Не вижу причины, чтобы тебе нужно было выскакивать из дома, когда уже стемнело, — сказала Марилла решительно. — Вы с Дианой вместе шли из школы и потом стояли в снегу и молили языками еще полчаса. Поэтому я не думаю, что тебе уж так необходимо срочно увидеться с ней опять.

— Но она хочет меня видеть, — упрашивала Аня. — Ей нужно сказать мне что-то важное.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что она подала мне знак из окна. Мы придумали способ, как подавать знаки с помощью свечи и кусочка картона. Мы ставим зажженную свечу на подоконник и то закрываем ее картонкой, то открываем. Определенное число вспышек означает определенное известие. Это была моя идея, Марилла.

— Не сомневаюсь в этом, — сказала Марилла выразительно. — И уверена, что в ближайшее время вы подпалите занавески с этой своей глупой сигнализацией.

— О, мы очень осторожны, Марилла. И это так интересно! Два сигнала значат: "Ты дома?" Три — «да», а четыре — «нет». Пять значат: "Приходи как можно скорее, потому что мне нужно сказать тебе что-то важное". Диана только что подала пять сигналов, и меня мучит любопытство, что она хочет сказать.

— Ну, пусть оно тебя больше не мучает, — сказала Марилла с иронией. — Можешь сходить, но запомни: чтобы ты была здесь не позже чем через десять минут.

Аня запомнила и вернулась в положенный срок, хотя, вероятно, ни один смертный никогда не узнает, чего ей стоило ограничить десятью минутами обсуждение важного сообщения Дианы. Но этими десятью минутами она распорядилась с толком.

— Ах, Марилла, вообразите! Завтра у Дианы день рождения. И ее мама сказала, что она может пригласить меня к ним после школы, чтобы я осталась у них ночевать. Приедут ее кузены из Ньюбриджа на больших санях, чтобы завтра вечером посетить концерт в дискуссионном клубе. И они возьмут на концерт Диану и меня... то есть если вы меня отпустите, Марилла! О, я так взволнована!

— Можешь успокоиться, потому что ты туда не пойдешь. Тебе будет лучше дома в твоей собственной постели, а что до этого концерта в клубе, то это глупая идея, и маленьким девочкам вообще не следует позволять посещать подобные места.

— Я уверена, что дискуссионный клуб — это очень достойная организация, — защищалась Аня.

— Не спорю. Но не позволю тебе болтаться по концертам и проводить ночь неизвестно где. Хорошенькое занятие для детей, ничего не скажешь! Удивляюсь, что миссис Барри отпускает Диану.

— Но это такой особый случай, — умоляла Аня; она была готова заплакать. — У Дианы только один раз в году день рождения. День рождения — это не такое уж обыденное событие, Марилла. Присси Эндрюс будет декламировать "Звон вечерний не слышен сегодня". Это такое назидательное стихотворение, Марилла, я уверена, мне было бы очень полезно его послушать. А хор исполнит четыре прелестные трогательные песни, почти такие же возвышенные, как религиозные гимны! Ах, Марилла, даже священник собирается присутствовать; да, да, он там будет; он обратится к слушателям с речью. Это ведь почти то

же, что проповедь. Пожалуйста, позвольте мне пойти, Марилла!

— Аня, ты слышала, что я сказала? Сними ботинки и иди спать. Уже девятый час.

— Только еще одно слово, Марилла, — сказала Аня; по ее лицу было ясно, что она прибегает к последнему доводу. — Миссис Барри сказала, что мы можем спать в комнате для гостей. Подумайте, какая это честь для вашей маленькой Ани — спать в комнате для гостей!

— Это честь, без которой тебе придется обойтись. Иди спать, Аня, и чтобы я больше ни слова об этом не слышала.

Когда Аня, заливаясь слезами, исчезла наверху, Мэтью, который, казалось, сладко дремал в кресле на протяжении всего диалога, открыл глаза и сказал решительно:

— Марилла, я думаю, ты должна позволить Ане пойти на концерт.

— А я не позволю, — отрезала Марилла. — Кто воспитывает ребенка, Мэтью, ты или я?

— Ну конечно ты, — признал Мэтью.

— Тогда не вмешивайся.

— Я и не вмешиваюсь. Какое тут вмешательство, если у меня просто есть свое мнение. А мое мнение, что ты должна позволить Ане пойти.

— Ты сказал бы, что я должна позволить ей отправиться на Луну, если бы ей такое пришло в голову. Не сомневаюсь, — любезно отпарировала Марилла. — Я, может быть, и позволила бы ей провести ночь у Дианы, но если бы это было все. Но этих планов насчет концерта я не одобряю. Вполне вероятно, что она там может простудиться. Да и забудет себе голову всякой чепухой, возбудится и разволнуется на целую неделю. Я знаю характер этого ребенка лучше, чем ты, Мэтью, и понимаю, что для нее хорошо.

— Я думаю, что ты должна позволить Ане пойти, — повторил Мэтью твердо. Он не был силен в обосновании своих мнений, но держался их всегда очень упорно. Марилла беспомощно вздохнула и умолкла.

На следующее утро, после завтрака, когда Аня мыла посуду в буфетной при кухне, Мэтью, направлявшийся в амбар, остановился и опять сказал Марилле:

— Я думаю, ты должна позволить Ане пойти на концерт, Марилла.

На мгновение лицо Мариллы приобрело выражение, которое невозможно описать словами. Затем она покорилась неизбежному и сказала язвительно:

— Очень хорошо, пусть она идет, если ничто другое тебя удовлетворить не может.

В ту же минуту Аня вылетела из буфетной с мокрой тряпкой в руке:

— Ах, Марилла, повторите еще раз эти благословенные слова!

— Хватит того, что я их один раз сказала. Этим ты обязана Мэтью, и я умываю руки в этом деле. Если ты схватишь воспаление легких, когда будешь спать в чужой постели или выйдешь среди ночи на мороз из душного, жаркого зала, вини не меня, вини Мэтью. Аня, у тебя течет с грязной тряпки на пол! Никогда не видела такого неаккуратного ребенка!

— О, я знаю, что я сущее наказание для вас, Марилла, — сказала Аня с раскаянием. — Я делаю так много ошибок. Но только подумайте обо всех тех ошибках, которые я не совершила, хотя и могла. Я возьму песка и ототру все пятна с пола, перед тем как идти в школу. Марилла, я так страстно хочу попасть на этот концерт! Ни разу в жизни я не была на концерте, и когда другие девочки в школе говорили о концертах, я чувствовала, что я какая-то не такая. Вы не представляете, что я тогда чувствовала, но вот видите, Мэтью это понял. Мэтью меня понимает, а это так приятно, когда тебя понимают, Марилла.

В то утро Аня была слишком возбуждена, чтобы показать себя на уроках с лучшей стороны. Гилберт Блайт превзошел ее в правописании и совершенно затмил в устном счете. Однако Анино чувство унижения было куда меньшим, чем можно было ожидать, так как в перспективе она видела концерт и постель в комнате для гостей. Аня и Диана целый день без умолку говорили о том, что им предстояло, и с более строгим учителем, чем мистер Филлипс, уделом их стала бы ужасная немилость.

Аня чувствовала, что, если бы ей не позволили пойти на концерт, она бы этого не перенесла, потому что вся школа в тот день не говорила ни о чем другом, кроме концерта.

Авонлейский дискуссионный клуб, собрания которого проходили каждые две недели на протяжении всей зимы, уже провел несколько небольших бесплатных представлений, но этот концерт должен был стать крупным мероприятием; входной билет стоил десять центов, а сбор передавался в помощь библиотеке. Авонлейская молодежь репетировала уже несколько недель; особенный интерес к концерту проявляли те школьники, чьим старшим братьям и сестрам предстояло принять в нем участие. На концерт шли все школьники старше девяти лет, кроме Кэрри Слоан, отец которой разделял мнение Мариллы относительно присутствия маленьких девочек на вечерних концертах. Кэрри плакала весь день, уткнувшись в свою грамматику, и чувствовала, что жить на свете не стоит.

Для Ани настоящее волнение началось с момента окончания уроков и постепенно нарастало, пока не достигло своей кульминации в блаженном экстазе во время самого концерта.

Миссис Барри устроила "совершенно изысканное чаепитие", а затем наступил черед восхитительного занятия — одевания в маленькой комнате Дианы наверху. Диана зачесала Ане волосы надо лбом в новом стиле «помпадур», а Аня завязала Диане банты с особым мастерством, которым обладала. А потом они перепробовали, по крайней мере, десяток способов устройства своих волос на затылке. Наконец, они были готовы, щеки их алели, а глаза сияли радостным возбуждением.

Следует признать, что Аня не могла не ощутить неприятного чувства, сравнив свой простой черный берет и серое, бесформенное, с тесными рукавами пальто, сшитое Мариллой, с ловко сидевшим меховым колпачком и нарядным пальтишком Дианы. Но она вовремя вспомнила, что обладает воображением и может прибегнуть к его помощи.

Потом приехали кузены Дианы — семейство Мюррей из Ньюбриджа; все вместе они уселись в большие выстеленные соломой сани и закутались в меха. Аня наслаждалась этой поездкой. Сани легко скользили по гладкой, как шелк, дороге, и снег поскрипывал под полозьями. Закат был великолепен; и заснеженные холмы, и глубокие голубые воды залива Святого Лаврентия, казалось, были в ореоле сияния, словно огромная чаша из жемчугов и сапфиров, наполненная до краев вином и огнем. Звон колокольчиков чужих саней и отдаленный смех, казавшиеся отголосками веселья лесных эльфов, слышались со всех сторон.

— Ах, Диана, — вздохнула Аня, сжимая Дианину руку в варежке под меховой накидкой, — это словно прекрасный сон! Неужели я выгляжу как всегда? Я чувствую себя совсем другой, и мне кажется, это должно быть видно по моему лицу.

— Ты ужасно мило выглядишь, — сказала Диана, которая только что получила комплимент от одного из своих кузенов и чувствовала, что должна передать его дальше. — У тебя прелестный румянец!

Программа вечера состояла из номеров, каждый из которых "пронзал дрожью", по крайней мере одну из слушательниц, и, как Аня уверяла Диану, каждая следующая «дрожь» была еще более «пронзительной», чем предыдущая. Когда Присси Эндрюс, наряженная в новую розовую шелковую кофточку, с ниткой жемчуга на гладкой белой шейке и с живыми гвоздиками в волосах — ходили слухи, что учитель специально посылал за ними в город, — "поднималась в пугающем мраке по темным и шатким ступеням", Аня содрогалась, полностью предавшись сочувствию; когда хор запел "Далеко, над милыми маргаритками", Аня смотрела на потолок, словно он был расписан изображениями ангелов; когда после этого Сэм Слоан рассказывал и изображал "Как Сокери курицу на яйца сажал", Аня смеялась так заразительно, что сидевшие рядом с ней тоже стали смеяться, больше из симпатии к ней, чем от удовольствия слышать шутку, которая была слишком избитой даже для Авонлеи; и когда мистер Филлипс произносил монолог Марка Антония⁶ над телом Цезаря⁷ с самыми

---

⁶ Марк Антоний (83–30 гг. до н. э.) — знаменитый римский полководец, сторонник Цезаря.

⁷ Цезарь (100 — 44 гг. до н. э.) — великий римский полководец и государственный муж, погиб в результате

душераздирающими интонациями, поглядывая в конце каждой фразы на Присси Эндрюс, Аня чувствовала, что готова вскочить с места и тут же поднять мятеж, если бы хоть один римский гражданин указал путь.

Только один номер программы не смог вызвать у нее интереса. Когда Гилберт Блайт начал декламировать "Бинген на Рейне", Аня вынула книжку и читала ее, пока он не кончил, и сидела чопорно и неподвижно, в то время как Диана хлопала в ладоши, пока они у нее не заныли.

Было одиннадцать, когда они вернулись домой, пресыщенные впечатлениями, но с предчувствием огромного удовольствия от предстоящего обсуждения всех подробностей вечера. Все, казалось, уже спали, в доме было темно и тихо. Аня и Диана на цыпочках прошли в гостиную, длинную узкую комнату, дверь из которой вела в комнату для гостей. Там было восхитительно тепло, горячая зола в камине слабо освещала комнату.

— Давай разденемся здесь, — предложила Диана. — Тут так тепло и приятно.

— Концерт был восхитительный, правда? — вздохнула Аня с восторгом. — Как, должно быть, замечательно выйти на сцену и декламировать! Диана, как ты думаешь, нас когда-нибудь пригласят выступить?

— Конечно. Они всегда приглашают старших школьников. Гилберт Блайт часто выступает, а он всего на два года нас старше. Ах, Аня, как ты могла делать вид, что не слушаешь его? Когда он дошел до строчки: "Здесь есть другая, не сестра...", он смотрел прямо на тебя.

— Диана, — сказала Аня с достоинством, — ты моя задушевная подруга, но я не могу даже тебе позволить говорить со мной об этом человеке. Ты разделась? Давай наперегонки, кто скорее окажется в кровати!

Предложение понравилось Диане. Две маленькие фигурки в белых ночных рубашках помчались вдоль длинной гостиной, влетели через дверь в комнату для гостей и одновременно прыгнули на кровать. И тогда... что-то... зашевелилось под ними, раздался стон... и кто-то воскликнул придушенным голосом:

— Господи помилуй!

Аня и Диана не знали, каким образом они соскочили с кровати и выскочили из комнаты. Они знали только, что в результате этого безумного бега они очутились на лестнице и, дрожа, на цыпочках взбежали вверх.

— Ах, кто это был?... что это было? — прошептала Аня, стуча зубами от холода и страха.

— Это тетка Джозефина! — сказала Диана, задыхаясь от смеха. — Ах, Аня, тетка Джозефина! Как она там оказалась? Ох, я знаю, она будет в бешенстве! Это ужасно... это просто ужасно... но ты слышала что-нибудь забавнее, Аня?

— Кто это — тетка Джозефина?

— Это папина тетя, она живет в Шарлоттауне. Ужасно старая... ей, наверное, уже семьдесят лет... И я не верю, что она когда-нибудь была маленькой девочкой. Мы ждали, что она приедет, но позднее. Она ужасно чопорная и старая... и будет ужасно ругаться из-за того, что случилось... Ну, ничего не поделаешь, нам придется спать с Минни... Ты представить себе не можешь, как она брыкается во сне!

На следующее утро мисс Джозефина Барри не вышла к первому раннему завтраку. Миссис Барри ласково улыбнулась девочкам:

— Ну, надеюсь, вы хорошо вчера провели время. Я хотела вас дождаться, чтобы предупредить, что приехала тетя Джозефина и вам все-таки придется спать наверху, но я так устала, что заснула. Надеюсь, вы не побеспокоили тетю, Диана?

Диана благоразумно промолчала, но незаметно обменялась с Аней через стол виноватой улыбкой. После завтрака Аня поспешила домой и потому до вечера оставалась в

заговора в сенате.

блаженном неведении относительно бури, разразившейся в семействе Барри. Вечером она по поручению Мариллы пошла к миссис Линд.

— Так, значит, вы с Дианой вчера вечером напугали почти до смерти бедную старую мисс Барри? — сказала миссис Линд строго, но глаза у нее лукаво блеснули. — Миссис Барри заходила ко мне несколько минут назад по пути в Кармоди. Вся эта история для нее очень неприятна. Старая мисс Барри была в ужасном гневе, когда встала сегодня утром, а гнев Джозефины Барри не шутка, скажу я вам. Она не хочет даже разговаривать с Дианой.

— Диана не виновата, — сказала Аня сокрушенно. — Это все я. Я предложила бежать в кровать наперегонки.

— Я так и знала! — с торжеством сказала миссис Линд. — Я знала, что эта идея возникла в твоей голове. Ну и заварили вы кашу, скажу я вам. Старая мисс Барри приехала с намерением остаться на целый месяц, но теперь объявила, что и дня лишнего не пробудет, и собирается обратно в город завтра, хоть завтра и воскресенье, и все такое. Она уехала бы даже сегодня, если бы у них были свободные лошади, чтобы ее отправить. Прежде она обещала весь следующий квартал платить за уроки музыки для Дианы, но теперь решительно настроена не делать ничего для такой девчонки-сорванца. Представляю, что у них там сегодня происходило. Все, должно быть, выбиты из колеи. Старая мисс Барри богата, и им хотелось бы быть с ней в ладу. Разумеется, миссис Барри ничего такого мне не говорила, но я-то уж хорошо знаю человеческую природу, скажу я вам.

— Мне так не везет, — огорчалась Аня. — Я все время попадаю в переделки сама и еще втягиваю в них своих лучших друзей — тех, ради которых готова кровь пролить по капле. Вы не можете сказать мне, почему так происходит, миссис Линд?

— Это потому, что ты слишком невнимательный и порывистый ребенок, вот что. Ты никогда не остановишься, чтобы подумать, — все, что придет тебе в голову сказать или сделать, ты говоришь или делаешь и минуты не подумав.

— Ах, но это и есть самое приятное, — возразила Аня. — Что-то вспыхнет у вас в уме, такое волнующее, и вы должны это высказать или сделать. Если вы остановитесь, чтобы над этим поразмыслить, то испортите все удовольствие. Разве вы никогда не чувствовали этого, миссис Линд?

Нет, миссис Линд не чувствовала. Она с мудрым видом покачала головой:

— Ты должна научиться хоть немножко думать, Аня, вот что. Пословица, о которой ты должна помнить: "Сначала посмотри, потом прыгай"... особенно на кровать в комнате для гостей.

Миссис Линд, довольная, рассмеялась над своей нехитрой шуткой, но Аня осталась в задумчивости. Она не видела ничего смешного в сложившейся ситуации, которая казалась ей очень серьезной. Простившись с миссис Линд, она направила свой путь через заледевшее поле к Садовому Склону. Диана встретила ее у дверей кухни.

— Бедная тетя Джозефина очень сердилась, да? — прошептала Аня.

— Да, — ответила Диана, подавляя смех и опасливо оглядываясь через плечо на закрытую дверь гостиной. — Просто металась от ярости. Ох, как она ругалась! Она сказала, что я самая невоспитанная девочка, какую она видела в жизни, и что моим родителям должно быть стыдно за то, как они меня воспитывают. Она говорит, что не останется погостить, ну а мне-то все равно. Но папе с мамой неприятно.

— Почему ты не сказала, что это я виновата? — спросила Аня.

— А похоже, что я на такое способна, да? — сказала Диана с праведным негодованием. — Я не ябеда, и к тому же я точно так же виновата, как и ты.

— Тогда я пойду и скажу ей сама, — произнесла Аня решительно.

Диана остолбенела от изумления:

— Аня, что ты! Да она тебя съест живьем!

— Не пугай меня! Мне и без того страшно! — взмолилась Аня. — Легче было бы войти в логово льва. Но мне придется это сделать, Диана. Это была моя вина, и я должна в этом признаться. У меня, к счастью, уже есть опыт в этом деле.

— Ну, смотри сама. Она в гостиной, — сказала Диана. — Можешь зайти, если хочешь. Я бы не осмелилась. И не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

С этим ободряющим напутствием Аня решительно направилась в логово льва, то есть подошла к двери гостиной и чуть слышно постучала. Последовало резкое: "Войдите".

Мисс Джозефина, худая, прямая и суровая, с ожесточением вязала, сидя у камина; гнев ее еще не остыл, и глаза сердито сверкали за очками в золотой оправе. Она повернулась на стуле, ожидая увидеть Диану, но взгляд ее упал на бледную девочку, большие глаза которой выражали смесь отчаянной храбрости и глубокого, до дрожи, ужаса.

— Ты кто? — спросила мисс Джозефина Барри без церемоний.

— Аня из Зеленых Мезонинов, — сказала маленькая посетительница робко, привычным жестом складывая руки, — и я пришла признаться, если вы позволите...

— Признаться? В чем?

— Это моя вина, что мы прыгнули на вас прошлой ночью. Это я предложила. Диана — настоящая дама, мисс Барри. Вы должны понять, что несправедливы, обвиняя ее.

— О, я должна? Вот как! Диана все же принимала участие в этих прыжках. Такие нелепые выходки в порядочном доме!

— Но это была просто игра, — настаивала Аня. — Я думаю, что вам следовало бы простить нас, мисс Барри, теперь, когда мы извинились. А прежде всего, пожалуйста, простите Диану и позвольте ей брать уроки музыки. Она так надеялась, что будет заниматься музыкой, мисс Барри, а я знаю по опыту, каково это — очень на что-то надеяться и не получить. Если вам нужно на кого-то сердиться, сердитесь на меня. Я так привыкла в раннем детстве, что люди сердятся на меня, что могу перенести это гораздо легче, чем Диана.

К этому времени сердитый блеск почти угас в глазах старой дамы, и на его месте появилось выражение удовольствия и любопытства. Но она все-таки сказала сурово:

— Я думаю, что не может служить для вас оправданием то, что вы просто играли. Когда я была молодой, девочки никогда не играли в подобного рода игры. Ты не знаешь, что это такое — после долгой и трудной дороги быть разбуженной среди глубокого сна двумя большими девочками, прыгающими на тебя с разбега.

— Я не знаю, но могу *вообразить*, — горячо сказала Аня. — Я уверена, что это, должно быть, очень неприятно. Но взгляните на дело с нашей стороны. У вас есть воображение, мисс Барри? Если есть, то поставьте себя на наше место. Мы не знали, что кто-то лежит в постели, и вы напугали нас почти до смерти. Просто ужас, что мы пережили! И к тому же мы были лишены удовольствия спать в комнате для гостей, хотя нам было обещано. Я полагаю, вы привыкли спать в комнатах для гостей. Но только вообразите, что бы вы почувствовали, если бы были маленькой сиротой, которой никогда в жизни не оказывали подобной почести.

Сердитый блеск в глазах старой дамы совсем исчез к этому времени. Она рассмеялась — звук, который вызвал у Дианы, стоявшей в кухне и ожидавшей в невыразимой тревоге результатов беседы, глубокий вздох облегчения.

— Боюсь, мое воображение немного заржавело... давно я им не пользовалась, — сказала мисс Барри. — Но полагаю, что ваши претензии на сочувствие так же обоснованны, как и мои. Все зависит от того, с какой стороны на это посмотреть. Садись поближе и расскажи мне о себе.

— Мне очень жаль, но я не могу, — сказала Аня твердо. — Мне очень хотелось бы поговорить с вами, потому что вы кажетесь интересной особой, и, может быть, даже окажетесь родственной душой, хотя по вашему виду этого не скажешь. Но мой долг сейчас идти домой к мисс Марилле Касберт. Мисс Марилла Касберт — очень добрая женщина, которая взяла меня к себе, чтобы воспитать как следует. Она делает все, что в ее силах, но это очень неблагодарный труд. Вы не должны винить ее за то, что я прыгнула на вашу кровать. Но прежде чем я уйду, я очень хочу, чтобы вы сказали мне, простите ли вы Диану и останетесь ли в Авонлее на тот срок, на который предполагали остаться.

— Думаю, что так я и поступлю, если ты иногда будешь заходить, чтобы поговорить со

мной, — сказала мисс Барри.

В тот вечер мисс Барри подарила Диане серебряный браслет и сказала старшим членам семьи, что распаковала свой чемодан.

— Я решила остаться, просто чтобы получше познакомиться с девочкой Аней, — сказала она откровенно. — Она меня занимает, а в моем возрасте занимательный человек — большая редкость.

Единственным комментарием Мариллы, когда она услышала всю историю, было: "Я тебе говорила!" — и обращен этот комментарий был к Мэтью.

Мисс Барри прогостила в Садовом Склоне целый месяц и даже больше. Она была более приятной гостьей, чем обычно, потому что Аня поддерживала ее в хорошем настроении. Они стали верными друзьями.

Уезжая, мисс Барри сказала Ане на прощание:

— Не забудь, девочка Аня, навестить меня, когда приедешь в город, и я положу тебя спать в моей лучшей комнате для гостей.

— Несмотря ни на что, мисс Барри оказалась родственной душой, — призналась Аня Марилле. — Этого никак нельзя было предположить по ее виду, а все же так оно и есть. Это не сразу заметишь, не так, как было с Мэтью, но через некоторое время начинаешь это чувствовать. Родственные души встречаются не так уж редко, как я привыкла думать. Как это приятно — обнаружить, что их так много на свете!

Глава 20

Хорошее воображение сбивается с пути

И снова в Зеленые Мезонины пришла весна — прекрасная, хоть и капризная и нерешительная, канадская весна! Она медлила весь апрель и май, посылая череду чудесных свежих и прохладных дней с розовыми закатами и чудесами возрождения и расцвета природы. Клены на Тропинке Влюбленных покрылись красными почками, а вокруг Ключа Дриад пробились маленькие кудрявые папоротники. На пустоши за фермой мистера Сайласа Слоана расцвели первые перелески, из-под темно-бурых листьев сияли их розовые и белые пахучие звездочки. Все школьники и школьницы уже провели один чудесный день, собирая их, и вернулись домой в ясные, прозрачные сумерки, неся полные корзины и охапки цветочных трофеев.

— Мне так жаль людей, которые живут в тех землях, где не растут перелески, — сказала Аня. — Диана говорит, что, возможно, у них есть что-нибудь получше, но не может быть ничего лучше перелесок, ведь правда, Марилла? И Диана говорит, что если они не знают, что такое перелески, то и не страдают оттого, что их нет. Но мне кажется, что это и есть самое печальное. Я думаю, это было бы *трагично*, Марилла, не знать, как выглядят перелески, и не страдать оттого, что их нет. Как вы думаете, что это такое — перелески, Марилла? Я думаю, что это, должно быть, души цветов, которые умерли прошлым летом и здесь нашли свой рай... Мы замечательно провели сегодня время, Марилла! Мы ели завтрак в большой лощине, поросшей мхами, возле старого источника. Это такое *романтичное* место! Чарли Слоан вызвал Арти Джиллиса перепрыгнуть через источник, и Арти перепрыгнул, потому что не мог не принять вызова. Никто в школе не может не принять вызова. Это сейчас очень *модно* — вызывать. Мистер Филлипс отдал Присси Эндрюс все цветы, которые собрал, и я слышала, как он сказал: "Прекрасные — прекрасной". Он взял это из книжки, я знаю; но это доказывает, что у него все-таки есть некоторое воображение. Мне тоже хотели подарить букет, но я отвергла его с презрением. Я не могу сказать вам имя этого человека, потому что поклялась, что оно никогда не осквернит моих уст. Мы сделали себе венки из цветов и украсили ими шляпы. А когда пришло время возвращаться домой, мы отправились по дороге парами с нашими букетами и венками и пели: "Мой дом на холме". О, это было так волнующе, Марилла! Все домашние мистера Сайласа Слоана вышли, чтобы посмотреть на нас, и все, кого мы встречали на дороге, останавливались и смотрели нам

вслед. Мы произвели настоящую сенсацию!

— Неудивительно! Что за шутовство! — только и сказала Марилла.

После перелесок появились фиалки и окрасили Долину Фиалок в лиловый цвет. Аня проходила там по пути в школу, осторожно ступая между цветами и охватывая долину взглядом, исполненным благоговения, словно попирала святую землю.

— Не знаю почему, — рассказывала она Диане, — но когда я иду здесь, мне совершенно безразлично, перегонит меня Гил... перегонит меня кто-нибудь в классе или нет. Но когда я в школе, все совсем по-другому, и это для меня снова важно. Во мне столько много всяких разных Ань! Мне иногда кажется, что именно поэтому я доставляю всем так много хлопот. Если бы я была только одна Аня, было бы гораздо удобнее, но это не было бы и вполтину так интересно.

Как-то раз июньским вечером, когда сады опять стояли в розовом цвету, когда лягушки распевали серебристо-сладкими голосами в болотах вокруг верхней части Озера Сверкающих Вод, а воздух был напоен ароматом клеверных полей и бальзамичным запахом хвойных лесов, Аня сидела у окна в своем мезонине. Она учила уроки, но уже так стемнело, что читать стало невозможно, и она погрузилась в мечты, глядя широко открытыми глазами на ветви Снежной Королевы, усыпанные, словно звездами, крупными белыми цветами.

По существу, маленькая комнатка в мезонине ничуть не изменилась. Стены остались такими же белыми, подушечка для булавок такой же твердой, стулья такими же желтыми, прямыми и чопорными. Однако в целом характер комнаты изменился. Она была полна чего-то нового, живого, пульсирующего, что, казалось, пропитывало ее всю и совершенно не зависело ни от школьных книжек, платьев и лент, ни даже от стоявшего на столе надбитого голубого кувшина, полного цветущих яблоневых веток. Могло показаться, что все мечты, которые роились во сне и наяву в головке необыкновенно живой обительницы этой комнаты, приняли видимую, хоть и нематериальную форму и покрыли голые стены комнаты прелестными прозрачными гобеленами из радуги и лунного сияния.

В этот момент в комнату быстрым шагом вошла Марилла с Аниными свежееглаженными школьными передничками. Она повесила их на стул и села, устало вздохнув. В тот день у нее был один из приступов головной боли, случавшихся время от времени. И хотя боль уже прошла, она чувствовала себя слабой, «измотанной», как она выражалась. Аня взглянула на нее полными сочувствия глазами:

— Я хотела бы, чтобы у меня была головная боль вместо вас, Марилла. Я переносила бы ее с радостью ради вас.

— Ты и так сделала много работы по дому и тем позволила мне отдохнуть, — заметила Марилла. — Мне даже кажется, что ты неплохо со всем справилась и сделала меньше ошибок, чем обычно. Конечно, не было никакой необходимости крахмалить носовые платки Мэтью! И большинство людей, если ставят пирог в печку, чтобы подогреть его к обеду, вынимают его, когда он станет горячим, и едят, а не оставляют в печке, чтобы он превратился в угли. Но у тебя, очевидно, другой подход.

После головной боли Марилла всегда была настроена несколько иронически.

— Ах, мне так жаль, — сказала Аня с раскаянием. — Я даже ни разу не вспомнила об этом пироге, с тех пор как поставила его в печь, и только сейчас вы мне напомнили. Хотя я чувствовала инстинктивно, что за обедом на столе чего-то не хватало. Сегодня утром, когда вы поручили мне заниматься хозяйством, я была решительно настроена ничего не воображать, но обратить все свои мысли к фактам. И все шло хорошо, пока я не поставила пирог в печь, а тогда меня охватило непреодолимое искушение вообразить, что я заколдованная принцесса, заточенная в уединенной башне, и прекрасный рыцарь мчится на черном как смоль скакуне, чтобы меня освободить. Вот так и случилось, что я забыла о пироге. И я даже не подозревала, что накрахмалила носовые платки. Все время, пока я гладила, я пыталась придумать имя для нового островка, который мы с Дианой открыли вверх по ручью. Это очаровательнейшее место, Марилла. Там растут два клена, и ручей оmyвает их с двух сторон. И наконец меня осенило, что будет чудесно, если мы назовем его

Островом Виктории,⁸ потому что мы нашли его в день рождения королевы. Мы обе с Дианой преданнейшие сторонницы королевы... Но мне очень жаль, что так вышло с пирогом и платками. Я хотела быть исключительно хорошей сегодня, потому что сегодня годовщина. Вы помните, что произошло в этот день год назад, Марилла?

— Нет, не припоминаю ничего особенного.

— Ах, Марилла, в этот день я приехала в Зеленые Мезонины. Я никогда не забуду этот день. Это был поворотный момент в моей жизни. Конечно, вам это не кажется таким важным, как мне. Я пробыла здесь год и все это время была так счастлива. Конечно, у меня были и неприятности, но ведь человек всегда может загладить свои проступки. Вы жалеете, что оставили меня у себя, Марилла?

— Нет, не скажу, чтобы я жалела, — ответила Марилла, которая порой даже удивлялась, как она могла жить, до того как Аня появилась в Зеленых Мезонинах. — Нет, совсем не жалею... Если ты кончила свои уроки, Аня, сбегай к миссис Барри и попроси ее одолжить мне выкройку Дианиного передника.

— О... но... уже слишком темно! — возразила Аня.

— Слишком темно? Да что ты, еще только начинает смеркаться. К тому же ты часто бегала к Диане гораздо позднее.

— Я схожу рано утром! — горячо воскликнула Аня. — Я встану на рассвете и схожу.

— Что это тебе пришло в голову, Аня? Мне нужна выкройка, чтобы скроить тебе новый передник сегодня вечером. Иди сейчас же, да побыстрее.

— Тогда мне придется пойти кругом, по большой дороге, — сказала Аня, неохотно берясь за шляпу.

— Идти по дороге и зря потерять полчаса! Не пойму, что ты говоришь!

— Я не могу идти через Лес Призраков, Марилла! — воскликнула Аня в отчаянии.

Марилла остолбенела.

— Лес Призраков! Да ты с ума сошла! Да где же это ты нашла Лес Призраков?

— Это еловый лесок за ручьем, — прошептала Аня.

— Что за чушь! Никогда и нигде нет и не было никакого Леса Призраков! Кто сказал тебе такую ерунду?

— Никто, — призналась Аня. — Мы с Дианой просто вообразили, что это Лес Призраков. Все места здесь в округе такие... такие... *заурядные*. И мы придумали это для интереса. Мы начали в апреле. Лес Призраков — это так романтично, Марилла. Мы выбрали еловый лесок, потому что он такой темный. Ах, мы вообразили самые ужасные вещи! Там есть дама в белом, которая ходит вдоль ручья по вечерам, примерно в это время, ломая руки и издавая самые жалобные стоны. Она появляется, когда в семье должна произойти смерть. И призрак маленького убитого ребенка часто появляется возле Приюта Праздности; он подкрадывается к вам сзади и кладет свои холодные пальцы вам в руку... вот так. Ох, Марилла, я содрогаюсь при одной мысли об этом. И человек без головы ходит туда и сюда по дорожке... а скелеты сердито выглядывают на вас из-за сучьев. Ах, Марилла, я ни за что на свете не отважилась бы пройти через Лес Призраков после наступления темноты. Я уверена, что белые фигуры высунутся из-за деревьев и схватят меня, если я пойду туда.

— Да слыхано ли такое! — воскликнула Марилла, до этого внимавшая в немом изумлении. — Аня, неужели ты хочешь сказать, что действительно веришь во все эти гадкие бессмыслицы своего воображения?

— *Не совсем* верю, — запнувшись, пробормотала Аня. — Во всяком случае, не верю при дневном свете. Но когда стемнеет, Марилла, все совсем по-другому. Вот тогда-то призраки и ходят по лесу.

— Призраков не существует, Аня!

— Ах, нет, существуют, Марилла! — горячо воскликнула Аня. — Я знаю людей,

---

⁸ Виктория I — королева Великобритании с 1837 по 1901 г.

которые их видели. И это люди, заслуживающие доверия. Чарли Слоан говорит, что его бабушка однажды вечером видела, как его дедушка гнал коров домой с пастбища, хотя год прошел с того дня, когда его похоронили. Вы ведь знаете, что бабушка Чарли Слоана не станет выдумывать. Она очень набожная женщина. И отца миссис Томас однажды вечером преследовал до самого дома огненный ягненок с отрубленной головой, висевшей на полоске шкуры. Он говорил, что это был дух его брата, предупреждавший его, что он умрет через девять дней. Правда, он не умер через девять дней, а только два года спустя, но все равно, видите, это была правда. А Руби Джиллис говорит...

— Аня, — прервала Марилла твердо. — Я не желаю больше слушать эти бредни. У меня всегда были сомнения относительно этого твоего воображения, и если оно приводит к таким результатам, я больше этого не потерплю. Ты пойдешь к миссис Барри прямо сейчас и прямо через еловый лесок, и пусть это послужит тебе уроком и предостережением на будущее. И чтобы впредь я не слышала от тебя ни слова ни о каких лесах призраков.

Аня могла умолять и плакать сколько угодно... что она и делала, потому что испытывала неподдельный ужас. Ее воображение сыграло с ней злую шутку, и еловый лесок после наступления ночи внушал ей смертельный страх. Но Марилла была неумолима. Она довела дрожащую создательницу призраков до источника и велела ей следовать дальше прямо через мостик в темное убежище стонущих дам и безголовых фантомов.

— О, Марилла, как можно быть такой жестокой? — всхлипывала Аня. — Что вы почувствуете, если какая-нибудь белая тень схватит и унесет меня?

— Рискнем, — сказала Марилла безжалостно. — Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. Я вылечу тебя от мании заселять леса призраками. Шагай сейчас же.

И Аня зашагала, то есть, спотыкаясь, прошла через мостик и, вся дрожа, двинулась дальше по темной дорожке. Она запомнила этот путь на всю жизнь. Ей пришлось горько раскаться в том, что она не держала свое воображение в узде. Создания ее собственной фантазии подкарауливали ее за каждым кустом, вытягивая холодные, бесплотные руки, чтобы схватить перепуганную девочку, которая сама вызвала их к жизни. Оторванная полоска белой березовой коры, которую ветер подкидывал и перебрасывал по бурым увядшим прошлогодним листьям, заставила Анино сердце на мгновение замереть. Протяжный стон двух старых сучьев, задевавших друг о друга, вызвал у нее на лбу капли холодного пота. Летучие мыши, в темноте пронесившиеся над ее головой, казались ей крылами потусторонних существ. Добравшись до широкого поля мистера Белла, она понеслась по нему так, словно за ней гналась целая армия белых призраков, и подбежала к дверям кухни дома Барри совершенно запыхавшись, так что едва могла произнести просьбу о выкройке передника. Дианы не было дома, а потому не было и предлога задержаться. Предстоял ужасный обратный путь. Аня шла с закрытыми глазами, предпочитая лучше разбить себе голову о торчащие сучья деревьев, чем узреть какое-нибудь белое привидение. Когда она, наконец, спотыкаясь, преодолела бревенчатый мостик, из груди ее вырвался долгий прерывистый вздох облегчения.

— Ну, так что же? Никто тебя не схватил? — спросила Марилла без всякого сочувствия.

— Ох, Ма... Марилла, — стуча зубами, еле вымолвила Аня, — я б-б-буду дов-вольство-ваться 3-3-заурядными местами после этого

Глава 21

Новое слово в кулинарном искусстве

— А х, вся жизнь состоит из встреч и расставаний, как говорит миссис Линд, — заметила Аня печально, положив в последний день июня свою грифельную дощечку и книжки на стол в кухне и вытирая покрасневшие глаза совершенно мокрым от слез носовым платком. — Как это оказалось кстати, что я сегодня взяла с собой в школу еще один носовой платок! У меня было предчувствие, что он мне понадобится.

— Я и не подозревала, что ты так любишь мистера Филлипса, что тебе может понадобиться аж два носовых платка, чтобы вытирать слезы только из-за того, что он уходит из школы, — сказала Марилла.

— Я думаю, что плакала не из-за того, что очень люблю его, — размышляла Аня. — Я плакала просто потому, что все остальные плакали. Это Руби Джиллис начала. Она всегда заявляла, что терпеть мистера Филлипса не может, но как только он встал, чтобы сказать свою прощальную речь, она расплакалась. И тогда все девочки начали плакать, одна за другой. Я старалась удержаться, Марилла. Я пыталась вспомнить, как мистер Филлипс велел мне сесть рядом с Гил... рядом с мальчиком, и как написал на доске «Аньюта» вместо «Аня», и как сказал, что не видел никого тупее меня в геометрии, и смеялся над моими орфографическими ошибками, и все те случаи, когда он был такой противный и язвительный, но почему-то, Марилла, мне это не удалось и мне тоже пришлось заплакать. Джейн Эндрюс целый месяц твердила, как она рада, что мистер Филлипс уходит, и уверяла, что ни слезинки не прольет из-за этого. Но оказалось, что она даже хуже нас всех, и ей пришлось взять носовой платок у брата — мальчики, разумеется, не плакали, — потому что она не взяла с собой платка, никак не предполагая, что он ей понадобится. Ах, Марилла, это была душераздирающая сцена. Мистер Филлипс произнес прекрасную прощальную речь, начинавшуюся словами: "Пришло для нас время расстаться!" Это было необычайно трогательно. И у него тоже стояли слезы в глазах, Марилла. Ах, мне было так тяжело на душе, и я упрекала себя за то, что болтала на уроках, рисовала на него карикатуры на моей грифельной досочке и смеялась над ним и Присси. В ту минуту я даже пожалела, что не была образцовой ученицей, как Минни Эндрюс. Уж у *нее-то* совесть чиста. Девочки плакали всю дорогу домой. Кэрри Слоан повторяла каждые несколько минут: "Пришло для нас время расстаться", и от этого мы снова начинали плакать каждый раз, когда нам уже угрожало вернуть себе равновесие духа. Мне ужасно грустно, Марилла! Но разве можно оставаться в пучине горя, когда впереди два месяца каникул? Ведь нельзя, Марилла? И кроме того, мы встретили нового священника с женой, они ехали со станции. И, несмотря на всю мою печаль из-за расставания с мистером Филлипсом, я не могла удержаться и не проявить небольшой интерес к новому священнику. У него очень хорошенькая жена. Она, конечно, не царственно прекрасна... я полагаю, это было бы даже неуместным; священник не должен иметь царственно прекрасную жену, потому что мог бы этим подать дурной пример... Миссис Линд говорит, что жена священника в Ньюбридже подает дурной пример тем, что слишком модно одевается. Жена нашего нового священника была в голубом муслиновом платье с прелестными рукавами с буфами, а на голове у нее была шляпка, украшенная розочками. Джейн Эндрюс сказала, что, на ее взгляд, рукава с буфами — слишком светская одежда для жены священника, но я не стала судить ее так немилосердно, Марилла, потому что хорошо знаю, каково это — страстно желать таких рукавов. Кроме того, прошло еще слишком мало времени с тех пор, как она стала женой священника, и мы должны принимать это во внимание, правда? Они собираются пожить у миссис Линд, пока идет ремонт в пасторском доме.

Если Марилла, отправившись в тот вечер к миссис Линд, руководствовалась еще какими-то мотивами, кроме открыто заявленного желания вернуть узор для стеганого одеяла, который она брала у миссис Линд прошлой зимой, то в ее оправдание можно сказать, что это была милая слабость, проявленная большинством жителей Авонлеи. Не одна вещь, которую миссис Линд одолжила своим соседям, порой даже и не ожидая снова ее увидеть, вернулась в тот вечер в руки своей хозяйки. Новый священник, да к тому же священник с женой, был законным предметом любопытства в тихом маленьком селении, где сенсация — такая редкость.

Старый священник, мистер Бентли, у которого Аня отмечала отсутствие воображения, пробыл пастором в Авонлее восемнадцать лет. Он был вдовцом, когда приехал сюда, и вдовцом остался, вопреки тому факту, что в своих сплетнях местные кумушки каждый год его пребывания в Авонлее постоянно женили его то на одной, то на другой жительнице

деревни. В прошедшем феврале он подал в отставку и уехал, провожаемый искренними сожалениями своих прихожан, которые, несмотря на его недостатки как оратора, прониклись за долгие годы общения глубокой привязанностью к своему доброму старому священнику. С тех пор авонлейские прихожане имели удовольствие выслушать множество разнообразных кандидатов на место пастора и "временных заместителей", которые приезжали по воскресеньям, чтобы произнести пробную проповедь. Они принимались или не принимались в расчет в соответствии с мнением "отцов и матерей общины", но маленькая рыжая девочка, которая тихонько сидела в церкви на старой скамье Касбертов, также имела о них свое мнение и широко обсуждала этот вопрос с Мэтью, так как Марилла из принципа всегда уклонялась от критики, в любом виде или форме, в адрес священников.

— Я думаю, что мистер Смит не годился, Мэтью, — окончательно подводила итоги Аня. — Миссис Линд говорит, что у него плохая дикция, но мне кажется, что его главный недостаток тот же, что и у мистера Бентли, — у него нет никакого воображения. А у мистера Терри его слишком много. И он дает ему волю, совсем как я тогда с Лесом Призраков. Кроме того, миссис Линд говорит, что его теология неубедительна. Мистер Грешам очень хороший человек и очень религиозный, но он рассказывал слишком много забавных историй и смешил людей в церкви; он не внушал к себе почтения, а ведь все должны испытывать почтение к священнику, правда, Мэтью? Мне казалось, что мистер Маршалл бесспорно привлекателен; но миссис Линд говорит, что он не женат и даже не помолвлен, она специально наводила справки, и она говорит, что совершенно недопустимо, чтобы в Авонлее появился молодой неженатый священник, потому что ему пришлось бы искать жену среди своих прихожанок, а это могло бы вызвать недоразумения и неприятности. Миссис Линд очень дальновидная женщина, вы согласны, Мэтью? Я очень рада, что выбрали мистера Аллана. Мне он понравился, потому что его проповедь была интересной, а молился он от души, а не так, как будто делал это просто по привычке. Миссис Линд говорит, что и у него есть недостатки, но что мы не можем надеяться получить священника без недостатков за семьсот пятьдесят долларов в год, и, во всяком случае, его теология убедительна, потому что она расспрашивала его очень подробно обо всех важных вопросах религиозной доктрины. Она знает и семью его жены; это люди, достойные уважения, а женщины — отличные хозяйки. Миссис Линд говорит, что убедительная теология у мужа и умение вести хозяйство у жены — идеальное сочетание для семьи священника.

Новый священник и его жена были симпатичной молодой супружеской четой, у которой еще не завершился медовый месяц. Они были полны благородных намерений и с воодушевлением смотрели на избранный ими жизненный путь. Авонлея с самого начала приняла их с открытым сердцем. И старым, и молодым нравился искренний, бодрый молодой человек с возвышенными идеалами и его веселая и ласковая молодая жена, принявшая во владение хозяйство пасторского дома. Аня быстро и всем сердцем полюбила миссис Аллан, в которой нашла еще одну родственную душу,

— Миссис Аллан — просто прелесть, — объявила она однажды, возвратясь из воскресной школы. — Теперь она ведет занятия в нашем классе, и она — чудесная учительница. Она сразу сказала, что понимает, как это несправедливо, когда только учитель имеет право задавать вопросы. А вы ведь помните, Марилла, это именно то, что я сама всегда думала. Она сказала, что мы можем задать ей любой вопрос, какой хотим; и я задала ей очень много вопросов. У меня большие способности задавать вопросы, Марилла.

— Не сомневаюсь, — был выразительный комментарий Мариллы.

— Больше никто ни о чем не спрашивал, кроме Руби Джиллис. Она спросила, будет ли в этом году пикник. Я думаю, что это был не совсем обоснованный вопрос, потому что он никак не был связан с уроком: мы читали из Библии про Даниила во рву со львами. Но миссис Аллан только улыбнулась и сказала, что, наверное, пикник будет. У миссис Аллан очаровательная улыбка; у нее такие *изысканные* ямочки на щеках. Как бы мне хотелось, Марилла, тоже иметь такие ямочки! Я уже далеко не такая тощая, какой была, когда сюда приехала, но ямочек у меня еще нет. Если бы у меня были ямочки, возможно, я смогла бы

положительно влиять на людей. Миссис Аллан сказала, что нам следует всегда стараться положительно влиять на других людей. Она так мило обо всем говорит. Я даже и не знала прежде, что религия — такая радостная вещь. Я всегда думала, что это что-то вроде меланхолии, но религия миссис Аллан совсем не такая, и мне хотелось бы быть такой христианкой, как она. Я не хотела бы быть такой, как мистер Белл.

— Нехорошо так говорить о мистере Белле, — сказала Марилла строго. — Мистер Белл исключительно хороший человек.

— Ах, конечно он хороший, — согласилась Аня, — но не похоже, чтобы это доставляло ему какое-нибудь удовольствие. Если бы я могла быть хорошей, я бы пела и танцевала целыми днями, потому что мне было бы так приятно от этого. Я полагаю, что миссис Аллан слишком взрослая, чтобы петь и танцевать, и к тому же это, вероятно, не подобает жене священника. Но я просто чувствую, что ей приятно быть христианкой и что она была бы христианкой, даже если бы могла попасть на небеса и без этого.

— Полагаю, что мы должны пригласить мистера и миссис Аллан на чай, — сказала Марилла задумчиво. — Они уже почти у всех побывали, кроме нас. Дай-ка подумать... Пожалуй, следующая среда — подходящий день, чтобы их принять. Но не говори ни слова об этом Мэтью, а то если он узнает, что будут гости, то найдет какой-нибудь предлог, чтобы не быть дома в этот день. К мистеру Бентли он привык и был не против с ним встречаться. Но он может счесть слишком тяжелым испытанием необходимость познакомиться с новым священником. А уж то, что у священника есть жена, напугает его до смерти.

— Я буду нема, как могила, — заверила Аня. — Ах, Марилла, вы позволите мне испечь пирог? Мне так хочется сделать что-нибудь для миссис Аллан, а вы ведь знаете, я уже неплохо умею печь!

— Хорошо, можешь испечь слоеный пирог, — согласилась Марилла.

Весь понедельник и вторник в Зеленых Мезонинах шли великие приготовления. Угощать чаем священника и его жену было серьезным и важным мероприятием, и Марилла была решительно настроена не дать другим авонлейским хозяйкам ее затмить. Аня была вне себя от возбуждения и восторга. Во вторник вечером она обсуждала предстоящее событие с Дианой, сидя в сумерках на больших красных валунах возле Ключа Дриад и делая в воде радужные разводки прутиками, пропитанными сосновой смолой.

— Все уже готово, Диана, кроме моего пирога — я должна испечь его утром — и песочного печенья, которое Марилла сделает прямо перед приходом гостей. Уверяю тебя, Диана, мы с Мариллой изрядно потрудились в эти два дня. Это такая ответственность — принимать у себя семью священника! Я никогда не сталкивалась ни с чем подобным!.. Видела бы ты нашу кладовую! Есть на что посмотреть. У нас будет заливное из цыпленка и холодный язык, два вида желе, красное и желтое, взбитые сливки, и лимонный пирог, и вишневый пирог, и печенье трех сортов, и фруктовый пирог, и знаменитое варенье Мариллы из желтых слив, которое она держит специально для священников, и фунтовый пирог,⁹ и мой слоеный пирог, и песочное печенье, как я уже говорила; и свежий хлеб, и черствый, на случай, если у священника плохой желудок и он не может есть свежий хлеб. Миссис Линд говорит, что у священников обычно плохое пищеварение, но мне кажется, мистер Аллан еще слишком мало был священником, чтобы это могло оказать на него отрицательное воздействие. Я просто холодею, как только подумаю о моем слоеном пироге! Ах, Диана, что, если он не удастся! Прошлой ночью мне снилось, что меня повсюду преследует домовый с огромным слоеным пирогом вместо головы.

— Все будет хорошо, — заверила Диана, всегда готовая утешить своих друзей. — Поверь мне. Тот пирог, который ты испекла и который мы вместе ели две недели назад в Приюте Праздности, был просто замечательный!

— Да, но у пирогов такая ужасная особенность, что они не удаются именно тогда,

---

⁹ Фунтовый пирог — пирог или кекс, для приготовления которого берут по фунту муки, масла, сахара и т. д.

когда очень хочешь, чтобы вышло как можно лучше, — вздохнула Аня, отпуская в плавание особенно хорошо пропитавшуюся смолой веточку. — Я думаю, что мне нужно положиться на Провидение и не забыть положить муку. Ах, смотри, Диана, какая прелестная радуга! Как ты думаешь, когда мы уйдем отсюда, выйдет из леса дриада и возьмет ее себе на шарф?

— Ты же знаешь, что дриад не существует, — сказала Диана. Ее мама тоже случайно узнала о Лесе Призраков и очень сердилась. В результате Диана решила воздержаться от дальнейших полетов фантазии и считала неосмотрительным культивировать веру даже в безобидных дриад.

— Но так легко вообразить, что они существуют, — сказала Аня. — Каждый вечер, перед тем как лечь спать, я выглядываю из окна и смотрю, не сидит ли здесь и в самом деле дриада, расчесывая локоны и глядясь в источник, как в зеркало. Иногда по утрам я ищу следы ее ножек на росистой траве. Ах, Диана, не отказывайся от веры в дриад!

Наступила среда. Аня встала с восходом солнца, потому что была слишком возбуждена, чтобы спать. Накануне вечером она промочила ноги у источника, и у нее начался сильный насморк, но в то утро даже самое тяжелое воспаление легких не смогло бы подавить ее интерес к кулинарным делам. После завтрака она приступила к приготовлению пирога, а когда, наконец, поставила его в духовку и закрыла дверцу, из груди у нее вырвался глубокий вздох.

— Я уверена, что на этот раз я ничего не забыла, Марилла. Но как вы думаете, он поднимется? А вдруг порошок для печения не очень хороший? Я взяла из новой жестянки. Миссис Линд говорит, что в наши дни, когда кругом обман, нельзя быть уверенным, что порошок хороший. Миссис Линд говорит, что правительству следовало бы заняться этим делом, но что она, вероятно, не дожидается этого от правительства консерваторов. Марилла, что, если пирог не поднимется?

— У нас и без него всего достаточно, — таков был бесстрастный подход Мариллы к этой проблеме.

Но пирог поднялся и вышел из печи такой легкий и воздушный, как золотистая пена. Аня, покрасневшись от восторга, смазала коржи ярко-красным желе, сложила их вместе и в воображении увидела, как миссис Аллан с удовольствием съедает кусочек и, возможно, даже просит еще!

— Вы, конечно, достанете парадный сервиз, Марилла, — сказала она. — Можно мне украсить стол папоротниками и дикими розочками?

— Я думаю, это лишнее, — фыркнула Марилла. — Я считаю, главное — чтобы еда была вкусной, а не всякие там украшения и прочие пустяки.

— Миссис Барри *украсила* свой стол, — отвечала Аня, которая не совсем была лишена мудрого коварства змеи, — и священник сделал ей изысканный комплимент. Он сказал, что это наслаждение для взора, так же как и для вкуса.

— Ну хорошо, делай как хочешь, — согласилась Марилла, которая твердо решила не дать превзойти себя миссис Барри, да и никому другому. — Только не забудь оставить на столе место для блюд.

Аня постаралась на славу и так украсила стол, что миссис Барри никогда не смогла бы с ней сравниться. Имея в изобилии розочки, папоротники и собственный художественный вкус, она превратила стол в такое чудо красоты, что, когда священник и его жена сели пить чай, они в один голос принялись восхищаться чудесным убранством.

— Это заслуга Ани, — признала всегда справедливая Марилла, и Аня почувствовала, что благосклонная улыбка миссис Аллан — почти невыносимое счастье на этой земле. Мэтью тоже был за столом, но как удалось завлечь его сюда — было известно лишь Провидению да Ане. Он испытывал такую робость и нервозность накануне этого дня, что Марилла уже махнула на него рукой, но Аня так ловко взялась за него, что теперь он, в своем лучшем костюме, с белым воротничком, сидел за столом и не без интереса беседовал со священником. Правда, он не перемолвился ни словом с миссис Аллан, но этого никто от него и не ожидал.

Все шло как по маслу до тех пор, пока не был подан Анин слоеный пирог. Миссис Аллан, на тарелке у которой уже лежали самые разнообразные пироги и печенья, поблагодарила и отказалась. Но Марилла, заметив разочарование в лице Ани, сказала, улыбнувшись:

— Ах, вы должны попробовать кусочек, миссис Аллан. Аня испекла этот пирог специально для вас.

— О, в таком случае я должна попробовать, — засмеялась миссис Аллан, взяв себе пухлый треугольник, что также сделали священник и Марилла.

Миссис Аллан откусила кусочек, и странное выражение промелькнуло в ее лице. Она не сказала ни слова и медленно продолжала жевать. Марилла заметила это выражение и поспешила попробовать пирог сама.

— Аня! — воскликнула она. — Боже мой! Да что ты положила в этот пирог?

— Ничего, кроме того, что нужно по рецепту, Марилла! — воскликнула Аня со страдальческим видом. — Ах, неужели невкусно?

— Невкусно! Это просто ужас что такое. Миссис Аллан, не пытайтесь это есть. Аня, попробуй сама. Что ты туда добавляла?

— Ванилин, — ответила Аня, попробовав и вспыхнув от стыда. — Только ванилин. Ах, Марилла, это, должно быть, из-за пекарского порошка. Я так и думала, что этот поро...

— При чем тут порошок? Пойди и принеси мне баночку с ванилином, который ты использовала.

Аня бросилась в кладовую и вернулась с баночкой, до половины наполненной какой-то коричневой жидкостью и украшенной желтой этикеткой с надписью: "Лучший ванилин".

Марилла взяла ее, открыла и понюхала.

— Господи помилуй, Аня, ты добавила в пирог *болеутолитель*. На прошлой неделе я разбила бутылку с этим лекарством и перелила то, что осталось, в эту старую баночку из-под ванилина. Конечно, тут я сама отчасти виновата... Я должна была тебя предупредить... но, Боже мой, почему ты не понюхала?

Аня залилась слезами от этого двойного унижения.

— Я не могла... у меня такой насморк! — И с этими словами она кинулась в свою комнатку в мезонине, где бросилась ничком на кровать и расплакалась как человек, который даже и не хочет, чтобы его утешали.

Вскоре на лестнице послышались легкие шаги, и кто-то вошел в комнату.

— Ах, Марилла, — всхлипывала Аня, не поднимая головы. — Я опозорена навеки. Я никогда не смогу загладить свою вину. Это станет известно... все всегда становится известно в Авонлее. Диана спросит меня, как удался мой пирог, и мне придется сказать ей правду. На меня всегда будут показывать пальцем, как на девочку, которая положила в пирог *болеутолитель*. Гил... мальчики в школе будут без конца над этим смеяться. Ах, Марилла, если у вас есть хоть капля христианской жалости, не говорите мне, что я должна спуститься и вымыть посуду. Я вымою все, когда священник с женой уйдут, но я просто не в состоянии взглянуть в лицо миссис Аллан. Может быть, она думает, что я пыталась ее отравить... Миссис Линд говорит, что она знала девочку-сироту, которая пыталась отравить свою благодетельницу. Но ведь *болеутолитель* — это не яд. Ведь его принимают внутрь... хотя и не в пирогах. Скажите это миссис Аллан, Марилла!

— Лучше встань и скажи ей это сама, — прозвучал веселый голос.

Аня вскочила и увидела, что у ее кровати стоит и смотрит на нее смеющимися глазами сама миссис Аллан.

— Милая моя девочка, не нужно так плакать, — сказала она, искренне огорченная трагическим выражением Аниного лица. — Это просто смешная ошибка, и с любым такое могло случиться.

— Ах, нет, такое может случиться только со мной, — сказала Аня в отчаянии. — А я так хотела, чтобы пирог удался, ради вас, миссис Аллан.

— Я знаю, дорогая! И уверяю тебя, я ценю твою доброту и твои старания не меньше,

чем если бы он удался. Ну, не нужно больше плакать; пойдем вниз, и ты покажешь мне свой цветник. Мисс Касберт говорит, что у тебя есть своя клумба. Я хочу посмотреть, потому что очень интересуюсь цветами.

Аня позволила увести себя в сад и утешить, ей казалось настоящей милостью Провидения, что миссис Аллан — родственная душа. Ни слова не было больше сказано о болеутоляющем пироге, а когда гости ушли, Аня обнаружила, что вечер прошел гораздо приятнее, чем она могла ожидать ввиду этого ужасного происшествия. Тем не менее она глубоко вздохнула:

— Марилла, разве не приятно подумать, что завтра будет новый день, в который не сделано еще никаких ошибок?

— Я уверена, ты их много совершишь, — ответила Марилла. — В этом с тобой никто не сравнится.

— Я и сама это знаю, — признала Аня печально. — Но. вы не заметили, что есть у меня одна хорошая черта? Я никогда не делаю одну и ту же ошибку дважды.

— Не знаю, много ли в том пользы, если ты всегда придумываешь что-нибудь новенькое.

— Ах, разве вы не понимаете, Марилла? Ведь должен быть предел числу ошибок, которые может совершить один человек, и когда я дойду до этого предела, я покончу с ними навсегда. Очень утешительно об этом подумать.

— Да, а теперь сходила бы ты да отнесла этот пирог свиньям, — сказала Марилла. — Такое не может есть ни один человек, даже Джерри Буот.

Глава 22

Приглашение на чай

— Ну, а теперь отчего у тебя глаза так сияют? — спросила Марилла Аню, только что вернувшуюся домой с почты. — Нашла еще какую-нибудь родственную душу?

И в самом деле, волнение окутывало Аню, словно облаком, светилось в глазах, озаряло каждую черту лица. Она легкими шагами прибежала по тропинке, словно фея, несомая ветром среди мягкого сияния солнечных лучей и ленивых теней опускающегося августовского вечера.

— Нет, Марилла, но, ах, поверите ли? Меня приглашают завтра на чай в дом священника! Миссис Аллан оставила для меня на почте это письмо. Только взгляните, Марилла! "Мисс Анне Ширли, Зеленые Мезонины". Первый раз в жизни меня назвали «мисс». Ах, меня такая дрожь пронзила! Я буду вечно хранить это воспоминание в сердце среди моих самых дорогих сокровищ.

— Миссис Аллан говорила мне, что собирается по очереди приглашать к себе на чай всех учениц своего класса воскресной школы, — сказала Марилла, совершенно невозмутимо принимая известие об этом чудесном событии. — И совсем нет причины приходить в такое лихорадочное возбуждение. Научись принимать вещи спокойно, детка.

Но для Ани принимать вещи спокойно означало бы изменить свою натуру. Вся "и дух, и огонь, и роса", она с утроенной силой переживала все радости и горести жизни. Марилла чувствовала это и испытывала смутное беспокойство, сознавая, что жизненные взлеты и падения не раз тяжело заденут эту порывистую душу. Но при этом она упускала из виду, что столь же сильная способность испытывать восторг и радость может с избытком возместить все печали. Таким образом, Марилла считала своим долгом склонять Аню к спокойствию и уравновешенности, столь же невозможным и чуждым для нее, как для солнечного луча, играющего на поверхности ручья. До сих пор, как Марилла печально признавалась себе самой, ее старания оставались тщетными. Стоило каким-нибудь горячо лелеемым надеждам или планам потерпеть неудачу, как Аня погружалась в "пучину горя". Исполнение же их возносило ее на головокружительные высоты восторга. Марилла уже почти начинала терять надежду когда-либо превратить свою воспитанницу в образцовую девочку со скромной

внешностью и чопорными манерами. Ей и в голову не пришло бы, что на самом деле Аня такая, какая она есть, нравится ей гораздо больше этого идеала.

В тот вечер Аня пошла спать печальная и молчаливая, так как Мэтью объявил, что ветер поворачивает к северо-востоку и завтра, скорее всего, будет дождливо. Шелест тополевых листьев возле дома беспокоил ее, он был так похож на стук дождевых капель, а неясный отдаленный рокот залива, к которому она с восторгом прислушивалась в другие дни, пленяясь его странным звучанием и равномерным ритмом, теперь казался маленькой девочке, особенно горячо желавшей ясной погоды, предвестником грозы и несчастья. Ане казалось, что утро никогда не наступит.

Но все на свете имеет конец, даже ночь накануне дня, когда вы приглашены на чай в дом священника. Утро, вопреки предсказаниям Мэтью, оказалось ясным, и потому настроение у Ани поднялось необычайно.

— Ах, Марилла, что-то такое у меня в душе сегодня, что заставляет меня любить всех, кого я вижу! — горячо воскликнула она, когда мыла посуду после завтрака. — Вы представить не можете, какой хорошей я себя чувствую! Разве не прекрасно было бы, если бы так осталось навсегда? Я думаю, что могла бы стать образцовой девочкой, если бы только меня каждый день приглашали в гости. Но, ах, Марилла, ведь это также очень торжественное событие! Я так волнуюсь! Что, если я как-то не так себя поведу? Вы же знаете, я никогда не пила чай в гостях у священника, и не уверена, что знаю все правила этикета, хотя я все время внимательно изучаю раздел о правилах хорошего тона в журнале "Вестник семьи" с тех пор, как приехала сюда. Я так боюсь, что сделаю какую-нибудь глупость или забуду что-нибудь, что должна сделать. Например, считается ли хорошим тоном взять себе за столом вторую порцию чего-нибудь, если очень хочется?

— Все твои трудности, Аня, из-за того, что ты слишком много думаешь о себе. Тебе нужно просто думать о миссис Аллан, о том, что будет ей больше всего приятно, — сказала Марилла, в кои-то веки сразу выдав здравый и лаконичный совет. Аня мгновенно его оценила:

— Вы правы, Марилла. Я постараюсь совсем не думать о себе.

Вероятно, Ане удалось пройти через этот визит без каких-либо серьезных нарушений «этикета», потому что в сумерки, когда огромное, высокое вечернее небо зажглось сиянием шафранных и розовых облаков, она вернулась домой радостная и блаженно счастливая. Усевшись на большой плите красного песчаника возле кухонной двери и положив свою усталую кудрявую головку Марилле на колени, она принялась за свой рассказ. Прохладный ветерок прилетал с широких еще не сжатых полей, с поросших соснами холмов, возвышавшихся на западе, и шумел в тополях. Большая ясная звезда висела над садом, и светляки порхали над Тропинкой Влюбленных, то теряясь в папоротниках и качающихся ветвях, то появляясь вновь. Аня следила, за ними взглядом, пока говорила, и чувствовала, что ветер, и звезды, и светляки — все сливается вместе во что-то невыразимо сладостное и чарующее.

— Ах, Марилла, я совершенно *очаровательно* провела время. Я чувствую, что жила не напрасно, и всегда буду это чувствовать, даже если меня никогда больше не пригласят на чай ни к одному священнику. Когда я пришла, миссис Аллан встретила меня у дверей. На ней было прелестнейшее платье из бледно-розовой кисеи с массой оборок и рукавами до локтя, и выглядела она как серафим! Я думаю, Марилла, что хорошо было бы стать женой священника, когда вырасту. Священник, должно быть, не будет обращать внимания на мои рыжие волосы, потому что он не должен думать о таких мирских вещах. Но как жена пастора я, конечно, должна быть от природы хорошей, а я такой никогда не буду, так что не стоит об этом и мечтать. Некоторые люди хорошие от природы, вы ведь знаете, а другие нет. И я из этих других. Миссис Линд говорит, что я исполнена первородного греха. И как бы я ни старалась быть хорошей, я никогда не добьюсь такого успеха, как те, которые хорошие уже от природы. Я думаю, что это так же, как с геометрией. Но вам не кажется, что, если очень упорно стараешься, это тоже должно иметь какое-то значение? Миссис Аллан из тех,

которые от природы хорошие Я люблю ее страстно. Понимаете, есть такие люди, как Мэтью и миссис Аллан, которых можно полюбить сразу и без всякого труда. А есть другие, как миссис Линд; чтобы их полюбить, надо очень стараться. Знаешь, что *должен* их любить, потому что они так много знают и так много делают для церкви, но приходится все время себе об этом напоминать, а то забываешь... Кроме меня в гостях у миссис Аллан была еще одна девочка; она ходит в воскресную школу в Уайт Сендс. Ее зовут Лоретта Брэдли, и она очень милая девочка. Не совсем родственная душа, понимаете, но все равно очень милая. Чаепитие было такое изысканное, и кажется, мне удалось соблюсти все правила этикета. После чая миссис Аллан играла на рояле и пела, и нас с Лореттой уговорила спеть. Миссис Аллан говорит, что у меня хороший голос и она включит меня в хор воскресной школы. Вы представить не можете, какая меня пронзила дрожь от одной этой мысли! Я так хотела петь в хоре вместе с Дианой, но боялась, что недостойна и мечтать о такой чести. Лоретте пришлось рано вернуться домой, потому что сегодня в гостинице в Уайт Сендс должен состояться большой концерт и там будет выступать ее сестра. Лоретта говорит, что американцы, которые останавливаются в гостинице, устраивают каждые две недели концерт в пользу больницы в Шарлоттауне и приглашают многих из Уайт Сендс принять участие. Лоретта надеется, что ее тоже когда-нибудь пригласят выступить. Я только посмотрела на нее с восхищением. Когда она ушла, мы сердечно беседовали с миссис Аллан. Я ей все рассказала... о миссис Томас и близнецах, о Кейти Морис и Виолетте, и как я приехала в Зеленые Мезонины, и про трудности с геометрией. Ах, поверите ли, Марилла? Миссис Аллан сказала, что она тоже была тупой в геометрии. Вы представить себе не можете, как это меня ободрило! А когда я уже уходила, к миссис Аллан зашла миссис Линд, и что вы думаете, Марилла? Попечительский совет школы нанял нового учителя... и это леди! Ее зовут мисс Мюриэль Стейси. Не правда ли, очень романтическое имя? Миссис Линд говорит, что в Авонлее никогда не было учительницы, и она думает, что это опасное нововведение. Но мне кажется, будет замечательно иметь учительницу, и прямо не знаю, как я переживу эти две недели до начала учебного года. Мне так не терпится увидеть эту новую учительницу!

Глава 23

Аня приносит жертву на алтарь чести

О днако случилось так, что Ане пришлось ждать встречи с новой учительницей больше двух недель. Прошел почти месяц после происшествия с болеутоляющим пирогом, и было самое время для какого-нибудь нового необычного события. Таких мелких неприятностей, как, например, то, что она по рассеянности вылила горшок снятого молока в корзинку с клубками шерсти в кладовой вместо ведра с пойлом для свиней, или то, что во время прогулки, погруженная в мечты, она сошла с бревенчатого мостика прямо в ручей, — даже не стоило принимать в расчет.

Спустя неделю после чаепития в доме священника Диана Барри устраивала вечеринку.

— Небольшое избранное общество, — уверяла Аня Мариллу. — Только девочки из нашего класса.

Они очень весело провели время, и ничего плохого не произошло до тех самых пор, когда после чая они оказались в тенистом саду Барри, уже несколько пресыщенные играми и готовые соблазниться любой представившейся возможностью созорничать. Это их стремление немедленно приняло форму игры в «вызывание». В то время «вызывать» было модным развлечением среди авонлейских школьников. Игру эту ввели мальчики, но вскоре она захватила и девочек. Описание всех глупостей, совершенных в Авонлее в то лето из-за того, что их авторов на это «вызывали», могло бы, без сомнения, составить целую книгу.

Прежде всего, Кэрри Слоан заявила, что Руби Джиллис не осмелится влезть до определенной ветки на огромную старую иву, что перед парадной дверью дома. Разумеется, Руби Джиллис, несмотря на смертельный ужас перед жирными зелеными гусеницами, в

изобилии населявшими указанное дерево, и страх перед гневом матери, неминуемо ожидавшим ее в случае, если бы она разорвала свое новое муслиновое платье, совершила этот подвиг, полностью сокрушив вышеупомянутую Кэрри Слоан.

Затем Джози Пай вызвала Джейн Эндрюс проскакать на левой ноге вокруг садовой ограды, не останавливаясь и не опуская на землю правую ногу, что Джейн Эндрюс храбро попыталась сделать, но на третьем повороте силы покинули ее, и ей пришлось признать свое поражение.

Так как Джози выражала свое торжество более явно, чем допускали приличия, Аня Ширли вызвала ее пройти по забору, огораживавшему сад с восточной стороны. Нужно сказать, что хождение по забору требует больше ловкости и хладнокровия, чем может показаться тому, кто никогда этим не занимался. Но Джози Пай, хоть и была лишена тех достоинств, которые привлекают симпатию окружающих, обладала врожденным и должным образом культивируемым талантом ходить по заборах. Она прошла по забору Барри с небрежным и беззаботным видом, который подразумевал, что на такой пустяк не стоило и «вызывать». Ее подвиг приветствовали принужденным восхищением; большинство девочек могли оценить его по достоинству, ибо сами не раз пострадали в результате подобных попыток. Джози соскочила с забора, сияя удовлетворением победы, и взглянула на Аню с вызовом.

Аня тряхнула своими рыжими косами.

— Я думаю, ничего тут нет особенного — пройти по короткому низкому забору, — сказала она. — Я знала одну девочку в Мэрисвилле, которая могла пройти по коньку крыши.

— Не верю, — сказала Джози решительно. — Я не верю, что кто-то может пройти по коньку. Уж ты-то, во всяком случае, не можешь.

— Не могу? — опрометчиво воскликнула Аня.

— Ну так попробуй, если можешь, — сказала Джози дерзко. — Я вызываю тебя влезть на крышу и пройти по коньку над кухней миссис Барри.

Аня побледнела, но выхода не было. Она направилась к дому, где стояла лестница, прислоненная к крыше кухни. Все пятиклассницы хором воскликнули: "Ах!" — отчасти от восхищения, отчасти от ужаса.

— Аня, не делай этого, — умоляла Диана. — Ты упадешь и разобьешься насмерть. Не обращай внимания на Джози Пай. Это нечестно — вызывать на такое опасное дело.

— Я должна это сделать. Речь идет о моей чести, — сказала Аня торжественно. — Я пройду по коньку крыши, Диана, или погибну при этой попытке. Если я разобьюсь насмерть, возьми себе на память мое колечко из бусинок.

Среди воцарившегося молчания Аня влезла по лестнице, добралась до конька, выпрямилась на этой ненадежной опоре и двинулась вперед, смутно сознавая, что находится неприятно высоко над землей и что хождение по коньку крыши не то занятие, где могло бы пригодиться богатство воображения. Тем не менее она ухитрилась сделать несколько шагов, прежде чем произошла катастрофа. Она покачнулась, потеряла равновесие и упала, покотившись вниз по нагретой солнцем крыше, ломая и обрывая ветки вившегося по ней виргинского плюща, — все это прежде, чем из груди перепуганных зрительниц, стоявших внизу, успел вырваться общий крик ужаса.

Если бы Аня скатилась с крыши по той стороне, с которой она поднялась, то Диана, без сомнения, немедленно стала бы наследницей колечка из бусинок. Но, к счастью, она упала с другой стороны, где крыша свисала с крыльца так низко над землей, что падение в этом месте было гораздо менее опасным. Тем не менее, когда Диана и другие девочки — за исключением Руби Джиллис, которая словно приросла к земле и разразилась истерическими рыданиями, — бешено промчались вокруг дома, они нашли Аню, совершенно бледную и бессильную, лежащей среди оборванных и переломанных побегов виргинского плюща.

— Аня, ты убита? — взвизгнула Диана, бросаясь на колени возле своей подруги. — Ах, Аня, дорогая, скажи мне хоть словечко, скажи мне, ты убита?

К огромному облегчению всех девочек, и особенно Джози Пай, которая, несмотря на

отсутствие воображения, уже видела внутренним взором, как вечно будет носить тяжкое клеймо виновницы ранней и трагической смерти Ани Ширли, Аня, покачиваясь, села и неуверенно ответила:

— Нет, Диана, я не убита, но мне кажется, я потеряла сознание.

— Как это? — рыдала Кэрри Слоан. — Ах, как это, Аня?

Прежде чем Аня успела ответить, на сцене появилась миссис Барри. При виде ее Аня попыталась встать на ноги, но тут же упала, резко вскрикнув от боли.

— Что случилось? Что ты ушибла? — решительно спросила миссис Барри.

— Лодыжку, — простонала Аня. — Ах, Диана, пожалуйста, позови твоего папу и попроси его отнести меня домой. Я чувствую, что самой мне не дойти. И я точно знаю, что не смогу допрыгать до дома на одной ноге, если Джейн не смогла пропрыгать даже вокруг сада.

Марилла была в саду, где собирала летние яблоки, когда вдруг заметила мистера Барри, который перешел через ручей по бревенчатому мостику и начал подниматься по склону к Зеленым Мезонином. Рядом с ним шла миссис Барри, а сзади тянулась целая процессия девочек. На руках он нес Аню, голова которой безвольно лежала у него на плече.

В этот момент Марилле открылось все. Вместе с неожиданной болью, поразившей ее в самое сердце, к ней пришло сознание того, чем стала для нее Аня. Она и прежде была готова признать, что Аня ей нравится... даже, что она к ней очень привязана. Но теперь, когда она бегом спускалась с холма, она уже знала, что Аня ей дороже всего на свете.

— Мистер Барри, что с ней случилось? — задыхаясь, спросила она, более бледная и взволнованная, чем когда-либо случалось быть сдержанной и рассудительной Марилле.

Аня, приподняв голову, ответила сама:

— Не пугайтесь, Марилла. Я ходила по коньку крыши и упала. Я думаю, что я вывихнула лодыжку. Но, Марилла, ведь я могла и шею сломать. Во всем нужно видеть хорошую сторону.

— Я должна была знать, что что-нибудь да случится, если я позволю тебе пойти на эту вечеринку, — сказала Марилла резко и ворчливо, хотя и с некоторым облегчением. — Несите ее сюда, мистер Барри, и положите на диван. Боже мой, да она в обмороке!

Так оно и было. Исполнилось еще одно из горячих желаний Ани: измученная болью, она потеряла сознание.

Мэтью, поспешно отозванный с поля, немедленно отправился за доктором, который, прибыв в должное время, констатировал, что травма более серьезная, чем предполагалось. Нога была сломана в лодыжке.

В тот вечер, когда Марилла поднялась в комнатку в мезонине, где лежала Аня с побелевшим от боли лицом, из постели ее приветствовал жалобный взглас:

— Вам меня очень жаль, Марилла?

— Все произошло по твоей собственной вине, — сказала Марилла, закрывая ставни и зажигая лампу.

— Именно поэтому вы и должны бы меня пожалеть, — сказала Аня, — потому что именно мысль, что все это моя собственная вина, и делает это испытание таким тяжелым. Если бы я имела право винить кого-нибудь другого, мне было бы гораздо легче. А что сделали бы вы, Марилла, если бы вас вызвали пройти по коньку крыши?

— Я осталась бы стоять на твердой земле и позволила бы «вызвать» меня сколько угодно. Что за чушь! — ответила Марилла.

Аня вздохнула:

— Да, но у вас такая сила воли, Марилла. А у меня ее нет! Я просто почувствовала, что не смогу вынести презрения Джози Пай. Она торжествовала бы свою победу надо мной всю жизнь. И мне кажется, я наказана так сурово, что вы не должны на меня сердиться, Марилла. Оказалось, что упасть в обморок ничуть не приятно. И доктор сделал мне ужасно больно, когда вправлял ногу. Я не смогу ходить шесть или семь недель и не увижу новую учительницу. Ведь она уже больше не будет новой, когда я смогу ходить в школу. И Гил...

все остальные обгонят меня в учебе. Ах, я несчастнейшая из смертных! Но я постараюсь все это мужественно перенести, если только вы не будете сердиться на меня, Марилла.

— Ну-ну, я не сержусь, — сказала Марилла. — Тебе не повезло, конечно, и, как ты сама признаешь, ты будешь из-за этого страдать. Ну, а теперь постарайся съесть что-нибудь.

— Как это хорошо, что у меня богатое воображение, — заметила Аня. — Я полагаю, оно поможет мне все это пережить. А что делают люди, у которых нет никакого воображения, когда они ломают себе кости? Как вы думаете, Марилла?

У Ани были все основания не раз благословить свое воображение в последовавшие за этим семь скучных недель. Впрочем, она не была отдана исключительно на его милость. Ее навещали многие, и не проходило дня, чтобы не забежала одна или несколько одноклассниц, чтобы принести ей цветы и книжки, а также рассказать обо всем, что происходит в школьном мире Авонлеи.

— Все были так добры ко мне, Марилла, — счастливо вздыхала Аня в тот день, когда впервые смогла, хромая, пройти по комнате. — Не очень-то приятно быть прикованной к постели, но в этом есть и хорошая сторона, Марилла. Тогда можно узнать, как много у тебя друзей. Даже ректор воскресной школы, мистер Белл, пришел меня проводить; он действительно очень хороший человек! Не родственная душа, конечно, но он мне все равно нравится, и мне ужасно жаль, что я критиковала его молитвы. Я теперь верю, что он говорил от души, просто он привык так говорить, как будто его это все не очень интересует. Он мог бы это преодолеть, если бы приложил хоть чуточку усилий. Я дала ему ясный намек. Я рассказала ему, как усердно я старалась сделать мои маленькие личные молитвы интересными. А он рассказал мне, как он сломал лодыжку, когда был маленьким. Так странно подумать, что мистер Белл когда-то был мальчиком. Даже мое воображение, похоже, имеет пределы, потому что я не могу этого вообразить. Когда я пытаюсь представить его мальчиком, я вижу его с седыми бакенбардами и в очках, точно таким, каким он выглядит в воскресной школе, только маленьким. А вот миссис Аллан очень легко вообразить маленькой девочкой. Миссис Аллан приходила ко мне четырнадцать раз. Разве не повод гордиться, Марилла? Ведь у жены священника так много забот. Она такая приятная гостья! Никогда не скажет, что это была моя собственная вина или что она надеется, что в результате этого несчастья я стану лучше. Миссис Линд мне это говорила каждый раз, когда приходила меня проводить. И она говорила это таким тоном, как будто она надеется, что я стану лучше, но далеко в этом не уверена. Даже Джози Пай приходила меня навестить. Я приняла ее как можно вежливее, потому что я думаю, ей неприятно, что она вызвала меня пройти по коньку крыши. Если бы я погибла, ее всю жизнь мучили бы тяжкие угрызения совести! Диана была верной подругой. Она приходила каждый день к моему одинокому ложу, чтобы утешить меня. Но, ах, мне будет так радостно, когда я смогу ходить в школу, потому что я слышала так много интересного о новой учительнице. Все девочки твердят, что она просто прелесть. Диана говорит, что у нее чудесные светлые вьющиеся волосы и такие очаровательные глаза. Она красиво одевается, а буфы у нее на рукавах больше, чем у всех остальных в Авонлее. Каждые две недели по пятницам она устраивает в школе выступления, на которых каждый декламирует какой-нибудь отрывок или принимает участие в диалоге. Ах, как чудесно даже подумать об этом! Джози Пай говорит, что терпеть не может этих декламаций, но это просто потому, что у Джози так мало воображения. Диана, Руби Джиллис и Джейн Эндрюс разучивают к следующей пятнице диалог под названием "Утренний визит". А в те пятницы, когда нет выступлений, мисс Стейси ведет всех в лес на урок на открытом воздухе, и они изучают папоротники, цветы и птиц. И каждый день перед занятиями и после бывают физические упражнения. Миссис Линд говорит, что она никогда не слышала ничего подобного и что такое может быть только, когда на должность берут не учителя, а учительницу. Но я думаю, что это должно быть чудесно, и надеюсь, что в мисс Стейси я найду родственную душу.

— Что мне совершенно ясно, Аня, — сказала Марилла, — так это то, что при падении с крыши дома Барри язык твой ничуть не пострадал.

Глава 24

Мисс Стейси и ее ученики готовят концерт

И снова был октябрь, когда Аня смогла вернуться в школу, — великолепный октябрь, весь в пурпуре и золоте, с тихими утрами, когда чаши долин были полны нежными туманами, словно дух осени заполнил их, чтобы солнце могло испытать эти чаши до дна; туманы переливались всеми цветами — аметистовым, жемчужным, серебристым, розовым и дымчато-голубым. Роса была такой обильной, что поля сверкали, словно серебряная парча, а в поросших густым лесом долинах лежали такие кучи шелестящих листьев, что при каждом шаге раздавался громкий хруст. Над Березовой Дорожкой раскинулся желтый шатер, а папоротники вдоль нее увяли и потемнели. В воздухе носился приятный острый запах осени, который бодрил маленьких девочек, отнюдь не черепашьям шагом, но быстро и охотно шагнувших в школу. Как было приятно снова сесть за темную парту рядом с Дианой, увидеть Руби Джиллис, приветливо кивающую через проход между рядами, получить милую записочку от Кэрри Слоан и лучший кусочек смолистой «жвачки» с задней парты от Джули Белл. Когда Аня очинивала свой карандаш и раскладывала на парте свои картинки, у нее вырвался глубокий вздох счастья. Вне всякого сомнения, жизнь была очень интересной.

В новой учительнице Аня нашла еще одного верного и полезного друга. Мисс Стейси была энергичной и симпатичной молодой женщиной со счастливым даром завоевывать и сохранять привязанность своих учеников и способностью пробуждать лучшее, что было в их умственном и духовном складе. Аня распускалась как цветок под этим благотворным влиянием и приносила домой восхищенному Мэтью и критичной Марилле восторженные отчеты о школьных делах и планах.

— Я люблю мисс Стейси всем сердцем, Марилла. Она настоящая дама, и у нее такой мелодичный голос. Когда она произносит мое имя, я инстинктивно чувствую, что я для нее Аня, а не Анюта. Сегодня после обеда мы декламировали. Ах, жаль, что вы не слышали, как я декламировала "Мария Стюарт, королева Шотландии". Я вложила в эти стихи всю душу. Руби Джиллис сказала мне по дороге домой, что от того, как я произнесла строку "Отныне прощай, о сердце женское мое", у нее кровь застыла в жилах.

— Может быть, ты мне это тоже как-нибудь на днях продекламируешь в коровнике? — предложил Мэтью.

— Охотно, — сказала Аня задумчиво, — но боюсь, у меня не получится так же хорошо. Это будет совсем не так волнующе, как когда перед вами полная школа, которая, затаив дыхание, внимает вашим словам. Наверное, я не смогу сделать так, чтобы у вас тоже кровь застыла в жилах.

— Миссис Линд говорит, что у нее кровь застыла в жилах в прошлую пятницу, когда она увидела, как ваши мальчики лезли на самые верхушки тех высоких деревьев на холме Беллов за вороньими гнездами, — вставила Марилла. — Удивляюсь, что мисс Стейси это поощряет.

— Но нам было нужно воронье гнездо для урока природоведения, — объяснила Аня. — У нас был урок на открытом воздухе. Эти уроки просто прелесть, Марилла. И мисс Стейси так хорошо все объясняет. А потом мы пишем сочинения об этих уроках, и мои — лучше всех.

— Нехорошо быть такой самонадеянной. Судить о твоих сочинениях может только учительница.

— Именно *она* это и сказала, Марилла! И я совсем не самонадеянная. Как можно, если я такая тупая в геометрии? Впрочем, в последнее время я начинаю и ее немножко лучше понимать. Мисс Стейси так понятно объясняет! Но все равно, я никогда не смогу добиться успеха в этом предмете, и уверяю вас, это унижительное чувство. Зато я очень люблю писать сочинения. Обычно мисс Стейси позволяет нам выбирать свободные темы, но на следующей неделе мы должны будем написать о какой-нибудь выдающейся личности. Так трудно

выбрать, о ком писать, очень много выдающихся людей жило на свете. Как это, должно быть, замечательно — быть знаменитым и чтобы после смерти о тебе писали сочинения! Ах, я так хотела бы стать знаменитой! Я думаю, что, когда вырасту, я выучусь на медицинскую сестру и вместе с Красным Крестом отправлюсь на поле битвы как посланница милосердия. Ну, разумеется, если я не поеду за границу в качестве миссионера. Это было бы очень романтично, но чтобы стать миссионером, нужно быть очень хорошим, и это может оказаться для меня камнем преткновения... А еще у нас каждый день бывают физические упражнения. Они помогают развить грацию и улучшают пищеварение.

— Улучшают! Чепуха! — сказала Марилла, которая действительно считала физические упражнения бессмысленным занятием.

Но все уроки на открытом воздухе, и декламации по пятницам, и физические упражнения померкли в свете проекта, который мисс Стейси предложила своим ученикам в ноябре. Он заключался в том, что ученики авонлейской школы должны были подготовить концерт и показать его публике накануне Рождества с похвальной целью собрать средства на школьный флаг. Все ученики, как один, с восторгом приняли это предложение и немедленно приступили к составлению программы концерта. Но из всех охваченных энтузиазмом будущих исполнителей самой взволнованной была Аня Ширли, которая предалась этому делу всей душой и сердцем, сдерживаемая лишь явным неодобрением Мариллы, считавшей, что вся эта затея — сущий вздор.

— Только забиваете себе голову чепухой и теряете время, которое могли бы уделить учебе, — ворчала она. — Я против того, чтобы дети устраивали концерты и бегали по репетициям. В результате они становятся тщеславными, развязными и привыкают слоняться без дела.

— Но, подумайте, какая благородная цель! — защищалась Аня. — Флаг будет усиливать в нас дух патриотизма, Марилла.

— Вздор! Уж о патриотизме-то вы меньше всего думаете. Все, что вам нужно, — это развлечься.

— Но, если можно совместить патриотизм и развлечение, разве это плохо? Это настоящее удовольствие — готовить концерт. У нас будет шесть хоровых песен, а Диана будет петь соло. Я участвую в двух диалогах — "Общество по борьбе со сплетнями" и "Королева фей". Мальчики тоже представят диалог. А еще я буду декламировать два стихотворения. Меня прямо дрожь пробирает, когда я об этом подумаю, но дрожь очень приятная. А под конец будет живая картина "Вера, Надежда, Любовь": Диана, Руби и я будем все в белом, с распущенными волосами. Я буду Надежда и сложу руки вот так, а глаза подниму к небу. Я собираюсь разучивать стихи на чердаке, так что не пугайтесь, если услышите мои стоны. Мне в одном стихотворении нужно душераздирающе стонать, а это очень трудно — издать хороший артистический стон, Марилла! Джози Пай дуется, потому что ей не дали роль, которую она хотела. Она хотела быть королевой фей. Но это было бы просто смешно: кто слышал о такой толстой королеве фей, как Джози? Королевы фей должны быть стройными. Королевой будет Джейн Эндрюс, а я одной из ее придворных дам. Джози говорит, что рыжая фея — так же смешно, как и толстая фея, но я стараюсь не обращать внимания на то, что говорит Джози. У меня на голове будет венок из белых роз, а Руби Джиллис одолжит мне свои туфельки, потому что у меня нет туфель, а феям совершенно необходимо иметь туфли, вы ведь знаете. Разве можно вообразить фею в ботинках, ведь нельзя? Особенно в ботинках с окованными носками? Мы украсим зал хвойными ветками и венками с вплетенными в них красными бумажными розами. А когда зрители рассядутся, мы войдем в зал парами, друг за другом, а Эмма Уайт будет играть на органе марш. Ах, Марилла, я знаю, вы не с таким энтузиазмом относитесь к этому, как я, но разве вы не надеетесь, что ваша Аня отличится на этом концерте?

— Все, на что я надеюсь, — это что ты будешь себя хорошо вести. И я буду рада всей душой, когда вся эта суэта будет позади, а ты сможешь наконец успокоиться и взяться за дело. А то ты просто неспособна ничем заняться сейчас, когда голова у тебя забита

диалогами, стонами и живыми картинами. А что до твоего языка, то просто чудо, что он у тебя еще не износился окончательно.

Аня вздохнула и отправилась на задний двор, где Мэтью колол дрова. Молодой узкий месяц, сиявший с желтовато-зеленого западного неба, заглядывал во двор через голые сучья тополей. Аня устроилась на одном из поленьев и заговорила с Мэтью о предстоящем концерте, уверенная, что найдет в нем благосклонного и благодарного слушателя.

— Ну, я думаю, это будет очень хороший концерт. И конечно же ты хорошо справишься со своей ролью, — сказал он, улыбаясь и глядя сверху вниз в ее оживленное личико.

Аня улыбнулась ему в ответ. Эти двое были лучшими друзьями, и Мэтью не раз благодарил свою счастливую звезду, что не имеет никаких отношений к воспитанию Ани. Это было исключительной обязанностью Мариллы. Если бы он должен был воспитывать Аню, ему, без сомнения, не раз пришлось бы разрываться между чувством и вышеупомянутой обязанностью. А так он мог "портить Аню", по выражению Мариллы, сколько угодно. Но это было, в конце концов, и не такое плохое положение дел: время от времени "оценить по достоинству" так же полезно, как и постоянно добросовестно "воспитывать".

Глава 25

Мэтью настаивает на рукавах с буфами

Мэтью пережил неприятные десять минут. Это произошло, когда в сумерки, холодным серым декабрьским вечером он вошел в кухню и присел в углу на ящик с дровами, чтобы снять свои тяжелые сапоги, не подозревая о том, что Аня и несколько ее одноклассниц репетировали в маленькой гостиной диалог "Королева фей". В этот самый момент они гурьбой пробежали через переднюю и вошли в кухню, весело смеясь и болтая. Они не заметили Мэтью, который смущенно отпрянул в тень за ящик с дровами, с сапогом в одной руке и сапожным рожком в другой. Он робко наблюдал за ними в течение тех самых вышеупомянутых десяти минут, пока они надевали шапочки и пальтишки и болтали о диалоге и концерте. Аня стояла среди них с такими же сияющими глазами и такая же оживленная, как они. Но Мэтью внезапно осознал, что было в ней что-то, что отличало ее от подружек. И что беспокоило Мэтью, так это то, что разница, замеченная им, не должна была существовать. Цвет лица у Ани был ярче, глаза больше и лучистее, черты более тонкие, чем у остальных. Даже застенчивый, ненаблюдательный Мэтью мог заметить это. Но разница, которая беспокоила его, не заключалась ни в одном из отмеченных различий. Тогда в чем же она заключалась?

Этот вопрос мучил Мэтью еще долго после того, как девочки ушли под ручку по длинной схваченной морозом тропинке, а Аня уселась за книжки. Он не мог обратиться с этим вопросом к Марилле, так как был уверен, что она скорее всего фыркнет презрительно и заметит, что единственная разница, какую она видит между Аней и другими девочками, так это то, что те иногда помалкивают, а Аня никогда. А это, чувствовал Мэтью, мало ему поможет.

Чтобы разобраться в этой проблеме, он прибег, по обыкновению, к своей спасительной трубке, и как всегда, к большому неудовольствию Мариллы. После двухчасового курения и упорных размышлений Мэтью пришел к решению проблемы. Аня была одета не так, как другие девочки!

Чем дольше Мэтью размышлял, тем больше проникался убеждением, что Аня никогда не была одета как другие девочки... никогда, с тех пор как она приехала в Зеленые Мезонины. Марилла постоянно одевала ее в простые темные платья одного неизменного фасона. Если Мэтью и знал, что есть такая вещь, как мода, то это, пожалуй, было все, что ему было известно; но он был совершенно уверен, что Анины рукава выглядят не так, как рукава других девочек. Он вспомнил стайку Аниных одноклассниц, в окружении которых

видел ее в этот вечер, — все в веселых красных, голубых, розовых, белых платьицах — и задумался, почему Марилла всегда одевает ее так мрачно и некрасиво.

Конечно, так, наверное, должно было быть. Марилла лучше знала, что делает, ведь она воспитывала Аню. Вероятно, этим достигались какие-то непостижимо мудрые цели. Но, без сомнения, не будет никакого вреда, если у девочки появится хоть одно хорошенькое платьице — что-нибудь вроде тех, какие обычно носит Диана Барри. Мэтью решил, что он подарит Ане такое платье; ведь это не может рассматриваться как неоправданное вмешательство не в свое дело и не должно вызвать возражений. До Рождества осталось всего две недели. Красивое новое платье будет самым подходящим подарком. И Мэтью со вздохом удовлетворения отложил в сторону трубку и пошел спать, а Марилла, открыв все двери, проветривала дом.

На следующий же день Мэтью отправился в Кармоди покупать платье. Он был решительно настроен быстро покончить с этим делом, но чувствовал, что оно окажется для него нешуточным испытанием. Были вещи, которые Мэтью умел покупать, и при этом мог неплохо поторговаться; но он понимал, что, когда речь идет о покупке платья для девочки, ему придется отдаться на милость продавца.

После долгих размышлений Мэтью решил отправиться в магазин Сэмюэля Лоусона, вместо того чтобы идти к Уильяму Блэру. Правда, Касберты всегда делали покупки только у Блэра; это было для них почти таким же делом совести, как посещать пресвитерианскую церковь и голосовать за консерваторов. Но у Уильяма Блэра были две дочери, которые часто обслуживали покупателей, и Мэтью боялся их как огня. Он мог ухитриться сделать покупку и у них, когда точно знал и мог просто указать, чего хочет, но в таком деле, где требовались объяснения и консультации, Мэтью желал, чтобы за прилавком стоял мужчина. Так что он пойдет к Лоусону, где его встретит Сэмюэль или его сын.

Увы! Мэтью не знал, что в связи с недавним расширением своего торгового дела Сэмюэль тоже нанял продавщицу. Это была племянница его жены, элегантная юная особа с высокой прической в стиле «помпадур» большими живыми карими глазами и необыкновенно широкой и обескураживающей улыбкой. Одета она была щегольски, а на руках носила по несколько браслетов, которые сверкали, гремели и звякали при каждом ее движении. Обнаружив ее за прилавком, Мэтью уже был охвачен смущением, а от звона браслетов он в один миг потерял всякое соображение.

— Чем могу служить, мистер Касберт? — спросила мисс Люсилла Харрис, весело и кокетливо, легко похлопывая по прилавку обеими руками.

— Есть у вас какие-нибудь... ну... ну... ну вот, скажем, садовые грабли? — запинаясь, вымолвил Мэтью.

Мисс Харрис взглянула несколько удивленно, что, впрочем, естественно, если слышишь, как человек интересуется садовыми граблями в середине декабря.

— Кажется, у нас осталась одна или две штуки, — сказала она, — но они наверху, на складе. Сейчас схожу и посмотрю.

Во время ее отсутствия Мэтью собирал свои растрепанные мысли и чувства для новой попытки.

Когда мисс Харрис вернулась с граблями и радостно спросила: "Еще что-нибудь, мистер Касберт?" — Мэтью собрался с духом и отвечал:

— Ну, раз уж вы мне напомнили, я мог бы также... взять... то есть... взглянуть на... купить... немного семян трав...

Мисс Харрис слышала, что Мэтью называют странным. Теперь она пришла к выводу, что он просто сумасшедший.

— Семена мы продаем только весной, — объяснила она высокомерно. — Сейчас у нас ничего нет в наличии.

— Ах, конечно... конечно... разумеется, — пробормотал несчастный Мэтью, хватая грабли и направляясь к двери. На пороге он вспомнил, что не заплатил за них, и со страдальческим видом повернул обратно. Пока мисс Харрис отсчитывала сдачу, он собирал

силы для последней отчаянной попытки.

— Ну... если я вас не очень беспокою... я хотел бы... то есть... я хотел бы взглянуть на... на... сахар.

— Рафинад или неочищенный? — терпеливо спросила мисс Харрис.

— Ах... ну... неочищенный, — сказал Мэтью невнятно.

— Вон там стоит бочонок, — указала мисс Харрис, побрякивая своими браслетами. — Это единственный сорт, какой у нас есть.

— Я... я возьму двадцать фунтов, — сказал Мэтью; лоб у него покрылся испариной.

Только на полпути домой Мэтью окончательно пришел в себя. Это было ужасное испытание, но, решил он, так ему и надо за такую ересь, как покупка в чужом магазине. Добравшись до дома, он спрятал грабли в сарае, где хранились инструменты, но сахар пришлось отнести Марилле.

— Неочищенный сахар! — воскликнула Марилла. — Что это тебя дернуло купить, да еще так много? Ты же знаешь, я его никогда не использую, только в кашу батраку или в темный кекс. Джерри мы уже рассчитали, а кексы я уже давно не пекла. К тому же это плохой сахар — крупный и темный, — Уильям Блэр обычно такого не держит.

— Я... я думал, может, как-нибудь пригодится, — сказал Мэтью, успешно спасаясь бегством.

Обдумав положение, Мэтью пришел к выводу, что для того, чтобы справиться с этим делом, нужна женщина. О Марилле не могло быть и речи. Мэтью ясно чувствовал, что она немедленно окатит его проектом ушатом холодной воды. Оставалась только миссис Линд; ни у какой другой женщины в Авонлее Мэтью не осмелился бы попросить совета. К миссис Линд он и отправился. Добрая леди сразу сняла тяжкое бремя с плеч потерявшего покой мужчины.

— Выбрать платье в подарок Ане? Конечно я выберу. Я завтра собираюсь в Кармоди и заодно сделаю и эту покупку для вас. У вас есть какие-нибудь особенные пожелания? Нет? Хорошо, тогда я выберу на свой вкус. Я думаю, красивый глубокий коричневый цвет будет Ане к лицу. Я знаю, что Уильям Блэр недавно получил очень красивую шелковую «глорию» такого цвета. Может быть, вы хотите, чтобы я сшила это платье? Ведь если Марилла возьмется за это, Аня, вероятно, узнает обо всем прежде времени, и сюрприза не получится. Хорошо, я сошью. Нет, нет, мне ни капельки не трудно. Я люблю шить. Я сошью по выкройке, которую делала на мою племянницу, Дженни Джиллис, потому что они с Аней как две капли воды, если речь идет о фигуре.

— Ну, премного обязан, — сказал Мэтью, — и... и... не знаю... но я хотел бы... мне кажется, теперь делают не такие рукава, как прежде. Если это не окажется слишком смелым требованием, я... я хотел бы, чтобы они были сделаны по-новому.

— С буфами? Разумеется. Можете не волноваться, Мэтью. Я сошью по самой последней моде, — заверила миссис Линд. Когда Мэтью ушел, она добавила, обращаясь к себе самой: — Приятно будет хоть на этот раз увидеть бедного ребенка прилично одетым. То, как Марилла ее одевает, просто смешно, скажу я вам, и меня не раз подмывало прямо сказать ей об этом. Я, конечно, промолчала, потому что вижу, что Марилла не хочет никаких советов и уверена, что хоть она и старая дева, но знает больше о воспитании детей, чем я. Так всегда бывает. Люди, которые воспитывали детей, хорошо знают, что нет единого надежного метода, который годился бы для любого ребенка. Но те, кто детей не воспитывал, думают, что это так же просто и легко, как тройное правило в арифметике — только поставьте так-то и так три числа, и сумма выйдет правильно. Но плоть и кровь не подходят ни под какую арифметику, вот тут-то Марилла и совершает ошибку. Можно предположить, что, одевая Аню подобным образом, она пытается воспитать в ней дух смирения, но скорее всего, этим она развивает только зависть и неудовлетворенность. Я уверена, что девочка видит разницу между своей одеждой и нарядами других девочек. Подумать только, даже Мэтью это заметил! Этот человек просыпается после шестидесяти лет спячки!

В следующие две недели Марилла ясно чувствовала, что на уме у Мэтью было что-то необычное, но что это было, она не могла догадаться до самого кануна Рождества, когда

миссис Линд принесла новое платье. Марилла приняла произошедшее в целом хорошо, хотя скорее всего не поверила дипломатичным объяснениям миссис Линд о том, что она сшила платье якобы только потому, что Мэтью боялся, как бы Аня не узнала заранее о подарке.

— Так вот почему все эти две недели Мэтью смотрел так загадочно и усмехался в бороду, — сказала она несколько холодно, но снисходительно. — Я знала, что он замышляет какую-то глупость. Должна сказать, что не считаю, будто Ане нужны еще какие-то платья. Я сшила ей этой осенью три хороших, теплых, практичных платья, а все, что сверх этого, — совершенно излишняя расточительность! На одни эти рукава ушло столько ткани, что хватило бы на целую блузку. Ты только разжигаешь в Ане тщеславие, Мэтью, а у нее уже и так самовлюбленности, как у павлина. Ну, надеюсь, она наконец будет довольна. Я знаю, она мечтала об этих глупейших рукавах с тех самых пор, как они вошли в моду, хотя ни словом о них не вспоминала после того первого раза. Буфы становятся все больше и смешнее, они уже и теперь огромные, как воздушные шары. А в следующем году модницам, наверное, придется проходить в дверь бочком.

Рождественское утро застало мир в прекрасном белом уборе. В тот год декабрь был теплым, и все приготовились к зеленому Рождеству, но ночью выпал снег, и его как раз хватило, чтобы совершенно преобразить Авонлею. Аня с восторгом выглянула через дырочку на своем разукрашенном морозом окне. Заснеженные ели в Лесу Призраков были удивительно пушистыми, березы и дикие вишни стояли словно усыпанные жемчугом, вспаханные поля превратились в ряды снежных ямочек, а в чистом холодном воздухе слышалось чудесное похрустывание. Аня сбегала вниз, весело крича, так что ее голос раздавался по всему дому:

— С Рождеством, Марилла! С Рождеством, Мэтью! Какое чудесное Рождество! Я так рада, что оно белое. Настоящее Рождество должно быть белым, правда? Я не люблю зеленое Рождество. Оно обычно не зеленое, а просто некрасивое и блеклое — коричневого и серого цвета. И почему люди говорят, что оно зеленое? Но... но... Мэтью, это мне? Ах, Мэтью!

Мэтью сконфуженно развернул бумагу и вынул платье, примирительно взглянув на Мариллу, которая с притворным равнодушием наливала воду в чайник, но краешком глаза заинтересованно следила за происходящим.

Аня взяла платье и разглядывала его в благоговейном молчании. Ах, какое красивое! Прекрасная мягкая коричневая «глория», блестящая, как шелк! Юбочка с изящными оборочками и сборочками; лиф, искусно украшенный защипами по последней моде; маленький гофрированный воротничок, обшитый тончайшими кружевами. Но рукава! Они были вершиной дела! Длинные, до локтя, манжеты, а над ними два великолепных буфа, разделенные посередине узкими сборочками и бантиками из шелковой коричневой ленточки.

— Это рождественский подарок для тебя, Аня, — сказал Мэтью робко. — Ну... ну... Аня, тебе нравится? Ну что ты... что ты...

Потому что Анины глаза вдруг наполнились слезами.

— *Нравится* ли мне? Ах, Мэтью! — Аня раскинула платье на стуле и сложила руки. — Мэтью, это верх совершенства! Ах, я никогда не смогу достаточно отблагодарить вас. Только посмотрите на эти рукава! Ах, мне кажется, что это счастливый сон.

— Ну, хорошо, хорошо. Давайте завтракать, — прервала Марилла. — Должна сказать, Аня, я не думаю, что тебе было необходимо это платье; но раз Мэтью подарил его тебе, постарайся аккуратно с ним обращаться. А вот лента для волос, это миссис Линд тебе принесла. Коричневая, под цвет платья. А теперь садись за стол.

— Не знаю, смогу ли я завтракать, — сказала Аня в восторге. — Завтрак кажется слишком прозаичным занятием в такой волнующий момент. Я предпочитаю услаждать взор этим платьем. Я так рада, что рукава с буфами по-прежнему в моде. Я чувствую, что не пережила бы огорчения, если бы они вышли из моды, прежде чем у меня появилось бы платье с *такими* рукавами. Я никогда не ощутила бы полного удовлетворения, понимаете? Как это мило, что миссис Линд подарила мне и ленту. Я чувствую, что должна, в конце концов, стать очень хорошей. В такие минуты, как эта, я очень жалею, что еще не стала

образцовой девочкой, и обычно принимаю решение стать ею в будущем. Но почему-то очень трудно следовать своему решению, когда вдруг приходит какое-нибудь непреодолимое искушение. И все-таки на этот раз я постараюсь приложить особые усилия.

Когда «прозаичный» завтрак был кончен, на белом бревенчатом мостике в долине показалась веселая маленькая фигурка в широком красном пальтишке. Аня выбежала ей навстречу.

— С Рождеством, Диана! Ах, какое чудесное Рождество! Мэтью подарил мне прелестнейшее платье с *такими* рукавами! Я даже не могу вообразить ничего прекраснее!

— У меня есть для тебя еще кое-что, — сказала Диана, не успев перевести дыхания. — Вот... в этой коробке. Тетка Джозефина прислала нам большую посылку, там так всего много... а вот это для тебя. Я должна была принести это тебе вчера вечером, но посылка пришла, когда уже было темно, а я теперь всегда не очень приятно себя чувствую, если приходится идти через Лес Призраков в сумерки.

Аня открыла коробку и заглянула. Сверху лежала открытка с надписью: "Девочке Ане. Веселого Рождества!", а под ней пара изящнейших маленьких туфельек из тонкой кожи с круглыми носками, атласными бантиками и блестящими пряжками.

— Ах, — сказала Аня, — Диана, это уже слишком! Это сон!

— Я называю это настоящим подарком судьбы, — сказала Диана. — Тебе теперь не придется брать туфли у Руби, и слава Богу, потому что они тебе велики на целых два номера. Это было бы ужасно — фея, шаркающая по сцене. Джози Пай наверняка была бы в восторге. А ты знаешь, что Роб Райт позавчера возвращался домой после репетиции с Гerti Пай? Ты когда-нибудь слышала что-нибудь подобное?

Все авонлейские школьники были в тот день в лихорадочном возбуждении: нужно было украсить зал и провести последнюю генеральную репетицию.

Вечером состоялся концерт. Он имел шумный успех. Маленький зал был набит битком, а все исполнители замечательно себя показали. Но звездой вечера оказалась Аня, что даже зависть, воплощением которой являлась Джози Пай, не осмеливалась отрицать.

— Ах, какой блестящий был вечер! — вздохнула Аня, когда все уже было позади и они с Дианой шли вместе домой под темным, усыпанным звездами небом.

— Все сложилось очень удачно, — заметила практичная Диана. — Я думаю, мы собрали долларов десять. Вообрази только, мистер Аллан собирается послать заметку о концерте в Шарлоттаун, в газету.

— Ах, Диана, неужели наши имена будут напечатаны в газете? Меня прямо дрожь охватывает, только об этом подумаю! Твое соло было совершенно великолепно, Диана. Когда закричали «бис», я почувствовала даже большую гордость, чем ты сама. Я себе сказала: "Это моей дорогой душевной подруге так аплодируют!"

— А твоя декламация! Я думала, прямо крыша упадет, так все хлопали! Особенно то, грустное, стихотворение просто замечательно!

— Ах, я так нервничала, Диана! Когда мистер Аллан объявил мой выход, не знаю, как я очутилась на сцене. Я чувствовала, что меня пронзает миллион глаз, и на один ужасный момент мне показалось, что я вообще не смогу начать. Но я подумала о моих прелестных рукавах с буфами и набралась смелости, Я чувствовала, что должна оказаться достойной этих рукавов. И я начала; мне казалось, что мой голос идет откуда-то издалека. Я чувствовала себя совсем как попугай. Это просто подарок судьбы, что я так усердно репетировала на чердаке, иначе у меня ничего бы не вышло. Хорошо я стонала?

— Да, конечно, ты стонала великолепно, — завершила Диана.

— Когда я кончила, то заметила, что старая миссис Слоан вытирает слезы. Как приятно сознавать, что я тронула чье-то сердце! Это так романтично — выступать на концерте, правда? Ах, это будет незабываемое воспоминание!

— А какой отличный диалог был у мальчиков! — сказала Диана. — Гилберт Блайт был просто чудо! Аня, я думаю, ты с ним несправедливо поступаешь. Да подожди, послушай, что я скажу. Когда ты убегала со сцены после диалога фей, одна из роз упала у тебя с головы. Я

видела, как Гил поднял ее и положил в нагрудный карман. Вот видишь! Ты так любишь все романтическое; я уверена, тебе это должно понравиться.

— Меня не интересуют поступки этого человека, Диана, — сказала Аня высокомерно. — Мне жаль тратить время на размышления о нем.

В тот вечер Марилла и Мэтью, которые выбрались на концерт впервые за последние двадцать лет, сидели вместе у кухонного очага. Аня уже пошла спать.

— Ну, я думаю, наша Аня была не хуже других, — сказал Мэтью с гордостью.

— Да, — признала Марилла. — Она способная девочка. И к тому же хорошенькая. Я была против всей этой затеи с концертом, но теперь думаю, что все же ничего плохого тут не было. Во всяком случае, я гордилась Аней сегодня, хотя и не собираюсь ей об этом говорить.

— Я тоже гордился ею сегодня и сказал ей об этом, прежде чем она ушла к себе наверх, — сказал Мэтью. — Нам нужно подумать, что мы можем сделать для нее, Марилла. Скоро школа в Авонлее перестанет ее удовлетворять.

— У нас еще есть время подумать, — ответила Марилла. — В марте ей будет только тринадцать. Хотя сегодня меня поразило, что она так выросла; совсем большая! Миссис Линд сделала платье чуточку длинноватым, и поэтому Аня кажется такой высокой. У нее большие способности, и я думаю, нам лучше всего послать ее потом в Королевскую учительскую семинарию. Но нет нужды говорить об этом еще год или два.

— Ну, ничего не будет плохого, если подумывать об этом время от времени, — сказал Мэтью. — Такие планы тем лучше, чем больше о них размышляешь.

Глава 26

Создание литературного клуба

А вонлейским школьникам было трудно снова вернуться к скучному и однообразному существованию. Особенно Ане после роскошного кубка волнений, из которого она пила в предыдущие недели, теперь все казалось невыносимо монотонным и бессмысленным. Могла ли она вернуться к тихим радостям тех далеких дней, когда о концерте еще и не говорили? Сначала, как она признавалась Диане, она считала это невозможным:

— Я совершенно уверена, Диана, что жизнь никогда уже не сможет стать такой, какой она была в старые времена, — говорила она со скорбным видом и так, словно речь шла о том, что происходило лет пятьдесят назад. — Быть может, пройдет время и я привыкну к этому, но боюсь, концерты делают людей непригодными к повседневной жизни. Я думаю, что именно поэтому Марилла их не одобряет. Марилла такая здравомыслящая женщина. Должно быть, гораздо лучше быть здравомыслящим, однако я все равно не очень хотела бы быть здравомыслящей, потому что это так неромантично! Правда, миссис Линд говорит, что мне это не грозит. Но никогда нельзя предугадать точно. Вот сейчас мне кажется, что с возрастом я могла бы стать здравомыслящей. Но, вероятно, это просто потому, что я устала. Я никак не могла заснуть прошлой ночью. Я лежала совсем без сна и снова и снова переживала наш концерт. У такого рода событий есть то достоинство, что так приятно снова возвращаться к ним в мыслях.

Но в конце концов авонлейская школа постепенно вползла в прежнюю колею и предалась своим прежним интересам, хотя концерт, без сомнения, оставил свои следы. Руби Джиллис и Эмма Уайт поссорились из-за первого места на сцене и теперь больше уже не сидели за одной партой, и многообещающая трехлетняя дружба была разорвана. Джози Пай и Джули Белл "не разговаривали" друг с другом три месяца из-за того, что Джози Пай сказала Бесси Райт, что поклон Джули Белл, вышедшей на сцену, напомнил ей движения клюющего просо цыпленка, а Бесси передала это Джули. Ни один из Слоанов не желал иметь дела с Беллами, потому что Беллы заявили, будто Слоанам дали исполнять слишком много номеров программы, на что Слоаны отвечали, что Беллы оказались неспособны как следует исполнить даже то немногое, что им доверили. И наконец, Чарли Слоан подрался с Муди Спурдженем Макферсоном, потому что Муди Спурджен сказал, что Аня Ширли задирает

нос после своего выступления на концерте, и Муди Спурджен был «побит». В результате сестра Муди Спурджена, Элла, решила до конца зимы "не разговаривать" с Аней Ширли. Если не считать этих мелких трений, дела в маленьком королевстве мисс Стейси шли гладко и заведенным порядком.

Проходила зима. Была она необычайно мягкой, а снега было так мало, что Аня и Диана могли почти каждый день ходить в школу по Березовой Дорожке. В день рождения Ани они легко шагали здесь в школу и, не переставая болтать, все же внимательно приглядывались и прислушивались к тому, что было вокруг, потому что мисс Стейси объявила о предстоящем сочинении на тему "Прогулка по зимнему лесу", а потому надлежало быть наблюдательным.

— Только подумай, Диана, сегодня мне уже тринадцать лет, — заметила Аня с благоговением в голосе. — Мне трудно даже осознать, что теперь меня можно назвать подростком. Когда я проснулась сегодня утром, мне показалось, что теперь все должно быть по-другому. Тебе тринадцать лет уже целый месяц, и ты, я думаю, уже привыкла к этому чувству. Жизнь кажется теперь гораздо интереснее. Через два года я буду по-настоящему взрослой. Так утешительно думать, что тогда я смогу употреблять возвышенные слова и никто не будет над этим смеяться.

— Руби Джиллис говорит, что найдет себе жениха, как только ей исполнится пятнадцать, — заметила Диана.

— Руби Джиллис только и думает что о женихах, — ответила Аня презрительно. — Она прямо в восторге, если кто-нибудь напишет ее имя под объявлением "Обратите внимание", хоть и притворяется, что страшно недовольна. Но боюсь, жестоко так говорить. Миссис Аллан говорит, что мы не должны позволять себе жестоких слов; но они вырываются так часто, прежде чем успеешь подумать, правда? Я просто не могу говорить о Джози Пай без жестоких слов, поэтому я стараюсь вообще о ней не говорить. Ты, наверное, это заметила. Я стараюсь как можно больше походить на миссис Аллан, потому что считаю ее совершенством. Мистер Аллан того же мнения. Миссис Линд говорит, что он боготворит самую землю, по которой ступает его жена, и миссис Линд считает, что это неправильно, если священник проявляет такую любовь к простой смертной. Но, Диана, ведь даже священники тоже люди, и у них, вероятно, тоже есть неискоренимые пороки, как у всех остальных. В прошлое воскресенье у меня был очень интересный разговор с миссис Аллан о неискоренимых пороках. Так мало подходящих тем, на которые прилично говорить в воскресенье, но это одна из них. Мои неискоренимые пороки — буйное воображение и то, что я забываю о своих обязанностях. Я изо всех сил стремлюсь преодолеть эти пороки, и возможно, теперь, когда мне тринадцать, дело пойдет лучше.

— Через четыре года мы уже сможем делать высокую прическу, — сказала Диана. — Элис Белл только шестнадцать, а она уже закалывает волосы, но мне кажется, что это смешно. Я подожду, пока мне исполнится семнадцать.

— Если бы у меня был такой крючковатый нос, как у Элис Белл, — сказала Аня решительно, — я не стала бы... ах, нет! Я не скажу того, что собиралась, потому что это было бы слишком жестоко. К тому же я сравнила ее нос со своим, а уже одно это — тщеславие. Боюсь, я слишком много думаю о своем носе с тех самых пор, как услышала комплимент, что он красивый. Но это действительно большое утешение для меня. Ах, Диана, кролик! Надо будет упомянуть в сочинении. Мне кажется, что в лесу так же чудесно зимой, как и летом. Он такой белый и неподвижный, словно спит и видит прекрасные сны!

— Этого сочинения я не боюсь, — вздохнула Диана. — О лесах я еще могу писать, но то сочинение, которое надо сдать в понедельник, — просто ужас! И зачем мисс Стейси придумала, чтобы мы сочинили свои собственные рассказы?

— Да что ты, это проще простого! — сказала Аня.

— Легко тебе, у тебя есть воображение, — возразила Диана. — А если бы ты уродилась без воображения? Твой рассказ, наверное, уже готов?

Аня кивнула, изо всех сил стараясь не выглядеть чересчур тщеславной и терпя при этом позорную неудачу.

— Я написала его еще в прошлый понедельник. Он называется "Ревнивая соперница, или Неразлучные и в смерти". Я прочитала его Марилле, но она сказала, что это чушь. Потом я прочитала его Мэтью, и он сказал, что рассказ прекрасный. Именно такого рода критика мне нравится. Это печальная, трогательная история. Я плакала, как ребенок, когда писала. В нем говорится о двух юных красавицах, Корделии Монморанси и Джеральдине Сеймур, которые жили в одной деревне и были нежно привязаны друг к другу. Корделия была жгучей брюнеткой с короной черных как ночь волос и черными пламенными глазами. Джеральдина была царственной блондинкой с кудрями словно из золотой пряжи и бархатными пурпурными глазами.

— Я никогда ни у кого не видела пурпурных глаз, — сказала Диана с сомнением.

— Я тоже не видела, просто вообразила. Мне хотелось, чтобы было что-нибудь необычное. У Джеральдины к тому же было алебастровое чело. Теперь-то я уже знаю, что такое алебастровое чело. Это большое преимущество быть тринадцатилетней: знаешь гораздо больше, чем когда тебе было всего двенадцать.

— Ну, и что же случилось с Корделией и Джеральдиной? — спросила Диана, которая уже заинтересовалась их судьбами.

— Они росли и цвели друг подле друга, пока им не исполнилось шестнадцать. Тогда в их деревню приехал Бертрам де Вер и влюбился в красавицу Джеральдину. Он спас ей жизнь, когда лошадь понесла ее экипаж. Потеряв сознание, она пала в его объятия, и он на руках нес ее домой целых три мили, потому что, как легко догадаться, экипаж был разбит вдребезги. Мне было довольно трудно вообразить, как он сделал ей предложение, потому что у меня нет никакого опыта в этих делах. Я спросила Руби Джиллис, не знает ли она подробностей о том, как мужчины делают предложение. Я думала, что она может считаться авторитетом в этом вопросе, ведь у нее столько замужних сестер. Руби рассказала мне, что она спряталась в кладовой и подслушивала, когда Малькольм Эндрюс делал предложение ее сестре Сюзан. Малькольм рассказал Сюзан, что его отец переводит ферму на его имя, а потом спросил: "Что ты скажешь, милочка, если мы окрутимся этой осенью?" А Сюзан сказала: "Да... нет... не знаю... дай подумать...", и дело было сделано — они были помолвлены. Но я подумала, что такое предложение не очень романтическое, поэтому мне все-таки пришлось приложить усилие и вообразить, как это было. Я сделала эту сцену очень цветистой и поэтичной: Бертрам встал на колени, хотя Руби говорит, что теперь так не делается. Джеральдина приняла предложение, и ответ ее занял целую страницу. Должна признаться, нелегко мне пришлось с этой речью. Я переписывала ее пять раз, но теперь считаю, что это шедевр. Бертрам подарил ей бриллиантовое кольцо и рубиновое ожерелье и сказал, что они поедут в свадебное путешествие в Европу, потому что он был невероятно богат. Но тогда, увы, над ними начали сгущаться тени. Корделия втайне была влюблена в Бертрама, и, когда Джеральдина рассказала ей о своей помолвке, она была просто в бешенстве, особенно когда увидела кольцо и ожерелье. Вся ее привязанность к Джеральдине обратилась в горькую ненависть, и она поклялась не допустить, чтобы Джеральдина и Бертрам поженились. Но она притворялась, что по-прежнему остается подругой Джеральдины. Однажды вечером они стояли на мосту над бешено несущимся потоком, и Корделия, думая, что они одни, столкнула Джеральдину с моста с диким, издевательским "ха-ха-ха!". Но Бертрам все это видел и сразу бросился в воду, воскликнув: "Я спасу тебя, моя несравненная Джеральдина!" Но, увы, он забыл, что не умеет плавать, и они вместе утонули, сжимая друг друга в объятиях. Вскоре волны вынесли на берег их тела. Их похоронили в одной могиле, и похороны были исключительно великолепные, Диана. Гораздо романтичнее кончить рассказ похоронами, чем свадьбой. А что до Корделии, то она сошла с ума от угрызений совести и попала в сумасшедший дом. Я думаю, это было очень поэтичное возмездие за ее преступление.

— Просто прелесть! — вздохнула Диана, принадлежавшая к той же школе критиков, что и Мэтью. — Не понимаю, Аня, как тебе удастся самой придумывать такие потрясающие истории. Хотела бы я иметь такое же богатое воображение!

— Ты вполне могла бы развить свое воображение, — заверила Аня ободряющим тоном. — У меня есть план, Диана. Давай вместе, ты и я, создадим свой литературный клуб и будем для практики писать рассказы. Я тебе буду помогать, пока ты сама не научишься. Ты же знаешь, нужно развивать воображение. Так мисс Стейси говорит. Только мы должны к этому правильно подходить. Я рассказала ей о Лесе Призраков, и она сказала, что тогда мы к этому неправильно подошли.

Таким образом возник литературный клуб. Сначала его состав ограничивался Дианой и Аней, но вскоре был расширен с включением в него Джейн Эндрюс, Руби Джиллис и еще одной или двух девочек, которые чувствовали, что их воображение нуждается в развитии. Мальчики в клуб допущены не были, хотя Руби Джиллис и выразила мнение, что присутствие мальчиков могло бы внести некоторое оживление. Каждый член клуба должен был представить один рассказ в неделю.

— Это исключительно интересно, — рассказывала Аня Марилле. — Каждая из нас читает свой рассказ вслух, а потом мы его обсуждаем. Мы собираемся свято хранить их, чтобы в будущем читать нашим потомкам. Мы все пишем под псевдонимами. Мой — Розамонда Монморанси. Все девочки очень хорошо справляются. Руби Джиллис довольно сентиментальна. В ее рассказах слишком много любовных сцен, а вы знаете, слишком много — хуже, чем слишком мало. Джейн вообще не пишет про любовь, она говорит, что глупо себя чувствует, когда нужно читать такое вслух. У Джейн во всех рассказах удивительно много здравого смысла. А у Дианы слишком много убийств. Она говорит, что обычно не знает, что делать с героями, и потому убивает их, чтобы от них отделаться. Почти всегда мне приходится говорить им, о чем писать, но это нетрудно, потому что у меня миллион идей.

— По моему мнению, это писание — очередная глупость, — с пренебрежением заявила Марилла. — Забываете себе головы чепухой и теряете время, вместо того чтобы учиться. Читать рассказы и так уже плохо, но писать их — еще хуже.

— Но мы внимательно следим, чтобы в них была мораль, Марилла, — объяснила Аня. — Я настаиваю на этом. Все положительные герои бывают вознаграждены, а отрицательные — соответственно наказаны. Я уверена, это должно оказать благотворное влияние. Мораль — великая вещь! Так мистер Аллан говорит. Я читала один из моих рассказов ему и миссис Аллан, и они оба согласились, что мораль была превосходная. Только они смеялись в совсем не подходящих местах. Мне больше нравится, когда слушатели плачут. Джейн и Руби почти всегда плачут, когда я дохожу до трогательных мест. Диана написала о нашем клубе своей тете Джозефине, и та в ответном письме попросила нас прислать несколько рассказов. Мы переписали четыре лучших и послали ей. А она ответила в письме, что в жизни не читала ничего забавнее. Мы были немного озадачены, потому что все рассказы были очень трогательные и почти все в них умирали. Но я рада, что они понравились мисс Барри. Это говорит о том, что наш клуб приносит пользу, а миссис Аллан говорит, что это должно быть нашей целью во всем, что мы делаем. Я очень стараюсь, чтобы это всегда было моей целью, но так часто забываю об этом, когда что-нибудь меня захватит. Я надеюсь, что буду немножко похожа на миссис Аллан, когда вырасту. Как вы думаете, Марилла, можно на это надеяться?

— Не могу сказать, чтобы дело шло к тому, — был ободряющий ответ Мариллы, — Я уверена, что миссис Аллан никогда не была такой неразумной и рассеянной девочкой, как ты.

— Нет, но она не всегда была такой хорошей, как теперь, — сказала Аня серьезно. — Она сама мне об этом сказала... то есть она сказала, что была ужасно озорной в детстве и всегда попадала в переделки. Меня это так воодушевило. Это очень нехорошо с моей стороны, Марилла, испытывать воодушевление, когда я слышу, что другие люди тоже были плохими и озорными? Миссис Линд говорит, что это нехорошо. Миссис Линд говорит, что она всегда бывает возмущена, когда узнает о том, что кто-то плохо вел себя, пусть даже это было в детстве. Миссис Линд говорит, что однажды слышала, как какой-то священник признался, что еще мальчиком он украл земляничное пирожное из кладовой своей тетки, и

миссис Линд больше никогда не испытывала к нему уважения. Я не стала бы так смотреть на это. Я думаю, было благородно с его стороны признаться в своем поступке, и я полагаю, что такое признание могло бы ободрить сегодня тех маленьких мальчиков, которые делают что-нибудь дурное, но сожалеют об этом, и показать им, что, несмотря на это, они, когда вырастут, могут стать священниками. Вот мое мнение, Марилла.

— Мое мнение, Аня, — заметила Марилла, — что тебе давно уже пора кончить с мытьем посуды. Со всей этой болтовней у тебя пошло на это на целых полчаса больше, чем нужно. Научись сначала кончить дело, а потом болтать.

Глава 27

Суета и томление духа

Поздним апрельским вечером Марилла возвращалась домой с собрания благотворительного общества. Сознание, что зима кончилась, вызвало в ее душе радостный трепет, который весна всегда приносит даже самым старым и печальным так же, как самым юным и веселым. Марилла, как правило, не подвергала свои чувства и мысли логическому анализу. Возможно, она воображала, что думает о благотворительном обществе, сборе пожертвований и покупке ковра для ризницы. Но за всеми этими размышлениями было мирное сознание, что вокруг простираются красноватые поля, а над ними поднимается бледно-сиреневый туман, окрашенный заходящим солнцем, что длинные остроконечные тени елей ложатся на луга за ручьем, что неподвижные клены с темно-красными почками стоят вокруг зеркальной глади пруда, что мир пробуждается, и под серой поверхностью земли пульсирует скрытая жизнь. Весна была повсюду, и размеренные, уверенные шаги Мариллы становились легче и быстрее от этой глубокой весенней радости.

Глаза ее с любовью остановились на Зеленых Мезонинах, выглядывавших через переплетающиеся ветви деревьев и отражавших в своих окнах солнечный свет множеством вспыхивающих отблесков. Пробираясь по сырой тропинке, Марилла думала о том, как приятно, что она идет домой к весело потрескивающему яркому огню в очаге, к столу, аккуратно накрытому к чаю, вместо холода и пустоты, ожидавших ее после собраний благотворительного общества, прежде чем Аня появилась в Зеленых Мезонинах.

А потому, когда Марилла вошла в кухню и обнаружила, что огонь давно догорел и нигде не было и следа Ани, она с полным основанием почувствовала себя разочарованной и раздраженной. Перед уходом она поручила Ане приготовить чай ровно к пяти часам, но теперь ей пришлось поспешно снять свое выходное платье и самой приготовить ужин для Мэтью, который должен был скоро вернуться с пахоты.

— Уж разделаюсь я с мисс Анной Ширли, когда она явится домой, — говорила Марилла гневно, строго растопку большим ножом и вкладывая в это больше энергии, чем требовалось на самом деле. Мэтью уже пришел и, сидя в углу, терпеливо ждал чая. — Болтается где-то с Дианой, пишет рассказы или репетирует диалоги и прочую ахинею и ни разу не вспомнит о времени или о своих обязанностях. Надо ее проучить как следует раз и навсегда. Пусть миссис Аллан и говорит, что Аня самая сообразительная и милая девочка, какую она знает. Может быть, она и сообразительная, и милая, но голова у нее забита чепухой и никогда не угадаешь, во что это выльется в очередной раз. Стоит ей покончить с одной глупостью, как она принимается за другую. Да что это я! Ведь эти самые слова сказала сегодня Рейчел Линд, когда мы были на собрании, а я на нее за это рассердилась. Я была рада, когда миссис Аллан заступилась за Аню, потому что иначе мне самой пришлось бы осадить Рейчел перед всеми, кто там был. У Ани масса недостатков, кто будет спорить, и я далека от того, чтобы это отрицать. Но воспитываю ее я, а не Рейчел Линд, которая нашла бы недостатки у самого архангела Гавриила, живи он в Авонлее... Но все равно, Аня не должна была уходить из дома, если я велела ей заняться ужином. Конечно, должна признать, что, при всех ее недостатках, я никогда прежде не замечала за ней непослушания и неисполнительности, и мне очень неприятно, что теперь я с этим столкнулась.

— Ну, не знаю, — сказал Мэтью, который, будучи терпеливым и мудрым, но прежде всего — голодным, счел за лучшее позволить Марилле беспрепятственно излить свой гнев, зная по опыту, что она справляется с любой работой гораздо быстрее, если не отвлекать ее несвоевременными возражениями. — Может быть, ты судишь слишком поспешно, Марилла. Не говори, что она неисполнительная, пока не убедилась в ее вине. Может, все и объяснится... у Ани хорошо получается, когда она объясняет.

— Ее нет здесь, хотя я велела ей быть дома, — возразила Марилла. — Я думаю, ей будет нелегко удовлетворить меня своими объяснениями. Конечно, я знала, что ты примешь ее сторону, Мэтью. Но воспитываю ее я, а не ты.

Уже стемнело, когда ужин был готов, но все еще не было видно Ани, торопливо бегущей через бревенчатый мостик или по Тропинке Влюбленных, запыхавшейся, с раскаянием во всех чертах от сознания неисполненного долга. Марилла с мрачным видом вымыла и убрала посуду. Затем ей понадобилась свеча, чтобы спуститься в подвал; она поднялась в комнату в мезонине за подсвечником, который обычно стоял на Анином столике. Она зажгла свечу, обернулась и вдруг увидела Аню, лежащую на постели и зарывшуюся головой в подушки.

— Спаси и помилуй! — сказала изумленная Марилла. — Аня, ты спала?

— Нет, — был приглушенный ответ.

— Неужели заболела? — встревоженно спросила Марилла, подходя к кровати.

Аня съехала и еще глубже зарылась в подушки, словно желая скрыться навеки от очей смертных.

— Нет. Но пожалуйста, Марилла, уйдите и не смотрите на меня. Я в пучине горя, и отныне меня не волнует ни кто будет первым в классе, ни кто напишет лучшее сочинение, ни кто будет петь в хоре воскресной школы. Такие мелочи теперь не имеют значения, потому что я, вероятно, никогда не смогу показаться людям. Моя карьера кончена. Прошу вас, Марилла, уйдите и не смотрите на меня.

— Да кто когда такое слышал? — пожелала узнать озадаченная Марилла. — Аня, что с тобой случилось? Что ты сделала? Сию же минуту встань и скажи мне. Сию минуту, говорю. Ну, что случилось?

Аня сползла с кровати с безнадежным видом, но послушно.

— Посмотрите на мои волосы, Марилла, — прошептала она.

Марилла, согласно просьбе, подняла свечу и внимательно посмотрела на Анины волосы, тяжелой массой спускавшиеся на плечи. Выглядели они действительно очень странно.

— Аня, что ты с ними сделала? Они *зеленые*!

Пожалуй, можно было назвать их зелеными, если бы это был обыкновенный цвет... но этот странный тусклый бронзово-зеленый, с вылезающими тут и там естественными рыжими прядями, словно чтобы еще более усилить ужасное впечатление... Никогда в жизни Марилла не видела ничего нелепее, чем Анины волосы в ту минуту.

— Да, зеленые, — простонала Аня. — Мне казалось, что не может быть ничего хуже рыжих волос. Но теперь я знаю, что в десять раз хуже иметь зеленые. Ах, Марилла, вы не представляете, как безгранично я несчастна!

— Не понимаю, как тебе это удалось, но надеюсь выяснить, — сказала Марилла. — Иди в кухню, тут наверху слишком холодно, и расскажи, что ты сделала. Я уже давно ждала чего-нибудь необыкновенного. Ты не попадала в переделки больше двух месяцев, и я была уверена, что так продолжаться не может. Ну, так что ты сделала со своими волосами?

— Я их выкрасила.

— Выкрасила! Выкрасила волосы! Аня, разве ты не знала, какой это дурной поступок?

— Да, я знала, что это немножко дурно, — признала Аня. — Но я думала, что стоит оказаться немножко дурной, чтобы избавиться от рыжих волос. Я все взвесила, Марилла. Кроме того, я собиралась быть чрезвычайно хорошей во всех других отношениях, чтобы загладить этот поступок.

— Уж если бы я решила выкрасить себе волосы, — сказала Марилла иронически, — я, по крайней мере, выкрасила бы их в приличный цвет, но никак не в зеленый.

— Но я и не собиралась красить их в зеленый, Марилла, — возразила Аня удрученно. — Если уж я решилась быть дурной, то я собиралась за счет этого чего-то добиться. Он сказал, что мои волосы станут черными, как вороново крыло... он решительно заверил меня в этом. Как могла я сомневаться в его словах, Марилла? Я знаю, как больно, когда не доверяют твоим словам. И миссис Аллан говорит, что мы не должны сомневаться ни в чьей честности, пока у нас нет доказательств обратного. Теперь доказательство есть... зеленые волосы могут кого угодно убедить. Но тогда у меня еще не было доказательств и я *слепо* верила каждому его слову.

— Да кто он? О ком ты говоришь?

— Торговец-разносчик, который был здесь сегодня после обеда. Я купила эту краску у него.

— Аня, сколько раз я тебе говорила не пускать в дом этих итальянцев! Нечего вообще поощрять их крутиться возле дома!

— О, я не пустила его в дом. Я помнила, что вы мне говорили. Я вышла, плотно закрыла дверь и посмотрела на его товар на пороге. К тому же он был не итальянец, а немецкий еврей. У него был большой ящик с очень интересными вещами, и он сказал мне, что трудится изо всех сил, чтобы заработать денег и привезти из Германии свою жену и детей. Он с таким чувством говорил о них, что тронул мое сердце. Я захотела что-нибудь у него купить, чтобы помочь ему в таком достойном деле. И тогда я увидела бутылочку с краской для волос. Торговец заверил меня, что эта краска выкрасит любые волосы в цвет воронова крыла и что она не смывается. В мгновение ока я увидела себя с прекрасными волосами цвета воронова крыла, и искушение оказалось непреодолимым. Но бутылка стоила семьдесят пять центов, а у меня осталось только пятьдесят от моих денег за цыплят. Я думаю, у торговца очень доброе сердце, так как он сказал, что только ради меня продаст ее за пятьдесят и что это почти как если бы он мне ее подарил. И вот я купила и, как только он ушел, поднялась сюда и нанесла ее с помощью старой щетки для волос согласно приложенной инструкции. Я вымазала все, что было в бутылке, но, ах, Марилла, когда я увидела, какого странного цвета стали мои волосы, уверяю вас, я раскаялась в том, что была дурной. И я продолжаю раскаиваться с тех самых пор.

— Ну, надеюсь, что ты раскаешься с успехом, — сказала Марилла сурово, — и что ты, наконец, видишь, куда может завести тщеславие. Ума не приложу, что теперь делать. Наверное, первым делом надо их как следует вымыть и посмотреть, поможет ли это.

Последовав этому совету, Аня вымыла волосы с мылом и при этом терла их усерднейшим образом, но с тем же успехом она могла бы оттирать их естественный рыжий цвет. Торговец, очевидно, говорил правду, когда утверждал, что краска не смывается, хотя в других отношениях его правдивость можно было поставить под сомнение.

— Ах, Марилла, что же делать? — спросила Аня в слезах. — Я никогда не смогу загладить свой проступок. Люди уже почти забыли о других моих ошибках — о болеутоляющем пироге, и о том, как я нечаянно напоила Диану, и как набросилась на миссис Линд. Но этого они никогда не забудут. Сочтут, что я не заслуживаю уважения. Ах, Марилла, "когда обмана сеть раскинуть мы хотим, грозит нам в ней запутаться самим". Это стихи, но это правда. И ох как будет смеяться Джози Пай! Марилла, я *не в состоянии* встретиться лицом к лицу с Джози Пай. Я несчастнейшая девочка на всем острове Принца Эдуарда.

Анины страдания продолжались неделю. Все это время она не выходила из дома и каждый день мыла голову. Диана была единственной посвященной в роковую тайну, но она торжественно обещала никому не говорить об этом, и можно с уверенностью утверждать, что слово свое она сдержала. В конце недели Марилла сказала решительно:

— Это бесполезно, Аня. Краска на редкость прочная. Волосы придется отрезать, выхода нет. Не можешь же ты выйти в таком виде на улицу.

У Ани задрожали губы, но она осознала горькую правду слов Мариллы. Со вздохом отчаяния она пошла за ножницами.

— Пожалуйста, отрежьте их сразу, Марилла, и все будет кончено. Ах, сердце мое разбито. Это такое неромантическое несчастье. В книжках героини теряют волосы во время тяжелой болезни или продают их, чтобы потратить деньги на доброе дело. Я уверена, что в подобном случае мне не было бы и вполосину так тяжело расстаться с волосами, как сейчас. Но нет никакого утешения для того, кому приходится отрезать волосы из-за того, что он выкрасил их в отвратительный цвет, правда? Я собираюсь плакать все время, пока вы будете меня стричь, если, конечно, это вам не мешает. Это так трагично!

Действительно, Аня горько плакала, но позднее, когда она поднялась к себе наверх и взглянула в зеркало, на лице ее изобразилось отчаяние. Марилла добросовестно выполнила свою задачу, так как оказалось необходимым срезать волосы до самых корней. Результат оказался не совсем к лицу, если употребить самое мягкое выражение. Аня торопливо повернула зеркало к стене.

— Ни разу, ни разу не взгляну на себя, пока волосы не вырастут, — воскликнула она с чувством. Потом неожиданно снова повернула зеркало к себе. — Да, буду смотреть. И это будет мне наказанием за то, что я была такой скверной. Буду смотреть в зеркало каждый раз, как войду в комнату, чтобы увидеть, какая я страшная. И даже не буду пытаться вообразить, что это не так. Я никак не предполагала, что горжусь своими волосами, но теперь знаю, что так оно и было, потому что хоть они и рыжие, но ведь они были такие длинные, густые, вьющиеся. Боюсь, что скоро и с моим носом что-нибудь случится.

Анина остриженная голова произвела сенсацию в школе в следующий понедельник, но, к ее огромному облегчению, о настоящей причине не догадался никто, даже Джози Пай, которая тем не менее не преминула сообщить Ане, что выглядит она как огородное пугало.

— Я ничего не ответила, когда Джози мне это сказала, — доверительно сообщила Аня в тот вечер Марилле, лежавшей на диване после сильного приступа головной боли, — потому что сочла это частью наказания, которое я должна смиренно перенести. Тяжело, когда тебе говорят, что ты похожа на огородное пугало, и мне так хотелось что-нибудь на это ответить. Но я этого не сделала. Я просто бросила на нее презрительный взгляд, а потом простила ее. Чувствуешь себя очень добродетельным, когда прощаешь других, не правда ли? Я намерена впредь посвятить все мои силы тому, чтобы стать хорошей, и никогда больше не буду пытаться стать красивой. Действительно, лучше быть хорошей! Я знаю это, но иногда трудно во что-то поверить, даже если об этом знаешь. Я в самом деле хочу быть хорошей, Марилла, как вы, миссис Аллан и миссис Стейси, и стать вашей гордостью, когда вырасту. Диана советует, когда у меня начнут отрастать волосы, носить на голове черную бархатную ленточку с бантиком с одной стороны. Она говорит, что мне очень пойдет. Это будет так романтично. Но, может быть, я слишком много говорю, Марилла? Может быть, от этого у вас сильнее болит голова?

— Мне уже лучше. Но после обеда было просто ужасно. Эти головные боли становятся все сильнее с каждым разом. Надо будет посоветоваться с доктором. А что до твоей болтовни, мне она не мешает... я к ней привыкла.

Это означало, что Марилла любит ее слушать.

Глава 28

Злополучная "лилейная дева"

— Р азумеется, ты, Аня, будешь Элейн, — сказала Диана. — У меня никогда не хватило бы смелости пуститься одной в лодке по течению.

— И у меня, — сказала Руби Джиллис содрогаясь. — Я совсем не против прокатиться в лодке вдвоем или втроем и чтобы мы при этом сидели, а не лежали. Тогда это весело. Но лежать в лодке и изображать из себя мертвую... я ни за что не смогла бы! Я умерла бы от страха.

— Конечно, это было бы романтично, — согласилась допустить Джейн Эндрюс. — Но я знаю, что не смогла бы лежать спокойно. Я бы вскакивала каждую минуту, чтобы посмотреть, где я и не отнесло ли меня слишком далеко от берега. А ведь ты понимаешь, Аня, это испортило бы все впечатление.

— Но это просто смешно — рыжая Элейн, — огорчилась Аня. — Я не боюсь плыть по течению и очень хотела бы быть Элейн. Но это все-таки смешно. Руби должна быть Элейн, потому что она такая беленькая и у нее такие чудесные длинные золотистые волосы... вы ведь помните, как там в стихах — у Элейн "волосы светлые на плечи струились". Элейн была "лилейная дева", а рыжая не может быть "лилейной девой".

— У тебя такая же светлая кожа, как у Руби, — сказала Диана серьезно, — и волосы у тебя гораздо темнее, как ты их остригла.

— Ах, ты правда так думаешь? — воскликнула Аня, краснея от радости, — Мне самой так иногда кажется... но я не смела ни у кого спросить. Боялась услышать, что это не так. Как тебе кажется, Диана, можно их уже назвать каштановыми?

— Да, и мне они кажутся очень красивыми, — сказала Диана, восхищенно глядя на короткие шелковистые кудри, покрывавшие Анину голову и перехваченные по ее совету очень кокетливой черной бархатной ленточкой с бантиком.

Они стояли на берегу пруда со стороны Садового Склона на небольшом мысе, окаймленном березами. На самом конце его были деревянные мостки, построенные для удобства рыбаков и охотников на уток. Руби и Джейн навестили в этот июльский день Диану, и Аня тоже пришла поиграть с ними.

В то лето Аня и Диана проводили большую часть свободного времени на пруду или возле него. Приют Праздности отошел в прошлое: весной мистер Белл безжалостно вырубил маленький кружок деревьев на своем дальнем пастбище. Аня сидела там среди пеньков и плакала, отчасти любуясь романтичностью ситуации; но она быстро утешилась, потому что в конце концов они с Дианой признали, что, как большие, тринадцатилетние девочки, приближающиеся к своему четырнадцатилетию, они были слишком взрослыми для таких детских развлечений, как домик для игры. На пруду они нашли для себя гораздо более привлекательный вид спорта. Было так интересно удить форель с моста; обе девочки научились грести и катались на маленькой плоскодонке, которую мистер Барри держал для охоты на уток.

Инсценировать историю с Элейн было Аниной идеей. В прошлую зиму в школе они проходили поэму Теннисона,¹⁰ так как глава отдела образования включил ее в программу по английскому языку для школ на острове Принца Эдуарда. Они анализировали ее, делали грамматический разбор, критиковали и делили на части, рассматривали со всех сторон до такой степени, что казалось чудом, когда после всего этого они все еще находили в ней какой-то смысл и очарование. Во всяком случае, лилейная дева Элейн, Ланселот, Гиневра и король Артур стали для них живыми людьми, а Аню терзали тайные сожаления, что она родилась не в Камелоте.

— Те времена, — вздыхала она, — были гораздо романтичнее, чем нынешние!

План Ани встретил восторженный прием. Девочки еще раньше обнаружили, что если плоскодонку оттолкнуть от мостков, то течение пронесет ее под мостом и потом прибьет к другому мысу, в том месте, где пруд изгибался. Течение часто носило их лодку таким образом, и лучше нельзя было и придумать для игры в Элейн.

— Хорошо, я буду Элейн, — неохотно уступила Аня. Хотя она горячо желала сыграть главную роль, ее художественное чувство требовало точности в деталях, а это, как она считала, было невозможно при ее внешних данных. — Руби, ты будешь король Артур, Джейн — Гиневра, а Диана — Ланселот. Но сначала вам придется быть отцом и братьями.

---

¹⁰ Теннисон, Альфред (1809–1889) — английский поэт, автор нескольких поэм и баллад, сюжетом для которых послужили легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Придется обойтись без старого немого слуги, потому что в лодке, если один ляжет, для второго не хватит места. На дно барки нужно постелить чернейший бархатный покров. Старая черная шаль твоей мамы, Диана, как раз подойдет.

Черная шаль была предоставлена, Аня расстелила ее в плоскодонке и легла, закрыв глаза и сложив руки на груди.

— Ой, она выглядит совсем как мертвая, — шепнула Руби Джиллис встревоженно, глядя на неподвижное белое личико среди мерцающих теней берез. — Девочки, мне страшно. Хорошо ли так играть? Миссис Линд говорит, что все театральные представления — это ужасно нехорошо.

— Руби, ты не должна вспоминать о миссис Линд, — сказала Аня сурово. — Это портит впечатление, потому что все это происходило за сотни лет до рождения миссис Линд. Джейн, последи за этим! А то глупо, что Элейн мертвая, а говорит.

Джейн оказалась на высоте требований. Золотой парчи, чтобы накрыть тело в лодке, не было, но старая салфетка из желтого японского крепа отлично ее заменила. Белой лилии в тот момент под рукой не оказалось, но впечатление от длинного голубого ириса, помещенного между Анины сложенными на груди руками, было такое, какого только можно было желать.

— Ну вот, она готова! — заключила Джейн. — Мы должны поцеловать ее спокойное чело, и ты, Диана, скажи: "Сестра, прощай навеки!", а ты, Руби: "Прощай, милая сестра!" Постарайтесь как можно печальнее! Аня, прошу, улыбнись хоть немножко. Ты же помнишь, Элейн "лежала, словно с улыбкой на устах". Так, теперь лучше. Толкаем лодку!

Плоскодонку оттолкнули, при этом она сильно ударилась о старую деревянную сваю. Диана, Джейн и Руби подождали мгновение, пока лодку не подхватило течение, а затем помчались через лес, дорогу, ведущую к мосту, и вниз с откоса к мысу в нижней части пруда, где уже в качестве Ланселота, Гиневры и короля Артура должны были в полной готовности ожидать прибытия лилейной девы.

Несколько минут Аня, медленно уносимая течением, всецело наслаждалась романтичностью своего положения. Но вдруг случилось нечто совсем неромантическое. Лодка начала протекать. Не много времени потребовалось, чтобы Элейн вскочила на ноги, подхватила свою золотую парчу и чернейший бархатный покров и с ужасом увидела в дне своей барки большую щель, через которую вода буквально вливалась в лодку. Когда лодка задела за столб у мостков, оторвалась полоска войлока, прибитая гвоздями ко дну лодки. Аня не знала об этом, но ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что она в опасном положении. При такой скорости лодка наполнится водой и утонет задолго до того, как течение отнесет ее к мысу в нижней части пруда. Где же весла? Остались на мостках!

У Ани вырвался короткий сдавленный крик, которого никто не услышал; она побледнела, но не потеряла самообладания. Был один шанс на спасение — только один...

— Я была ужасно испугана, — рассказывала она на следующий день миссис Аллан, — и казалось, будто годы прошли, прежде чем плоскодонку донесло до моста, а вода все прибывала с каждой минутой. Я молилась, миссис Аллан, очень горячо, но не закрывала при этом глаза, потому что знала, что единственный способ, которым Бог мог спасти меня, — это поднести плоскодонку достаточно близко к одной из свай моста, чтобы я могла на нее влезть. Вы помните, сваи там — просто старые стволы деревьев и на них множество сучьев и обрубленных веток. Нужно было молиться, но я знала, что должна была сделать и свою долю работы: следить за всем внимательно. Я просто снова и снова повторяла: "Дорогой Господь, пожалуйста, пусть лодка подойдет поближе к свае, а уж я сделаю остальное!" В таких обстоятельствах не очень думаешь о том, чтобы сделать молитву цветистой. Но все же моя молитва была услышана, потому что лодка на минуту ткнулась прямо в одну из свай. Я забросила салфетку и шаль на плечи и влезла на посланный мне судьбой большой столб. И там я стояла, миссис Аллан, прижавшись к скользкому столбу, и не могла двинуться с места. Это было очень неромантическое положение, но я тогда об этом не думала. Не очень-то думаешь о романтичности, когда только что избежал подводной могилы. Я сразу же сказала

благодарственную молитву и потом обратила все внимание на то, чтобы крепче держаться. Я знала, что придется ждать помощи от людей, чтобы опять вернуться на твердую почву.

Тем временем плоскодонка проплыла под мостом и вскоре затонула. Руби, Джейн и Диана, ожидавшие ее прибытия на мысе ниже по течению, увидели, как она исчезла под водой, и даже не усомнились, что и Аня утонула вместе с ней. На мгновение они застыли, бледные как полотно, пораженные ужасом перед этой трагедией, а потом, визжа на самой высокой ноте, неистово помчались через лес, даже не остановившись на большой дороге, чтобы обернуться в сторону моста. Аня, отчаянно цепляясь за свою ненадежную опору, видела их летящие фигурки и слышала их визг. Помощь скоро должна прийти, но пока ее положение было весьма неприятным.

Минуты текли; каждая казалась часом несчастной лилейной деве. Почему никто не приходит? Куда побежали девочки? А что, если они упали в обморок, все как одна? А что, если никто не придет? А что, если она так устанет и окоченеет, что не сможет больше держаться? Аня взглянула в пугающие зеленые глубины под своими ногами, где качались длинные неясные тени, и содрогнулась. Воображение начало разворачивать перед ней самые страшные картины. И тогда, когда она уже думала, что ей не продержаться и минуты из-за боли в руках и запястьях, под мостом появился Гилберт Блайт в плоскодонке Хармона Эндрюса!

Гилберт взглянул вверх и, к огромному своему удивлению, увидел маленькое бледное личико с гордым выражением, глядевшее на него сверху большими испуганными, но вместе с тем полными презрения глазами.

— Аня Ширли? Да как ты здесь очутилась? — воскликнул он и, не дожидаясь ответа, подвел лодку ближе к свае и протянул руку. Выхода не было. Аня ухватила за руку Гилберта, спустилась в плоскодонку и села на корме, испачканная и злая, держа обеими руками шаль, с которой капала вода, и мокрую салфетку. Действительно, было крайне трудно сохранять достоинство в таких обстоятельствах!

— Что случилось, Аня? — спросил Гилберт, берясь за весла.

— Мы играли в Элейн, — объяснила Аня холодно, даже не глядя на своего спасителя, — и я должна была плыть в Камелот в барке... ну, то есть в плоскодонке. Лодка стала протекать, и, когда она проплывала под мостом, я влезла на сваю. Девочки побежали звать на помощь. Не будешь ли ты так добр, чтобы подвезти меня к пристани?

Гилберт любезно подвел лодку к мосткам, и Аня, презрев помощь, сама проворно выскочила на берег.

— Я тебе очень обязана, — сказала она высокомерно, поворачиваясь, чтобы уйти. Но Гилберт тоже выскочил из лодки и, желая задержать Аню, положил ладонь ей на плечо.

— Аня, — сказал он торопливо, — послушай. Не можем ли мы стать друзьями? Мне ужасно жаль, что я тогда посмеялся над твоими волосами. Я не хотел тебя обидеть и сказал это просто в шутку. К тому же это было так давно. Я думаю, что у тебя ужасно красивые волосы, честно. Давай дружить!

На мгновение Аня заколебалась. Несмотря на все ее оскорбленное достоинство, у нее появилось какое-то странное новое чувство, что это наполовину несмелое, наполовину горячее выражение карих глаз Гилберта ей очень приятно видеть. Сердце ее быстро и сильно забилося. Но горечь прежнего унижения быстро укрепила ее поколебленную было решимость. Сцена двухлетней давности вспыхнула в ее воспоминании так живо, словно все произошло вчера. Гилберт называл ее «морковкой» и навлек на нее позор перед всей школой. Ее негодование, которое взрослым людям показалось бы таким же смешным, как и его причина, ничуть не унялось и не ослабело со временем. Она ненавидит Гилберта Блайта! Она не простит его никогда!

— Нет, — ответила она холодно. — Я никогда не буду с тобой дружить, Гилберт Блайт. Не хочу!

— Хорошо! — Гилберт прыгнул в свой челн, покрасневшись от гнева. — Я никогда больше не попрошу тебя дружить со мной, Аня Ширли! Мне тоже это не очень-то нужно!

Он быстро поплыл прочь, раздраженно ударяя веслами по воде, а Аня пошла вверх по крутой, поросшей папоротниками тропинке между кленами. Она держала голову очень высоко, но сознавала, что испытывает странное чувство сожаления. Она почти жалела, что не ответила Гилберту по-другому. Конечно, он ужасно оскорбил ее, но все-таки!..

А в целом ей казалось, что было бы облегчением сесть и хорошенько выплакаться. Она чувствовала, что совершенно потеряла присутствие духа; пережитый испуг и физическая усталость давали себя знать.

На полпути она столкнулась с Джейн и Дианой, которые мчались назад к пруду, в состоянии мало чем отличающемся от настоящего безумия. Они не нашли никого в Садовом Склоне, мистера и миссис Барри не было дома. Там у Руби началась истерика, и ее оставили в доме справляться с собой, как сама знает, в то время как Джейн и Диана понеслись через Лес Призраков и ручей в Зеленые Мезонины. Там тоже никого не было: Марилла уехала в Кармоди, а Мэтью косил сено на дальних лугах.

— Ах, Аня! — задыхаясь, вымолвила Диана, бросившись на шею подруге со слезами облегчения и радости. — Ах, Аня... мы думали... ты... утонула... и мы чувствовали себя убийцами... потому что заставили... тебя быть... Элейн!.. А Руби в истерике!.. Ах, Аня, как ты спаслась?

— Я влезла на одну из свай под мостом, — объяснила Аня утомленно, — а Гилберт Блайт подплыл в лодке мистера Эндрюса и привез меня на берег.

— Ах, Аня, как он замечательно поступил! Это так романтично! — воскликнула Джейн, которая наконец отдышалась и смогла заговорить. — Конечно же теперь ты будешь с ним разговаривать!

— Конечно же не буду! — вспыхнула Аня; к ней в тот же миг вернулся прежний мстительный дух. — И запомни, Джейн, я не хочу никогда больше слышать слово «романтично»! Мне ужасно жаль, что вы так испугались, девочки. Это я виновата. Я чувствую, что родилась под несчастливой звездой. Все, что я делаю, плохо кончается для меня и моих лучших друзей. Мы утопили лодку твоего отца, Диана, и у меня предчувствие, что нам больше не позволят кататься на лодке по пруду.

Анино предчувствие оправдалось лучше, чем обычно оправдываются предчувствия. И в доме Барри, и в доме Касбертов все были поражены ужасом, когда узнали о событиях этого дня.

— Да станешь ли ты когда-нибудь благоразумной, Аня?

— О да. Я думаю, что стану, Марилла, — отвечала Аня с оптимизмом. Обильные слезы, которые она пролила в благодатном уединении своего мезонина, успокоили ее нервы и возвратили ее к привычному радостному взгляду на жизнь. — Я думаю, что мои перспективы стать благоразумной теперь улучшились!

— Не пойму, каким образом, — сказала Марилла.

— А вот каким, — объяснила Аня. — Я получила сегодня новый и ценный урок. С тех пор как я приехала в Зеленые Мезонины, я все время делала ошибки, но каждая из них помогала мне избавиться от какого-нибудь большого недостатка. История с аметистовой брошкой научила меня не трогать того, что мне не принадлежит. Страх, пережитый в Лесу Призраков, научил меня держать в узде мое воображение. Болеутоляющий пирог излечил меня от невнимательности на кухне, а выкрашенные волосы — от тщеславия. Я не думаю теперь о моих волосах и носе... по крайней мере, очень редко. А сегодняшнее приключение избавит меня от излишней романтичности. Я пришла к выводу, что не стоит и пытаться быть романтичной в Авонлее. Это, вероятно, было легко в окруженном башнями Камелоте сотни лет назад, но романтичность не ценится в наше время. Я совершенно уверена, что скоро вы увидите во мне огромные перемены к лучшему в этом отношении, Марилла.

— Если бы так, — сказала Марилла с сомнением.

Но, когда Марилла вышла из кухни, Мэтью, до тех пор молча сидевший в своем углу, положил руку на плечо Ани.

— Не теряй всей романтичности, Аня, — шепнул он робко, — чуточку романтичности

— совсем неплохо, конечно, не слишком много... но сохрани чуточку, Аня, сохрани.

Глава 29

Эпоха в жизни Ани

А ня гнала коров домой с дальнего пастбища по Тропинке Влюбленных. Был сентябрьский вечер, и все просветы между деревьями и полянки были залиты рубиновым блеском заходящего солнца. Тут и там на дорожку ложились такие же рубиновые пятна, но большая часть ее уже была покрыта густыми тенями кленов, а пространство под елями наполнилось, словно фантастическим вином, светло-фиолетовым сумраком. В вершинах деревьев играл ветер, а нет, пожалуй, слаще музыки на свете, чем та, которую по вечерам исполняет он на еловых лапах. Коровы мерно шагали прямо по дорожке, а Аня следовала за ними, погруженная в мечты, повторяя вслух боевую песнь из "Мармиона",¹¹ который тоже входил в программу по английскому языку прошлой зимой и который мисс Стейси велела им выучить наизусть. Аня упивалась дышащими бодростью строками, и ей казалось, что в них она слышит шум битвы. Дойдя до строк

Не дрогнул копьеносец ни один —

Лес пик был грозен и непроходим,

она остановилась, в восторге закрыв глаза, чтобы лучше вообразить себя одним из этих героев. Когда она снова их открыла, то увидела Диану, выходящую из калитки в ограде поля Барри. У Дианы был такой значительный вид, что Аня мгновенно угадала — есть новости. Но она не выдала слишком горячего любопытства.

— Какой чудесный вечер, прямо пурпурный сон, правда, Диана? Я так рада, что живу. По утрам я всегда думаю, что утро — лучше всего, но когда наступает вечер, мне кажется, что он еще прелестнее.

— Очень приятный вечер, — подтвердила Диана. — Ах, Аня, у меня такая новость! Угадай! С трех попыток!

— Шарлотта Джиллис все-таки будет венчаться, и миссис Аллан хочет, чтобы мы украсили церковь! — воскликнула Аня.

— Нет. Жених Шарлотты не соглашается; он говорит, что теперь все вступают в гражданский брак, а венчание в церкви похоже на похороны. Жаль, а то было бы так интересно! Ну, попробуй еще раз!

— Мама Джейн позволила ей пригласить гостей на день рождения?

Диана отрицательно покачала головой, ее черные глаза весело смеялись.

— Не знаю, что это может быть, — сказала Аня, отчаявшись, — разве что Муди Спурджен Макферсон проводил тебя домой вчера вечером после молитвенного собрания. Угадала?

— Вот уж нет! — воскликнула Диана с негодованием. — И уж конечно я не стала бы хвастаться, если бы он и сделал это... отвратительный мальчишка! Я знала, что ты не угадаешь! Мама получила сегодня письмо от тетки Джозефины. Тетка приглашает тебя и меня приехать к ней в город в следующий вторник; она поведет нас на выставку. Вот!

— Ах, Диана, — прошептала Аня, найдя необходимым опереться о ближайший клен для поддержки, — это правда? Но я боюсь, Марилла не позволит мне поехать. Она скажет, что не может поощрять меня болтаться без дела. Она так сказала на прошлой неделе, когда Джейн пригласила меня поехать с ними в их четырехместной коляске на концерт, который американцы устраивали в гостинице в Уайт Сендс. Я очень хотела поехать, но Марилла сказала, что лучше мне сидеть дома и учить уроки, да и для Джейн это было бы лучше. Я была горько разочарована, Диана. Я была совсем убита горем и даже не помолилась, когда пошла спать. Но потом я раскаялась и встала среди ночи, чтобы прочитать молитву.

---

¹¹ "Мармион" (1808) — поэма английского писателя и поэта Вальтера Скотта (1771–1832).

— Вот что я скажу, — заявила Диана, — мы попросим маму поговорить с Мариллой. Тогда она, скорее всего, отпустит тебя, а уж если она отпустит, мы отлично проведем время! Я никогда не была на выставке. А ведь так досадно, когда другие девочки рассказывают, что там видели. Джейн и Руби уже два раза были на выставке и в этом году опять поедут.

— Я совсем не буду думать об этом, пока не узнаю, смогу я поехать или нет, — сказала Аня решительно. — Если я стану думать, а потом столкнусь с разочарованием, мне этого не вынести. Но если я поеду, то очень рада, что мой новый плащ будет к тому времени готов. Марилла считала, что мне не нужен новый плащ. Она сказала, что старый прослужит еще год и что я должна довольствоваться новым платьем. Платье очень красивое, Диана, — темно-синее и так модно сшито! Марилла теперь всегда шьет мне платья по моде, потому что, как она говорит, не желает, чтобы Мэтью ходил и просил миссис Линд сшить мне платье. Я так рада! Гораздо легче быть хорошей, если модно одеваешься. По крайней мере, для меня легче. Я думаю, такой разницы не существует для людей, которые от природы хорошие... Но Мэтью сказал, что у меня должен быть новый плащ, и Марилла купила прелестное тонкое синее сукно и отдала шить настоящему портному в Кармоди. Плащ будет готов в субботу вечером, и я стараюсь не воображать, как я буду выглядеть, когда в воскресенье пойду по проходу между рядами в церкви в моем новом плащике и шапочке, потому что, боюсь, нехорошо воображать такие вещи. Но они сами собой проскальзывают в мои мысли, несмотря на все мои старания. А шапочка такая красивая! Мэтью купил ее мне в тот день, когда мы были в Кармоди. Такая маленькая, из голубого бархата, по таким теперь все с ума сходят, с золотым шнурком и помпонами. Твоя новая шляпа, Диана, тоже очень элегантная и так тебе идет. Когда я увидела, как ты входила в церковь в прошлое воскресенье, у меня сердце забилося от гордости, что ты моя задушевная подруга. Как ты думаешь, это очень нехорошо, что мы так много думаем о нарядах? Марилла говорит, это грешно. Но ведь это так интересно, правда?

Марилла согласилась отпустить Аню в город. Договорились, что мистер Барри в следующий вторник возьмет с собой обеих девочек. Так как Шарлоттаун находился за тридцать миль, а мистер Барри хотел в тот же день вернуться домой, нужно было выехать из дома очень рано. Но для Ани и это было поводом для радости; во вторник утром она была на ногах еще до восхода солнца. Выглянув в окно, она убедилась, что день будет ясным, потому что все небо на востоке над Лесом Призраков было серебристым и безоблачным. Через просвет между деревьями виднелся огонек из окна западного мезонина Садового Склона — знак, что Диана тоже встала.

К тому времени, когда Мэтью развел огонь, Аня уже была одета, а спустившаяся вниз Марилла застала завтрак на столе. Но что до самой Ани, она была слишком взволнована, чтобы есть. После завтрака были надеты кокетливая новая шапочка и плащик, и Аня поспешила за ручей и через лесок в Садовый Склон. Мистер Барри и Диана уже ждали ее, и вскоре они были на дороге.

Путь был долгим, но Аня и Диана наслаждались каждой минутой поездки. Было восхитительно мчаться по сырым дорогам, когда красный свет утреннего солнца медленно полз по сжатым полям. Воздух был свежим и чистым, а легкий дымчато-голубой туман спускался с холмов и клубился в долинах. Местами дорога вела через лес, где клены уже начали вывешивать свои алые знамена; иногда она пересекала реки, и, проезжая по мосту, Аня каждый раз сжималась от своего прежнего, отчасти приятного, страха; порой дорога вилась вдоль побережья и мимо каких-нибудь выцветших от непогоды рыбацких хижин, а потом снова взбиралась на холмы, откуда открывался вид на волнистые нагорья или туманное голубое небо; но куда бы ни шла дорога, везде находилось много интересных тем для разговора. Был почти полдень, когда они добрались до города и направили свой путь к Бичвуду. Это был прекрасный старинный особняк, стоявший чуть в стороне от улицы и отгороженный от нее рядом зеленых вязов и развесистых буков. Мисс Барри встретила их у дверей с лукавым блеском в пронизательных черных глазах.

— Наконец-то, детка! Как ты выросла! Да ты выше меня. И так похорошела по

сравнению с тем, что была прежде. Но, осмелюсь предположить, ты это и без меня знала.

— Совсем не знала, — сказала Аня, сияя от радости. — Я знала, что стала не такая веснушчатая, как прежде, и уже этому безмерно рада, но я не смела и надеяться, что что-то еще стало лучше. Я так рада, что вы такого мнения, мисс Барри.

Дом мисс Барри был обставлен "с поразительным великолепием", как позднее рассказывала Аня Марилле. Деревенские девочки были весьма смущены пышностью гостиной, где мисс Барри оставила их, когда пошла распорядиться об обеде.

— Прямо дворец, правда? — шепнула Диана. — Я никогда еще не была у тетки и понятия не имела, что у нее такой великолепный дом. Вот бы Джули Белл посмотрела, а то она так хвастается гостиной своей матери.

— Бархатный ковер, — вздохнула Аня восхищенно, — и шелковые шторы! Я только мечтала о чем-то подобном, Диана. Но, знаешь, мне все-таки не верится, что с ними можно чувствовать себя уютно. Здесь в комнате так много всяких предметов, и все они такие великолепные, что даже совсем нет простора для воображения. А ведь это единственное утешение, когда ты бедный, что есть столько вещей, которые можно вообразить.

Это пребывание в городе стало событием, от которого Аня и Диана долгие годы отсчитывали время. От начала до конца оно было непрерывной чередой удовольствий.

В среду мисс Барри взяла их на выставку, где они провели целый день.

— Это было великолепно, — рассказывала Аня Марилле позднее. — Я никогда не воображала ничего настолько интересного. Я даже не знаю, какой раздел выставки был самым занимательным. Мне больше всего понравились лошади, цветы и вышивки. Джози Пай получила первую премию за плетеные кружева. Я за нее очень обрадовалась. И я была довольна, что обрадовалась, — это свидетельствует, что я исправляюсь. Могли ли вы представить, Марилла, что я могу радоваться успеху Джози? Мистер Хармон Эндрюс получил вторую премию за яблоки, а мистер Белл — первую за свинью. Диана говорит, что это очень смешно, чтобы ректор воскресной школы получал приз за свинью, но я не совсем понимаю почему. А вы? Диана говорит, что всегда будет об этом вспоминать, когда увидит его торжественно читающим молитву. Клара Макферсон получила приз за картину, а миссис Линд — первый приз за сыр и масло домашней работы. Так что Авонлея была очень хорошо представлена, правда? Миссис Линд тоже была на выставке в тот день; я даже и не подозревала, как я ее люблю, пока не увидела ее такое знакомое лицо среди всех этих чужих людей. Там были тысячи людей, Марилла. От этого я почувствовала себя ужасно незначительным существом. А мисс Барри взяла нас на главную трибуну смотреть на скачки. Миссис Линд не пошла с нами; она сказала, что скачки — мерзость и что, принадлежа к церкви, она считает своей святой обязанностью подавать добрый пример, избегая таких зрелищ. Но там было так много народа, что, я думаю, вряд ли отсутствие миссис Линд было заметно. Впрочем, я не считаю, что мне самой следует часто ходить на скачки, потому что они ужасно захватывают. Диана так увлеклась, что хотела спорить со мной на десять центов, что рыжий конь выиграет. Я не верила, что он выиграет, но отказалась спорить, потому что собиралась обо всем рассказать миссис Аллан и чувствовала, что об этом я не осмелилась бы ей рассказать. Нехорошо делать что-нибудь такое, о чем нельзя сказать жене священника. Дружить с женой священника — это почти то же, что вторая совесть. И я очень рада, что не стала спорить, потому что рыжий конь *выиграл*, то есть я могла проиграть десять центов. Так что, видите, добродетель в самой себе содержит награду. Мы видели человека, который летал на воздушном шаре. Мне очень хотелось бы полететь на шаре, Марилла, это было бы потрясающе! И мы видели человека, продававшего предсказания. Вы платите ему десять центов, и маленькая птичка вытягивает для вас билетик с предсказаниями. Мисс Барри дала нам с Дианой по десять центов, чтобы мы узнали свою судьбу. Мне было предсказано, что я выйду замуж за смуглого и очень богатого мужчину и поплыву через огромные воды. После этого я внимательно смотрела на всех смуглых мужчин, но ни один из них мне не понравился... к тому же я думаю, что пока еще слишком рано его подыскивать. Ах, это был незабываемый день, Марилла. Я так устала, что ночью не могла уснуть. Мисс Барри

поместила нас, как и обещала, в комнате для гостей. Это была очень нарядная комната, Марилла, но почему-то спать в комнате для гостей совсем не так приятно, как я себе представляла. Это самое неприятное в том, что становишься взрослым, и я начинаю это сознавать. Все, чего мы так желали, когда были детьми, не кажется нам и вполнину таким чудесным, когда мы, наконец, это получаем.

В четверг девочки катались в парке, а вечером мисс Барри повела их на концерт в Академию музыки, где должна была выступать знаменитая певица. Ане этот вечер показался чудесным сном.

— Ах, Марилла, это невозможно описать. Я была так увлечена, что даже не могла говорить, так что вы можете вообразить, что это было... я просто сидела в безмолвном восхищении! Мадам Селитски была необычайно прекрасна и одета в белый атлас и бриллианты. Но когда она начала петь, я забыла обо всем на свете. Ах, я не могу описать, что я чувствовала! Мне казалось, что никогда больше мне не будет трудно быть доброй. У меня было такое же чувство, какое бывает, когда я гляжу на звезды. Слезы подступили у меня к глазам, но это были слезы счастья. Мне было так жаль, когда все кончилось, и я сказала мисс Барри, что не знаю, как я смогу теперь когда-нибудь снова вернуться к обыденной жизни. Она ответила, что ей кажется, если мы зайдем в ресторан на другой стороне улицы и съедим мороженое, это может мне помочь. Это звучало так прозаично, но, к моему удивлению, оказалось правдой. Мороженое было восхитительное, Марилла, и было так приятно и изысканно сидеть в ресторане в одиннадцать вечера. Диана сказала, что чувствует себя рожденной для городской жизни. Мисс Барри спросила, каково мое мнение, но я ответила, что должна серьезно подумать, прежде чем смогу сказать ей, что я действительно думаю. И я все обдумала, когда легла в постель. Это лучшее время, чтобы что-то обдумать. И я пришла к заключению, Марилла, что я не рождена для городской жизни, и очень этому рада. Очень приятно иногда съесть мороженое в великолепном ресторане в одиннадцать вечера, но в остальные дни я предпочла бы в одиннадцать часов крепко спать в моей комнатке в мезонине и знать даже во сне, что на небе сияют звезды и ветер гуляет в елях у ручья. Я сказала об этом мисс Барри на следующее утро за завтраком, и она засмеялась. Мисс Барри вообще смеялась почти над всем, что я говорила, даже когда я говорила о самых серьезных вещах. Мне это не очень понравилось, Марилла, потому что я не пыталась ее смешить. Но она очень гостеприимная леди и принимала нас по-королевски.

В пятницу пришло время возвращаться домой, и за девочками приехал мистер Барри.

— Ну, надеюсь, вы хорошо провели время, — сказала мисс Барри, прощаясь с ними.

— Очень хорошо, — ответила Диана.

— А ты, девочка Аня?

— Я наслаждалась каждой минутой! — воскликнула Аня, порывисто обняв старую женщину за шею и целуя ее морщинистую щеку. Диана никогда бы не осмелилась на такое и была в ужасе от Аниной вольности. Но мисс Барри была довольна; она стояла на веранде и смотрела им вслед, пока коляска не скрылась из глаз. Потом она со вздохом вернулась в свой большой дом. Он казался очень грустным без этих свежих юных жизней. Мисс Барри была, если говорить правду, довольно эгоистичной старой леди и не думала ни о ком, кроме себя самой. Она ценила людей только за то, что они были ей полезны или забавляли ее. Аня забавляла ее и потому пользовалась ее благосклонностью. Но теперь мисс Барри заметила, что думает меньше об Аниных забавных речах, чем о ее непосредственности, энтузиазме, ее откровенных чувствах, ее обаянии и прелести ее глаз и губ.

— Я считала Мариллу старой дурой, когда услышала, что она взяла на воспитание девочку из приюта, — сказала она себе, — но теперь мне кажется, она не сделала большой ошибки. Если бы у меня в доме все время был такой ребенок, как Аня, я чувствовала бы себя счастливее.

Ане и Диане поездка домой показалась такой же приятной, как и предыдущая, — даже приятнее, так как было радостное сознание, что в конце пути их ждет родной дом. Солнце клонилось к западу, когда они проехали через Уайт Сендс и свернули на прибрежную

дорогу. Перед ними на фоне шафранного неба темнели холмы Авонлеи, а за спиной над морем поднималась луна, и море становилось все лучистее, преображаясь под ее сиянием. Каждая маленькая бухта на извилистом побережье была настоящим чудом танцующей легкой ряби. Волны с мягким шуршанием разбивались о скалы, а холодный свежий воздух был напоен соленым запахом моря.

— Ах, как хорошо жить на свете и ехать домой! — вздохнула Аня.

Когда она бежала по бревенчатому мостику через ручей, свет в кухне Зеленых Мезонинов дружески подмигнул ей, приветствуя ее возвращение, а в приоткрытой двери виднелся огонь очага, посылавший свое теплое красноватое свечение в холодную осеннюю Ночь. Аня, счастливая, взбежала вверх по склону и очутилась в кухне, где на столе ждал горячий ужин.

— Наконец-то ты вернулась, — сказала Марилла, откладывая вязанье.

— Да, и ах как хорошо вернуться домой! — воскликнула Аня радостно. — Я могла бы все расцеловать, даже часы. Марилла, жареный цыпленок! Неужели вы приготовили это для меня?

— Да, — сказала Марилла. — Я знала, что ты будешь ужасно голодна после такой поездки и тебе нужно что-нибудь особенно вкусное. Скорей раздевайся, и будем ужинать, как только Мэтью придет. Надо признать, я рада, что ты вернулась. Было страшно пусто тут без тебя; даже не припомню таких же длинных четырех дней в своей жизни.

После ужина Аня села между Мэтью и Мариллой и дала им полный отчет о своей поездке.

— Я чудесно провела эти дни, — заключила она, довольная, — и чувствую, что они составят целую эпоху в моей жизни. Но лучше всего — это снова быть дома.

Глава 30

Подготовительный класс

Марилла опустила вязанье на колени и откинулась на спинку стула. У нее устали глаза. В голове мелькнуло, что в следующий раз, когда она поедет в город, нужно будет заказать новые очки, а то глаза у нее последнее время стали часто уставать.

Было почти темно, на Зеленые Мезонины спустились хмурые ноябрьские сумерки, и кухню освещали только танцующие в очаге красные языки огня. Аня сидела по-турецки на коврик перед камином, глядя на радостное пламя, которое щедро отдавало заключенный в кленовых поленьях жар солнца сотен летних дней. Она читала, но книжка сползла у нее с колен на пол, и теперь она мечтала с улыбкой на полураскрытых губах. Сверкающие воздушные замки сами собой возникали из дымки и радуги ее живой фантазии; картины приключений, чудесных и пленительных, являлись перед ней в мире ее грез — приключений, которые всегда кончались триумфом и не причиняли ей таких хлопот и огорчений, как те, что случались в настоящей жизни.

Марилла смотрела на нее с нежностью, которой никогда не было бы позволено проявиться при более ярком свете, чем это мягкое слияние сумрака и отблесков очага. Той любви, которая легко выражает себя в словах и откровенном взгляде, Марилла так и не смогла научиться. Но она научилась любить эту худенькую сероглазую девочку любовью, которая была глубже и сильнее из-за самой ее сдержанности. Эта любовь заставляла ее бояться оказаться слишком снисходительной. У нее были неприятные опасения, что грешно так сильно привязываться всем сердцем к одному человеческому существу, как она привязалась к Ане, и, возможно, она бессознательно наказывала себя за это тем, что была строже и критичнее, чем если бы девочка была ей менее дорога. Конечно, сама Аня не подозревала о том, как сильно любит ее Марилла. Иногда она с грустью думала о том, как трудно угодить Марилле, которая не испытывает к ней ни сочувствия, ни снисходительности. Но она тут же с упреком гнала эту мысль, вспоминая, чем обязана Марилле.

— Аня, — Марилла неожиданно прервала молчание. — Мисс Стейси была сегодня здесь после обеда, когда ты гуляла с Дианой.

Аня вздрогнула и со вздохом возвратилась на землю из своего мира грез.

— Была здесь? Ах, как жаль, что меня не было! Почему вы не позвали меня, Марилла? Мы с Дианой были недалеко, в Лесу Призраков. Так чудесно сейчас в лесу! Все маленькие растения — папоротники, кустики черники — уснули, словно кто-то спрятал их до весны под одеялом из листьев. Я думаю, что маленькая фея в радужном плаще подкралась к ним на цыпочках в прошлую лунную ночь и сделала это. Впрочем, Диана не стала бы об этом говорить. Она не забыла, как мама ругала ее за то, что она воображала привидения в Лесу Призраков. Это очень плохо отразилось на Дианином воображении, подавило его. Миссис Линд говорит про Мертл Белл, что она подавленная. Я спросила Руби Джиллис, почему Мертл такая, а Руби сказала, что, наверное, потому, что ее кавалер обманул. Руби думает только о кавалерах, и чем она старше, тем хуже. Вообще, я ничего не имею против кавалеров, но совсем ни к чему приплетать их абсолютно везде, правда? Мы с Дианой серьезно собираемся пообещать друг другу, что никогда не выйдем замуж, а останемся милыми старыми девами и будем всегда жить вместе. Диана, впрочем, еще не совсем решилась; она думает, что, может быть, будет благороднее выйти замуж за какого-нибудь буйного безнравственного гуляку и исправить его. Мы с Дианой теперь вообще много говорим о серьезных вещах. Мы чувствуем, что теперь мы настолько старше, чем были прежде, что нам не к лицу говорить о глупых детских делах. Это так серьезно — быть почти четырнадцатилетними, Марилла. Мисс Стейси ходила в прошлую среду с нами, старшими девочками, к ручью и беседовала с нами на эту тему. Она сказала, что нельзя недооценивать значение привычек, которые мы приобрели, и идеалов, которые мы избрали в подростковом возрасте, потому что ко времени, когда нам исполнится двадцать, наши характеры сформируются и заложат фундамент всей нашей будущей жизни. И она сказала, что, если фундамент окажется ненадежным, мы никогда не сможем построить на нем что-либо действительно ценное. Мы с Дианой говорили об этом по дороге из школы. У нас было такое торжественное чувство, Марилла. И мы решили, что обратим на это большое внимание: сформируем заслуживающие уважения привычки и научимся всему, чему только сможем, и будем как можно благоразумнее, с тем чтобы ко времени, когда нам исполнится двадцать, наши характеры были правильно сформированы. Совершенно потрясюще даже подумать, что когда-нибудь тебе будет двадцать! Это звучит так пугающе по-взрослому. Но зачем мисс Стейси сегодня приходила?

— Именно об этом я и хочу сказать тебе, Аня, если только ты дашь мне возможность вставить словечко. Она говорила о тебе.

— Обо мне? — Аня, казалось, смутилась. Потом она покраснела и воскликнула: — Ах, я знаю, о чем она говорила! Я сама собиралась рассказать вам, Марилла, честное слово, собиралась, но забыла. Мисс Стейси поймала меня вчера, когда я читала на уроке "Бен Гура", а должна была учить историю Канады. Это Джейн Эндрюс дала мне почитать. Я читала в обеденный перерыв и дошла как раз до гонок колесниц, когда начался урок. Я просто умирала от желания узнать, чем кончилось дело, — хотя я чувствовала, что Бен Гур должен выиграть, потому что иначе не было бы художественной справедливости, — и я положила на парту открытый учебник истории Канады, а на коленях под партой держала "Бен Гура". Выглядело так, будто я учу историю, но на самом деле я все это время наслаждалась "Бен Гуром". Книжка так меня захватила, что я даже не заметила, как мисс Стейси прошла по проходу между партами, пока вдруг я не подняла глаза, а она смотрит на меня с таким упреком. Не могу описать, Марилла, как мне было стыдно, особенно когда я услышала, как Джози Пай хихикает... Мисс Стейси отобрала у меня "Бен Гура", но ни слова мне не сказала. Но во время перемены она задержала меня в классе и поговорила со мной. Она сказала, что я нехорошо поступила в двух отношениях. Во-первых, я теряла время, предназначенное для учебы, а во-вторых, обманывала учительницу, делая вид, что учу историю, а на самом деле читала повесть. Я даже не сознавала до того момента, Марилла, что то, что я делала, было

обманом. Я была в ужасе! Я горько плакала, и просила мисс Стейси простить меня, и обещала больше никогда этого не делать; я предложила, что в виде наказания целую неделю ни разу не загляну в "Бен Гура", даже чтобы узнать, чем кончились гонки колесниц. Но мисс Стейси сказала, что она этого не требует, и простила меня великодушно. Я думаю, это было несправедливо с ее стороны — прийти сюда, чтобы все-таки вам об этом рассказать.

— Мисс Стейси ни словом об этом не упомянула в разговоре со мной, Аня, и это твоя нечистая совесть не дает тебе покоя. Ты не должна брать романы в школу, и вообще ты читаешь слишком много. Когда я была в твоём возрасте, мне на романы и глядеть-то не разрешали.

— Ах, как вы можете называть "Бен Гура" романом, когда это по-настоящему религиозная книга? — запротестовала Аня. — Конечно, она чуточку слишком захватывающая, чтобы годиться для воскресного чтения, и я читаю ее только в будни. Я теперь не читаю ни одной книжки, если мисс Стейси или миссис Аллан не считают их подходящим чтением для девочки тринадцати с тремя четвертями лет. Мисс Стейси взяла с меня такое обещание. Она однажды застала меня за чтением книжки под названием "Страшная тайна заколдованной комнаты". Это мне Руби Джиллис дала почитать. Ах, Марилла, книжка была такая захватывающая! Прямо мороз от нее по коже подирал и кровь стыла в жилах! Но мисс Стейси сказала, что это глупая и вредная книжка, и просила меня ни эту книжку, ни ей подобных не читать. Я легко пообещала не читать подобных книг впредь, но было просто *мучительно* не дочитать эту книжку и не узнать, чем все кончилось. Но моя любовь к мисс Стейси выдержала это испытание, и я сдержала обещание. Просто чудо, Марилла, что человек может сделать, если очень стремится кому-нибудь понравиться.

— Ну, я вижу, что могу зажечь лампу и приняться за работу, — сказала Марилла. — Ясно, что ты не хочешь узнать, о чем говорила мисс Стейси. Тебя больше занимают твои собственные речи.

— Ах, нет, Марилла, я очень хочу узнать! — воскликнула Аня с раскаянием. — Я не скажу больше ни слова... ни словечка. Я знаю, что говорю слишком много, но я так стараюсь преодолеть это в себе. И хотя я сказала так много, но если бы вы только знали, насколько больше я хотела сказать, вы были бы ко мне снисходительнее. Пожалуйста, расскажите мне, Марилла!

— Хорошо. Мисс Стейси хочет организовать отдельный класс из своих лучших учеников, которые желали бы подготовиться к экзаменам в Королевскую учительскую семинарию. Она собирается давать им дополнительные уроки по часу в день после занятий. И она пришла спросить нас с Мэтью, хотим ли мы, чтобы ты присоединилась к этому подготовительному классу. Что ты сама об этом думаешь, Аня? Ты хотела бы поступить в семинарию и стать учительницей?

— Ах, Марилла! — Аня поднялась на колени и привычным жестом сложила руки. — Это мечта всей моей жизни... ну, то есть уже шесть последних месяцев, с тех пор как Руби и Джейн стали говорить о подготовке к вступительным экзаменам. Но я ничего об этом не говорила, так как думала, что это совершенно бесполезно. Я очень хотела бы стать учительницей! Но не окажется ли это ужасно дорого? Мистер Эндрюс говорит, что подготовка Присси обошлась ему в сто пятьдесят долларов, а ведь Присси не была тупой в геометрии.

— Я думаю, ты можешь не беспокоиться об этой стороне дела. Когда мы с Мэтью взяли тебя на воспитание, мы решили, что сделаем все, что в наших силах, чтобы дать тебе хорошее образование. Я думаю, что девушка должна быть в состоянии заработать себе на жизнь, независимо от того, вынуждена она это делать или нет. У тебя всегда будет дом в Зеленых Мезонинах, пока Мэтью и я живы, но кто знает, что может случиться в этом ненадежном мире и к чему следует быть готовым. Так что ты можешь присоединиться к подготовительному классу, Аня, если хочешь.

— Ах, Марилла, спасибо! — Аня обняла Мариллу за талию и серьезно взглянула вверх, ей в лицо. — Я невыразимо благодарна вам и Мэтью! И я буду учиться так усердно, как

только смогу, чтобы вы могли мной гордиться. Не ожидайте только слишком многого в том, что касается геометрии. Зато я думаю, что смогу добиться успехов во всех остальных предметах, если буду усердно заниматься.

— Я полагаю, что ты и так довольно неплохо справляешься с учебой. Мисс Стейси говорит, что ты способная и прилежная, — Ни за что на свете Марилла не сказала бы Ане, как горячо хвалила ее мисс Стейси, из опасений, что это могло бы раздуть Анино тщеславие. — Нет нужды бросаться в крайности и убиваться над учебниками. Куда спешить? Через полтора года ты будешь готова к вступительным экзаменам. Но лучше начать вовремя и подготовиться основательно, говорит мисс Стейси.

— Теперь мне будет еще интереснее учиться, — сказала Аня с восторгом, — потому что у меня есть цель в жизни. Мистер Аллан говорит, что каждый должен иметь цель в жизни и усердно к ней стремиться. Только, говорит он, сначала мы должны убедиться, что это достойная цель. Разве это не достойная цель — стать учительницей, как мисс Стейси, как вы думаете, Марилла? Я думаю, это очень благородная профессия.

Подготовительный класс был организован в намеченный срок. Гилберт Блайт, Аня Ширли, Руби Джиллис, Джейн Эндрюс, Джози Пай, Чарли Слоан и Муди Спурджен Макферсон вошли в него. Дианы Барри не было в их числе, потому что родители не собирались посылать ее в семинарию. Ане это казалось чуть ли не катастрофой. С той ночи, когда у Минни был круп, они с Дианой были неразлучны во всем. В тот день, когда подготовительный класс впервые остался в школе на дополнительные занятия и Аня увидела, как Диана медленно выходит вслед за другими, чтобы затем одиноко направиться домой по Березовой Дорожке и через Долину Фиалок, ей с трудом удалось усидеть на месте и не броситься вслед за подругой. К горлу подкатил комок, и она торопливо начала листать свою развернутую на парте латинскую грамматику, чтобы скрыть слезы. Ни за что на свете не позволила бы она Гилберту Блайту или Джози Пай увидеть эти слезы.

— Но, ах, Марилла, когда я увидела, как Диана выходит из школы одна, я почувствовала, что вкусила горечь смерти, как сказал в своей проповеди в прошлое воскресенье мистер Аллан, — рассказывала она в тот вечер сокрушенно. — Я подумала, как замечательно было бы, если бы Диана тоже готовилась к поступлению в семинарию. Но мы не можем найти совершенства в этом несовершенном мире, как говорит миссис Линд. Миссис Линд не назовешь утешительницей, но, без сомнения, она высказывает много очень верных мыслей... Я думаю, подготовительные занятия будут чрезвычайно интересными. Джейн и Руби собираются стать учительницами. Это верх их стремлений. Руби говорит, что собирается работать учительницей только два года, а потом она намерена выйти замуж. А Джейн говорит, что она всю жизнь посвятит преподаванию и никогда, никогда не выйдет замуж, потому что учительнице платят жалованье, а муж ничего платить не будет, да еще и огрызается, если попросишь свою долю из денег за яйца и масло. Я догадываюсь, что Джейн знает это по своему печальному опыту, потому что миссис Линд говорит, что ее отец — старый брюзга и такой скупой, что у него снега среди зимы не выпросишь. Джози Пай говорит, что она поступает в семинарию только ради образования, потому что ей нет нужды зарабатывать себе на жизнь; она говорит, что, разумеется, совсем другое дело сироты, которые живут у кого-то из милости, — тем нужно трудиться. Муди Спурджен собирается стать священником. Миссис Линд говорит, что с таким именем, как у него,¹² никем другим и быть нельзя. Надеюсь, это не очень дурно с моей стороны, Марилла, но как только подумаю, что Муди Спурджен — священник, меня разбирает смех. Он такой смешной, с толстым лицом, маленькими голубыми глазками, а уши у него торчат, как лацканы. Но может быть, у него будет более интеллектуальный вид, когда он вырастет. Чарли Слоан говорит, что он пойдет в политику и станет членом парламента, но миссис Линд считает, что ему никогда не добиться успеха в этом деле, потому что все Слоаны честные люди, а в политике в наши дни

---

¹² Муди и Спурджен — фамилии двух популярнейших в Америке проповедников.

преуспевают только мошенники.

— А кем собирается стать Гилберт Блайт? — спросила Марилла, видя, что Аня открывает своего "Цезаря".

— У меня не было случая узнать о жизненных устремлениях Гилберта Блайта... если они у него есть, — ответила Аня презрительно.

Теперь между Гилбертом и Аней было открытое соперничество. Прежде оно было скорее односторонним, но больше не могло быть сомнений, что Гилберт так же настроен быть первым в классе, как и Аня. Он был вполне достойным соперником. Другие ученики подготовительного класса молчаливо признали их превосходство и даже не мечтали о соперничестве с ними.

С того дня, когда возле пруда она отвергла его просьбу о прощении, Гилберт, за исключением вышеупомянутого соперничества в учебе, ничем не выдавал, что замечает само существование Ани Ширли. Он болтал и шутил с другими девочками, обменивался с ними книжками и головоломками, обсуждал уроки и планы на будущее, иногда провожал домой одну или другую с молитвенного собрания или из дискуссионного клуба. Но Аню Ширли он просто не замечал, и Аня пришла к выводу, что неприятно, когда тебя не замечают. Тщетно говорила она себе, гордо встряхивая головой, что ее это не волнует. В глубине своевольного женского сердечка она была уверена, что волнует и что если бы то, что произошло на Озере Сверкающих Вод, случилось опять, она ответила бы совсем по-другому. Неожиданно, как ей казалось, и к ее тайному ужасу она почувствовала, что прежнее негодование, которое она лелеяла в душе, исчезло... исчезло как раз тогда, когда она больше всего нуждалась в его поддержке. Напрасно вызывала она в памяти подробности той памятной сцены и старалась возбудить в себе прежний, доставлявший удовлетворение гнев. Тот день у пруда стал свидетелем его последней судорожной вспышки. Аня поняла, что простила и забыла, даже не зная об этом. Но было слишком поздно!

По крайней мере, ни Гилберт, ни кто другой, даже Диана, не должны были даже заподозрить, как она жалела, что оказалась такой гордой и неумолимой! Она решила "предать свои чувства глубочайшему забвению", и следует признать, что сделала она это так успешно, что Гилберт, который, возможно, и не был столь равнодушным, каким казался, не мог утешиться ни одним признаком того, что Аня хоть как-то чувствует его мстительное презрение. Единственным слабым утешением для него было то, что она пренебрегала и Чарли Слоаном, пренебрегала немилосердно, постоянно и незаслуженно.

В остальном зима проходила в обычных обязанностях и учебе. Для Ани дни скользили словно золотые бусины на ожерелье года. Она была счастливой, полной бодрости и интереса к жизни: были уроки, чтобы их учить, награды, чтобы их добиваться, чудесные книги, чтобы их прочитать, новые песни, чтобы разучить их для хора воскресной школы; были и приятные субботние вечера в доме священника с миссис Аллан, а потом, прежде чем Аня успела это осознать, снова пришла в Зеленые Мезонины весна, и весь мир опять был в цвету.

Страсть к учебе несколько остыла тогда. В то время как большинство учеников разбредалось по зеленым дорожкам, лесным вырубкам и луговым тропинкам, остававшиеся в школе будущие семинаристы печально глядели в окна и вдруг обнаруживали, что латинские глаголы и французские упражнения почему-то утратили те очарование и прелесть, какие имели в суровые зимние месяцы. Даже Аня и Гилберт продвигались вперед медленнее и равнодушнее. И учительница, и ученики были одинаково рады, когда пришел конец учебного года и веселые дни каникул засияли перед ними в розовом свете.

— Вы хорошо поработали в прошедшем году, — сказала мисс Стейси в последний день занятий, — и заслужили хорошие, веселые каникулы. Постарайтесь как можно лучше отдохнуть на свежем воздухе и набраться здоровья, сил и честолубивых желаний для учебы в следующем году, когда вам предстоит решительное сражение перед вступительными экзаменами!

— А вы вернетесь к нам в следующем учебном году, мисс Стейси? — спросила Джози Пай.

Джози Пай никогда не стеснялась в вопросах; впрочем, в данном случае весь остальной класс был ей благодарен. Ни один из них не осмелился бы спросить об этом мисс Стейси, но все хотели знать, потому что в школе уже некоторое время ходили тревожные слухи о том, что мисс Стейси не вернется в школу в следующем учебном году, так как ей предложена работа в начальной школе того района, где она жила, и она намерена принять это предложение. Весь подготовительный класс, затаив дыхание, с тревогой ждал ее ответа.

— Да, думаю, что вернусь, — сказала мисс Стейси. — Я подумывала перейти в другую школу, но решила остаться в Авонлее. Сказать по правде, я так привязалась к вам, что мне трудно было бы с вами расстаться. Так что я остаюсь и доведу вас до цели.

— Ура! — закричал Муди Спурджен. Чувства никогда не увлекали Муди Спурджена так далеко, а потому целую неделю после этого он смущенно краснел, когда вспоминал о своем порыве.

— Ах, я так рада! — сказала Аня с сияющими глазами. — Дорогая мисс Стейси, было бы совершенно ужасно, если бы вы ушли. Я уверена, что у меня не хватило бы духа вообще продолжать учебу, если бы к нам пришел другой учитель.

Когда Аня пришла домой в тот вечер, она свалила все свои учебники в старый сундук на чердаке, заперла его и забросила ключ в коробку с мелочами.

— Я даже не загляну в школьные книжки во время каникул, — сказала она Марилле. — Весь год я училась так усердно, как только могла. Целыми днями сидела над этой геометрией, пока не выучила наизусть всю первую книжку. Все помню, даже если буквы заменить на другие. Я просто устала от всего серьезного и собираюсь на лето дать волю моему воображению. Ах, не пугайтесь, Марилла! Я дам ему волю в разумных пределах. Но я хочу действительно хорошо и весело провести время этим летом, потому что, быть может, это последнее лето моего детства. Миссис Линд говорит, что, если я так же вытянусь в следующем году, как в этом, мне придется носить еще более длинные юбки. Она говорит, что у меня все идет в ноги и глаза. А когда я буду носить длинные юбки, я должна буду и вести себя соответственно и преисполниться достоинства. Тогда, боюсь, будет неприлично даже верить в фей; так что в это лето я собираюсь верить в них всей душой. Я думаю, у нас будут очень веселые каникулы. Руби Джиллис скоро будет отмечать день рождения, а в следующем месяце будет пикник воскресной школы и благотворительный концерт. Мистер Барри говорит, что как-нибудь вечером он возьмет Диану и меня в гостиницу в Уайт Сендс на обед. Там устраивают обеды по вечерам, вы ведь знаете. Джейн Эндрюс была там однажды прошлым летом и говорит, что это поразительное зрелище: электрический свет и цветы и все дамы в таких красивых платьях. Джейн говорит, что она впервые заглянула в жизнь высшего света и до самой смерти не забудет этого впечатления.

На следующий день после обеда пришла миссис Линд, чтобы узнать, почему Марилла не была на собрании благотворительного общества в четверг. Когда Марилла не приходила на собрание, соседи знали, что в Зеленых Мезонинах что-то случилось.

— У Мэтью был небольшой сердечный приступ в четверг, — объяснила Марилла, — и мне не хотелось оставлять его одного. О да, теперь уже все в порядке, но приступы у него стали чаще, и я боюсь за него. Доктор говорит, что ему нужно избегать волнений. Это несложно, потому что Мэтью никогда не искал и не ищет волнений, но ему нельзя также выполнять тяжелых работ, а говорить Мэтью, чтобы он не работал, — все равно что уговаривать его не дышать. Заходи и раздевайся, Рейчел. Останешься на чай?

— Ну, раз ты так настаиваешь, я, пожалуй, останусь, — сказала миссис Рейчел, не имевшая ни малейшего намерения поступить иначе.

Миссис Рейчел и Марилла уютно уселись в гостиной, пока Аня приготовила чай и горячее печенье, которое было таким легким и белым, что могло бросить вызов даже суровой критике миссис Рейчел.

— Нужно признать, что Аня оказалась очень смышленной девочкой, — заявила миссис Рейчел, когда на закате Марилла проводила ее до большой дороги. — Она, должно быть, хорошая помощница для тебя.

— Да, — признала Марилла, — теперь она гораздо серьезнее и на нее можно положиться. Прежде я боялась, что она так и останется сумасбродной, но она изменилась, и теперь я ни в чем не побоялась бы на нее положиться.

— В первый день, когда я увидела ее здесь три года назад, ни за что не подумала бы, что все обойдется так хорошо, — сказала миссис Рейчел. — Боже милостивый, забуду ли я когда ту ее ужасную вспышку! Когда я пришла в тот вечер домой, я сказала Томасу так: "Попомни мои слова, Томас, Марилла Касберт пожалеет о том, что сделала". Но я ошиблась и очень этому рада. Я не из тех людей, Марилла, которых никогда нельзя заставить признать, что они ошиблись. Нет, я-то уж не такая, слава Богу. Я ошиблась в Ане, но это было неудивительно; более странной и необычной девочки на свете не было, скажу я вам. Ее нельзя было расшифровать по правилам, которые подходят для других детей. Прямо-таки чудо, как она изменилась к лучшему за эти три года, особенно внешне. Она стала совсем хорошенькой, хотя не скажу, что я большая любительница такой бледной и большеглазой красоты. Я предпочитаю пухлые и румяные щечки Дианы Барри или Руби Джиллис. Руби очень эффектна. Но почему-то, не знаю почему... когда я вижу их рядом с Аней, они кажутся мне заурядными и банальными, хотя она и вполтину не так красива... Совсем как белые июньские лилии, которые она называет нарциссами, рядом с большими красными пионами, вот что я вам скажу.

Глава 31

Там, где ручей встречается с рекой

А ня действительно "хорошо и весело" провела лето и наслаждалась им от всей души. Они с Дианой целые дни проводили на свежем воздухе, упиваясь всеми удовольствиями, которые были способны доставить Тропинка Влюбленных, Ключ Дриад, Плач Ив и Остров Виктории. Марилла не выдвигала никаких возражений против такого бродячего образа жизни. Доктор из Спенсерваля, тот самый, который приезжал в памятную ночь, когда у Минни был круп, встретил Аню однажды вечером еще в начале каникул в доме одного из своих пациентов, посмотрел на нее пристально, поджал губы, покачал головой и через одного из знакомых передал Марилле следующее: "Держите вашу рыжую девочку все лето на свежем воздухе и не позволяйте ей читать книжки, пока у нее не появится больше упругости в движениях". Это послание изрядно напугало Мариллу. Она решила, что Аню безусловно ждет смерть от чахотки, если не следовать совету врача самым добросовестным образом. В результате Аня провела счастливейшее лето в своей жизни, насладившись всем, что давали свобода и веселье. Она гуляла, занималась греблей, собирала ягоды и мечтала, сколько душе угодно; и когда пришел сентябрь, у нее снова были яркие глаза, бодрая, упругая походка, которая, без сомнения, удовлетворила бы доктора из Спенсерваля, и сердце, вновь полное энтузиазма и честолюбивых планов.

— Я намерена учиться, не жалея сил, — объявила она, когда принесла с чердака свои учебники. — О вы, добрые старые друзья! Как я рада вновь увидеть ваши знакомые честные лица... даже и твое, геометрия. Я провела совершенно великолепное лето, Марилла, и теперь готова с радостью принять на свои плечи всю тяжесть бытия, как мистер Аллан сказал в своей последней проповеди. Ведь правда, у мистера Аллана великолепные проповеди? Миссис Линд говорит, что он с каждым днем становится все красноречивее, и не успеем мы оглянуться, как какая-нибудь городская церковь сманит его у нас, а нам придется искать и приучать к делу другого неопытного проповедника. Но я не вижу смысла беспокоиться заранее, а вы, Марилла? Я думаю, что лучше просто радоваться, пока мистер Аллан еще здесь. Мне кажется, что если бы я была мужчиной, то стала бы священником. Они могут оказывать такое благотворное влияние, если только у них убедительная теология. Это, должно быть, потрясающе приятно — читать замечательные проповеди и волновать сердца слушателей! Почему женщины не могут быть священниками, Марилла? Я спросила об этом миссис Линд, а она пришла в ужас и сказала, что это был бы просто скандал! Она сказала,

что, может быть, и есть женщины-священники в Штатах, и она даже уверена, что там они есть, но, слава Богу, у нас в Канаде до такого безобразия не дошли и, она надеется, никогда не дойдут. Но я не понимаю почему. Мне кажется, что женщины были бы великолепными священниками. Когда нужно устроить собрание или чаепитие для прихожан или что-нибудь еще, чтобы собрать пожертвования, женщинам приходится принимать на себя все хлопоты и делать всю трудную работу. Я уверена, что миссис Линд могла бы молиться ничуть не хуже ректора нашей воскресной школы, мистера Белла, и не сомневаюсь, что если бы она попрактиковалась, то смогла бы и проповедовать.

— О да, не сомневаюсь, что она смогла бы, — добавила Марилла язвительно. — Она и так без конца произносит проповеди. У нас в Авонлее мало шансов сбиться с пути истинного, пока есть Рейчел, чтобы за нами приглядеть.

— Марилла, — сказала Аня в порыве откровенности. — Я хочу вам кое в чем признаться и спросить, что вы об этом думаете. Мысль эта меня ужасно мучает... особенно в воскресенье после обеда, ну, то есть когда я больше всего думаю о моральных вопросах. Я очень хочу быть хорошей; и когда я с вами, или с миссис Аллан, или мисс Стейси, я даже еще больше этого хочу и стараюсь сделать все, что вам понравилось и что вы одобрили бы. Но когда я с миссис Линд, я всегда чувствую себя отчаянно испорченной и меня так и подмывает пойти и сделать именно то, чего, по ее мнению, я не должна делать. Я чувствую непреодолимое искушение сделать именно это. Послушайте, как вы думаете, в чем причина, что у меня появляется такое чувство? Неужели я и вправду такая дурная и неисправимая?

Марилла на мгновение заколебалась, но потом рассмеялась от души:

— Если ты такая, Аня, то боюсь, что и я не лучше, потому что Рейчел и на меня часто так влияет. Я иногда думаю, что она могла бы "благодарно влиять на людей", как ты выражаешься, если бы перестала так усердно склонять их к добру. Должна бы существовать специальная заповедь, запрещающая пилить ближнего. Но, впрочем, я не должна так говорить. Рейчел — добрая христианка, и намерения у нее самые лучшие. Нет добрее души в Авонлее. И никогда она не уклоняется от своей доли трудов.

— Я очень рада, что вы испытываете то же самое, что и я, — сказала Аня решительно. — Это так ободряет. Теперь я уже не буду так сильно из-за этого волноваться... Хотя, вероятно, найдутся другие вопросы, которые будут меня тревожить. Они ни на минуту не перестают возникать... Ну, то есть вопросы, которые приводят в недоумение, вы понимаете. Решаешь для себя один вопрос, и тут же возникает другой. Так много вопросов, которые надо обдумать и решить, когда начинаешь взрослеть. Я все время занята тем, что обдумываю и решаю, что правильно, а что нет. Это очень серьезно — становиться взрослым, правда, Марилла? Но с хорошими друзьями, как вы, Мэтью, миссис Аллан, мисс Стейси, я должна повзрослеть успешно, и это будет моя собственная вина, если я этого не сделаю. Я чувствую большую ответственность, потому что у меня один-единственный шанс. Если я не вырасту такой, какой должна, то уже не смогу вернуться и начать сначала. Я выросла на два дюйма за это лето, Марилла. Мистер Джиллис мерил меня, когда мы были на дне рождения у Руби. Я так рада, что вы сделали мои новые платья подлиннее. Это темно-зеленое такое красивое, и так было мило с вашей стороны сделать оборки. Конечно, я понимаю, что в этом не было особой необходимости, но оборки стали так модны этой осенью, и у Джози Пай все платья с оборками. Я наверняка буду теперь учиться лучше с моими оборками. У меня такое приятное чувство где-то в глубине души из-за этих оборок.

— Ну, ради этого стоило их пришить, — признала Марилла.

Мисс Стейси вернулась осенью в авонлейскую школу и застала своих учеников, как и прежде, готовыми с энтузиазмом приняться за работу. Подготовительный класс перепоясал чресла,¹³ дабы вступить в решительную схватку, потому что вдали, в конце учебного года, бросая неясную тень на весь предстоявший путь, маячило нечто роковое, известное под

---

¹³ Перепоясать чресла — решительно взяться за дело, собраться в путь.

названием "вступительные экзамены;", и при мысли об этом у всех учеников, без исключения, душа уходила в пятки. А что, если не сдадут! Этой мысли было суждено преследовать Аню в ту зиму целыми днями, включая и послеобеденные воскресные часы, почти полностью вытеснив моральные и теологические проблемы. Когда ее навещали плохие сны, она видела себя в них печально всматривающейся в список выдержавших вступительные экзамены, где имя Гилберта Блайта было крупно выписано наверху, а ее собственное даже не появлялось.

Но все же это была веселая, полная трудов, счастливо и быстро пролетавшая зима. Занятия в школе были такими же интересными, а соперничество в классе таким же захватывающим, как и прежде. Новые миры мыслей, чувств и желаний, свежие, чарующие горизонты неисследованных знаний открывались перед любопытными Аниными глазами. Во многом это было результатом тактичного, внимательного и разумного руководства со стороны мисс Стейси. Она учила свой класс самостоятельно думать, исследовать и находить решения и поощряла своих учеников сворачивать со старых проторенных путей, что беспокоило миссис Линд и школьных попечителей, которые относились ко всем нововведениям и отклонениям от принятых методов большей частью с сомнением.

Помимо занятий Аня чаще, чем прежде, предавалась развлечениям — как только представлялся удобный случай, потому что Марилла, памятуя о рекомендации доктора из Спенсерваля, больше не налагала на них запрета. Дискуссионный клуб процветал и провел несколько концертов; состоялись одна или две вечеринки, уже почти как у взрослых; были и прогулки на санях, и веселые часы на катке.

А одновременно Аня росла, вытягиваясь так быстро, что однажды Марилла, встав случайно рядом с ней, даже вскрикнула от удивления, обнаружив, что девочка выше нее самой.

— Ой, Аня, как ты выросла! — сказала она, почти не веря глазам. За словами последовал вздох. Эти новые дюймы Аниного роста вызвали у Мариллы странную печаль. Тот ребенок, которого она научилась любить, как-то незаметно исчез, а на его месте стояла эта высокая пятнадцатилетняя девушка с серьезными глазами, задумчивым лицом и гордо посаженной головкой. Марилла любила эту девушку так же горячо, как и того ребенка, но вместе с тем у нее было странное и печальное ощущение утраты. И когда в тот вечер Аня вместе с Дианой отправилась на молитвенное собрание, Марилла, сидя в одиночестве в зимних сумерках, поддалась минутной слабости и заплакала. За этим и застал ее Мэтью, вошедший в кухню с фонарем в руках. Он уставился на нее с таким испугом, что Марилла рассмеялась сквозь слезы.

— Я думала об Ане, — объяснила она. — Она стала такой взрослой... и, наверное, в следующую зиму ее не будет с нами. Я буду по ней ужасно скучать.

— Она сможет часто приезжать домой, — утешил Мэтью, для которого Аня всегда оставалась маленькой бойкой девочкой, привезенной им из Брайт Ривер теплым июньским вечером четыре года назад. — К тому времени построят железнодорожную ветку до Кармоди.

— Это будет совсем не то, что иметь ее все время здесь, — вздохнула Марилла мрачно, решительно настроенная насладиться своим неутешным горем. — Но... мужчинам этого не понять!

Были и другие перемены в Ане, не менее значительные, чем физические. Так, она стала гораздо сдержаннее. Быть может, думала она еще больше, а мечтала столько же, сколько и прежде, но говорила явно меньше. Марилла отметила и это.

— Ты уже не щебечешь, как раньше, Аня, и не употребляешь и половины своих прежних высокопарных слов. Что это с тобой?

Аня покраснела и легко рассмеялась, опустив на колени книжку, которую читала, и мечтательно взглянула в окно, где набухшие красные почки плюща медленно раскрывались, соблазненные теплым весенним солнцем

— Не знаю... мне не хочется много говорить, — сказала она, в задумчивости подпирая

подбородок указательным пальцем. — Приятней думать о своем милом и дорогом и таить мысли в душе, как сокровища. Мне не хочется, чтобы над ними смеялись или им удивлялись. И почему-то мне больше не хочется употреблять возвышенных оборотов. Даже грустно, что теперь, когда я выросла и могла бы ими пользоваться, у меня совсем нет желания это делать. В некоторых отношениях приятно быть почти взрослой, но... это не того рода удовольствие, какого я ожидала. Так многому нужно научиться, так много сделать и обдумать, что нет времени для пышных слов. Кроме того, мисс Стейси говорит, что короткие слова гораздо сильнее и выразительнее. Она требует, чтобы мы писали сочинения как можно более простым языком. Сначала это было трудно. Я так привыкла нагромождать все красивые пышные обороты, какие могла припомнить... а было их у меня в памяти без счета. Но теперь я и сама вижу, что чем проще, тем лучше.

— А что стало с вашим литературным клубом? Я уж давно от тебя ничего о нем не слышу.

— Литературного клуба больше не существует. У нас нет на это времени... мне кажется, он нам надоел. Какая это была глупая писанина о любви, убийствах, побегах и тайнах! Мисс Стейси иногда дает нам задание написать рассказ, но не разрешает писать ничего, кроме того, что могло бы случиться с нами в Авонлее. Она очень строго оценивает наши рассказы и требует от нас самих критического к ним подхода. Я и не думала, что в моих сочинениях так много недостатков, пока не начала сама их искать. Мне стало так стыдно, я хотела совсем бросить сочинять, но мисс Стейси сказала, что я могу научиться писать хорошо, если только привыкну быть своим самым суровым критиком. И я стараюсь.

— Осталось всего два месяца до вступительных экзаменов, — сказала Марилла. — Как ты думаешь, поступишь?

Аня задрожала.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что все будет хорошо... но потом мне становится ужасно страшно. Мы учились так усердно, и мисс Стейси столько с нами занималась, но все равно мы можем не поступить. У каждого из нас своя Ахиллесова пята.¹⁴ У меня, разумеется, геометрия, у Джейн — латынь, у Руби и Чарли — алгебра, а у Джози — арифметика. Муди Спурджен совершенно уверен, что срежется на истории Англии. Мисс Стейси собирается в июне устроить нам пробные экзамены, такие же трудные, как и предстоящие вступительные, и будет оценивать нас так же строго, чтобы мы получили представление о том, что нас ждет. Как я хотела бы, чтобы все уже было позади, Марилла! Мысль эта не дает мне покоя. Иногда я просыпаюсь среди ночи и думаю, что буду делать, если не поступлю.

— Ничего страшного, походишь еще год в школу и попытаешься поступить снова, — сказала Марилла спокойно.

— Ах, боюсь, что у меня не хватит твердости духа. Это было бы таким позором — провалиться, особенно если Гил... если другие поступят. А я всегда так нервничаю на экзаменах, что, боюсь, все перепутаю. Хорошо бы иметь нервы, как у Джейн Эндрюс! Ее ничто не выведет из равновесия.

Аня вздохнула и, оторвав взгляд от прелести весеннего мира, чарующего свежестью ветерка, голубизной неба и молодой зеленью сада, снова с головой погрузилась в чтение. Будут и другие весны, но Аня была убеждена, что если она не поступит в семинарию, то уже никогда не сможет насладиться ими вполне.

Глава 32

Список принятых опубликован

С концом июня пришло и окончание учебного года, и завершение периода правления

---

¹⁴ Ахиллесова пята — слабая, уязвимая сторона человека.

миссис Стейси в авонлейской школе. В последний день Аня и Диана возвращались домой в самом печальном настроении. Красные глаза и мокрые носовые платки были убедительным свидетельством того факта, что прощальные слова мисс Стейси оказались не менее трогательными, чем слова мистера Филлипса в подобных обстоятельствах за три года до этого. У подножия поросшего елями холма Диана оглянулась на школьное здание и глубоко вздохнула.

— Кажется, будто всему конец, правда? — сказала она уныло.

— Тебе должно быть гораздо легче, чем мне, — ответила Аня, безуспешно пытаясь найти сухое место на своем носовом платке. — Ты снова вернешься в школу следующей зимой, а мне, вероятно, придется покинуть дорогую старую школу навсегда... разумеется, если мне повезет.

— Это будет совсем не то. Мисс Стейси не будет, тебя, Джейн и Руби, наверное, тоже. Мне придется сидеть одной, потому что я не соглашусь сидеть с кем-то другим после тебя. Ах, какое было замечательное время, правда, Аня? Но ужасно подумать, что все позади.

Две крупные слезы скатились по носу Дианы.

— Если бы ты перестала плакать, я бы тоже смогла остановиться, — сказала Аня умоляюще. — Стоит мне убрать платок, как я вижу, что у тебя глаза наполняются слезами, и снова от этого плачу. Как миссис Линд говорит: "Если вы не можете радоваться, радуйтесь, как можете". Но все же, мне кажется, я вернусь в школу в следующем году. Как раз сейчас одна из тех минут, когда я уверена, что не поступлю. И эта уверенность стала появляться пугающе часто.

— Ну что ты! Ты отлично себя показала на экзаменах, которые устроила мисс Стейси.

— Да, но на этих экзаменах я не нервничала. Но ты не можешь вообразить, какая ужасная холодная дрожь появляется здесь, возле сердца. Когда подумаю о настоящих экзаменах. И к тому же мой номер на экзаменах — тринадцать, а Джози Пай говорит, что это роковое число. Я не суеверна и знаю, что это не имеет значения. Но все-таки я предпочла бы не быть тринадцатой.

— Как бы я хотела быть там с тобой, — сказала Диана. — Мы замечательно провели бы время. Но я думаю, тебе придется зубрить целыми вечерами.

— Нет; мисс Стейси взяла с нас обещание совсем не заглядывать в учебники. Она говорит, что это нас только утомит и запутает и что мы должны выходить на прогулки, совсем не думать об экзаменах и рано ложиться спать. Это добрый совет, но боюсь, трудно будет ему следовать. Я думаю, всем хорошим советам трудно следовать. Присси Эндрюс говорила мне, что всю неделю, пока шли экзамены, она засиживалась далеко за полночь и зубрила изо всех сил; и я тогда решила, что буду сидеть, *по меньшей мере*, так же долго, как она. Как это мило со стороны твоей тети Джозефины, что она пригласила меня остановиться в Бичвуде, когда я буду сдавать экзамены.

— Ты напишешь мне из города, хорошо?

— Я напишу во вторник вечером и расскажу, как прошел первый день, — пообещала Аня.

— В среду весь день буду торчать на почте, — заверила Диана.

Аня уехала в город в следующий понедельник, а в среду Диана «торчала» на почте, как и было условлено, и получила следующее письмо.

"Дорогая моя Диана, — писала Аня. — Вот уже вечер вторника, и я пишу это письмо в библиотеке Бичвуда. Вчера вечером мне было ужасно грустно совсем одной в моей комнате, и я так жалела, что тебя нет со мной. Я не могла зубрить, потому что обещала мисс Стейси этого не делать, но было так же трудно удержаться и не открыть учебник истории, как прежде было трудно не начать читать повесть до того, как выучены уроки.

Сегодня утром за мной зашла мисс Стейси, и мы пошли в семинарию, забрав с собой по пути Джейн, Руби и Джози. Руби предложила мне потрогать ее руки: они были холодные как лед. Джози сказала, что я выгляжу так, будто всю ночь не смыкала глаз, и что она не верит, что у меня хватит сил выдержать весь курс учебы, даже если я и поступлю. Бывают моменты

и даже периоды, когда мне кажется, что я не продвинулась в своих стараниях полюбить Джози Пай!

Когда мы пришли в семинарию, там были десятки учеников со всего острова. Первым, кого мы увидели, был Муди Спурджен, который сидел на лестнице и что-то бормотал себе под нос. Джейн спросила его, что же это такое он делает, а он сказал, что постоянно повторяет таблицу умножения, чтобы успокоить нервы, и чтобы его, Бога ради, не прерывали, потому что, если он остановится хоть на минуту, его снова охватит страх перед экзаменом и он забудет все, что знал, и только таблица умножения позволяет ему сохранить порядок в голове!

Когда нам назначили экзаменационные классы, мисс Стейси ушла. Мы с Джейн сидели рядом, и Джейн была так спокойна, что я ей позавидовала. Серьезной, положительной, здравомыслящей Джейн таблица умножения не нужна! Интересно, неужели я и выглядела так, как себя чувствовала, и было ли слышно на весь класс, как у меня колотилось сердце? Потом вошел какой-то мужчина и начал раздавать экзаменационные билеты по английской литературе. У меня похолодели руки и голова закружилась, когда я взяла мой билет. На один ужасный момент, Диана, я почувствовала себя точно так же, как четыре года назад, когда я спросила Мариллу, смогу ли я остаться в Зеленых Мезонинах. А потом все у меня в голове прояснилось, и сердце снова стало биться — я забыла сказать, что на мгновение оно совершенно остановилось! — потому что я поняла, что так или иначе, но с *этим* билетом я справлюсь.

В полдень мы пошли домой на обед, а потом снова вернулись на экзамен по истории. Билет по истории был довольно трудный, и я ужасно запуталась в датах. Но все-таки мне кажется, что сегодняшний день прошел неплохо. Но завтра, Диана, завтра — экзамен по геометрии! И как только подумаю об этом, у меня пропадает вся решимость не открывать моего Евклида.¹⁵ Если бы я полагала, что таблица умножения мне поможет, то повторяла бы ее прямо с этой минуты и до завтрашнего утра.

Вечером я сходила повидать наших девочек. По пути мне попался Муди Спурджен, который рассеянно брел по улице. Он сказал, что, без сомнения, срезался по истории, что был рожден на мучение своим родителям, что вернется домой первым утренним поездом и что, во всяком случае, будет легче стать плотником, чем священником. Я постаралась подбодрить его и убедила остаться до конца, потому что будет нечестно по отношению к мисс Стейси, если он уедет. Иногда я жалею, что не родилась мальчиком, но когда я вижу Муди Спурджена, всегда радуюсь, что я девочка и к тому же не его сестра.

Когда я зашла в пансион, где живет Руби, у нее была истерика. Она обнаружила, что на экзамене по английской литературе сделала ужасную ошибку. Когда она немножко успокоилась, мы пошли в кафе и съели мороженое. Как мы жалели, что тебя нет с нами!

Ах, Диана, если бы только этот экзамен по геометрии уже был позади! Но, как говорит миссис Линд, солнце взойдет и зайдет независимо от того, провалюсь я по геометрии или нет. Это истина, но не особенно утешительная. Мне кажется, что я предпочла бы, чтобы оно не всходило, если я провалюсь!

Преданная тебе Аня".

Экзамен по геометрии и все остальные экзамены состоялись в положенный срок, и в пятницу вечером Аня вернулась домой, довольно утомленная, но с выражением триумфа на лице. Диана ждала ее в Зеленых Мезонинах, и встреча произошла так, будто они провели в разлуке долгие годы.

— Дорогая моя, как это замечательно — снова тебя увидеть! Мне эта неделя показалась вечностью! Ах, Аня, как твои успехи?

— Думаю, что довольно неплохо во всем, кроме геометрии. Не знаю, провалилась я по ней или нет; мне в сердце закрадывается неприятное предчувствие, что все-таки

---

¹⁵ Евклид (жил около 300 г. до н. э.) — знаменитый греческий математик.

провалилась. Ах, как чудесно снова быть дома! Зеленые Мезонины — самый дорогой и прелестный уголок на свете!

— А как остальные сдали?

— Девочки утверждают, что провалились, но я думаю, все сдали неплохо. Джози говорит, что задание по геометрии было такое простое, что и десятилетний ребенок справился бы. Муди Спурджен по-прежнему думает, что срезался по истории, а Чарли — что провалился по алгебре. Но мы ничего по-настоящему не знаем и не узнаем, пока не опубликуют список принятых. А это будет только через две недели. Подумай только, жить две недели в таком томительном ожидании! Как я хотела бы заснуть и не просыпаться, пока все не окажется позади!

Диана знала, что бесполезно спрашивать, как дела у Гилберта Блайта, поэтому она только сказала:

— Ах, ты конечно поступишь. Не волнуйся!

— Я предпочла бы вообще не поступить, чем не оказаться одной из первых в списке! — вспыхнула Аня; этим она хотела сказать — и Диана это знала, — что успех будет неполным и окрашенным горечью, если ее имя в списке будет стоять после имени Гилберта Блайта.

Опасаясь такого исхода, Аня во время экзаменов напрягала все свои силы. То же делал и Гилберт. Они встречались на улицах много раз, даже не подавая вида, что знакомы, и каждый раз Аня поднимала голову чуточку выше и жалела чуточку сильнее, что не согласилась дружить с Гилбертом, когда он просил ее об этом, и клялась себе еще чуточку решительнее превзойти его на экзаменах. Она знала, что вся авонлейская школьная молодежь следит, кто из них окажется первым. Ей было известно, что Джимми Гловер и Нед Райт даже побились об заклад, а Джози Пай утверждала, что вне всякого сомнения Гилберт будет первым. И она чувствовала, что не вынесет унижения, если потерпит неудачу.

Но был у нее и другой, более благородный повод желать хорошего результата. Она хотела "пройти первой" ради Мэтью и Мариллы — особенно Мэтью. Мэтью объявил ей о своей уверенности, что она "заткнет за пояс весь остров". Конечно, Аня чувствовала, что даже в самых смелых мечтах было безрассудно питать такие надежды. Но она горячо желала оказаться, по меньшей мере, среди первых десяти, чтобы увидеть, как засияют гордостью добрые карие глаза Мэтью. Это, чувствовала она, будет поистине сладкой наградой за все ее тяжелые труды и упорную борьбу с не дающими простора воображению уравнениями и спряжениями.

В конце второй недели Аня тоже принялась «торчать» на почте в компании столь же взволнованных Джейн, Руби и Джози. Дрожащими руками они раскрывали шарлоттаунские ежедневные газеты, испытывая при этом не менее сильное волнение, чем во время самих экзаменов. Даже Чарли и Гилберт унижались до такой степени, что заглядывали на почту, и только Муди Спурджен решительно оставался в стороне.

— У меня не хватает мужества, чтобы ходить на почту и хладнокровно глядеть в газеты, — признался он Ане. — Я предпочитаю подождать, пока кто-нибудь вдруг не придет и не скажет мне, поступил я или нет.

Когда прошли три недели, а список так и не появился, Аня начала чувствовать, что не в силах дольше выносить это напряжение. У нее пропал аппетит и угас интерес к авонлейским делам. Миссис Линд возмущенно вопрошала, чего же еще можно ждать, когда во главе министерства образования стоит консерватор, и Мэтью, изо дня в день замечая бледность, подавленность и тяжелую походку Ани, возвращающейся домой с почты, начал серьезно подумывать, не следует ли ему на следующих выборах голосовать за либералов.

Но однажды вечером долгожданное известие пришло. Аня сидела у открытого окна своей комнаты, на время забыв об экзаменационных горестях и треволнениях мира и упиваясь красотой летних сумерек, напоенных сладковатым ароматом садовых цветов и шелестом волнуемых ветром тополей. На востоке небо над елями слабо вспыхивало розоватым отблеском закатного запада, и Аня мечтательно размышляла, не дух ли красок

укрылся там за облаками, когда вдруг увидела Диану, мчавшуюся между елями, через бревенчатый мостик и вверх по склону, размахивая газетой, которую держала в руке.

Аня вскочила на ноги, сразу догадавшись, что было в этой газете. Список принятых опубликован! Голова у нее закружилась, а сердце больно забилося. Она была не в силах сделать и шага. Ей показалось, что прошел целый час, прежде чем Диана пролетела через переднюю, взвилась по лестнице и ворвалась в комнату, даже не постучав, — так велико было ее возбуждение.

— Аня, ты прошла! — закричала она. — Прошла *самая первая*... ты и Гилберт, оба... с одинаковыми баллами... но *твоя* фамилия первая! Ах, я так горжусь тобой.

Диана бросила газету на стол, а сама в изнеможении упала на Анину кровать; совершенно запыхавшаяся, она была не в силах говорить дальше. Аня зажгла лампу, рассыпав при этом весь коробок и израсходовав полдюжины спичек, прежде чем ее дрожащие руки смогли справиться с этой задачей. Наконец, она схватила газету. Да, она поступила — вот ее фамилия, в самом верху списка из двух сотен фамилий! Ради этой минуты стоило жить!

— Ты чудесно сдала, Аня, — тяжело дыша, вымолвила Диана, наконец оправившаяся настолько, что смогла сесть и заговорить. Аня же, с горящими от восторга глазами, не произнесла ни слова. — Папа только что привез газету из Брайт Ривер; еще и десяти минут не прошло... ее привезли вечерним поездом, а по почте она придет только завтра... и как только я увидела список, так сразу помчалась сюда как сумасшедшая. Вы все поступили, все без исключения! И Муди Спурджен... и все! Хотя он — условно по истории. Джейн и Руби тоже неплохо сдали, они в первой половине списка... и Чарли тоже. Джози еле прошла, у нее всего на три балла выше самого низкого. Но вот увидишь, она будет важничать, как будто оказалась первой. Мисс Стейси будет в восторге, правда? Ах, Аня, что чувствуешь, когда твое имя первое в списке принятых? Если бы я была на твоем месте, то сошла бы с ума от радости! Я даже сейчас почти без ума от счастья, а ты такая спокойная и холодная, как весенний вечер.

— У меня дух захватило! — сказала Аня. — Я хочу сказать сотню вещей и не могу найти слов. Я даже и не мечтала... нет, мечтала, но только один раз! Я позволила себе подумать *один-единственный* раз: "Что, если я буду первой?" — подумать с трепетом, потому что, ты понимаешь, это казалось таким тщеславием и самонадеянностью — предполагать, что я буду первой на острове. Подожди минутку, Диана. Я сбегаю в поле, скажу Мэтью. А потом мы пойдем по дороге и отнесем всем хорошие вести.

Они поспешили на луг за амбары, где Мэтью метал сено в стога. Там же у калитки миссис Линд беседовала с Мариллой.

— Ах, Мэтью, — воскликнула Аня, — я поступила, и я первая... или одна из первых! Я не хвастаюсь, но я так благодарна судьбе.

— Ну вот видишь, я всегда говорил, — сказал Мэтью, с восторгом всматриваясь в список. — Я знал, что ты их всех запросто заткнешь за пояс.

— Ты отлично себя показала, Аня! Нужно отдать тебе должное, — сказала Марилла, стараясь скрыть свою огромную гордость за Аню от критического взгляда миссис Линд. Но эта добрая душа отозвалась сердечно:

— Я тоже думаю, что Аня молодец, и не собираюсь медлить с похвалой. Ты делаешь честь своим друзьям, Аня, вот что я смажу, и мы все тобой гордимся.

В ту ночь Аня, которая завершила этот восхитительный вечер недолгой, но серьезной беседой с миссис Аллан в доме священника, блаженно опустилась на колени у открытого окна в ярком сиянии луны и прошептала молитву, исполненную благодарности и горячих пожеланий, которая изливалась прямо из сердца. В молитве той была благодарность за прошлое и смиренная просьба о будущем, и, когда она заснула на своей белой подушке, сны ее были такими светлыми, яркими и красивыми, каких только можно желать в девичестве.

Концерт в гостинице

— Н епременно надень свое белое кисейное платье, Аня, — настойчиво советовала Диана.

Обе они находились в Аниной комнатке в мезонине. На сад еще только начинали опускаться сумерки — прелестные желтовато-зеленые сумерки под ясным, безоблачным, лазурным небом. Над Лесом Призраков висела большая круглая луна, которая медленно разгоралась, постепенно сменяя свое бледное свечение на ослепительный серебряный блеск. Воздух был полон сладких звуков летнего вечера — щебета засыпающих птиц, шелеста капризных ветерков, доносящихся издали голосов и смеха. Но в Аниной комнате шторы были опущены и горела лампа, там были заняты важным делом — туалетом.

Комнатка в мезонине имела теперь совсем другой вид, чем четыре года назад, когда Аня почувствовала, что нагота стен пронимает ее своим негостеприимным холодом до глубины души. Постепенно сюда закрались перемены, и Марилла согласилась на них безропотно, так что наконец комнатка превратилась в настоящее гнездышко, милое и уютное, какого только может пожелать юная девушка.

Бархатный ковер в пунцовых розах и пунцовые шелковые шторы — давние Анины мечты — разумеется, не воплотились в жизнь. Но ее мечты менялись по мере того, как она росла, и скорее всего, она и не жалела о несбывшемся. Пол был покрыт красивой циновкой, а занавески, мягкими складками спускавшиеся с высокого окна и чуть колыхавшиеся от легких дуновений ветерка, были из бледно-зеленого муслина. Стены отнюдь не были увешаны гобеленами из золотой и серебряной парчи, но оклеены со вкусом подобранными обоями, на которых были изображены цветущие яблоневые ветки, и украшены несколькими хорошими картинами, подаренными Ане миссис Аллан. Почетное место в комнате занимала фотография мисс Стейси, перед которой Аня в знак своего глубокого чувства всегда ставила свежие цветы. В этот вечер букет белых лилий разливал по комнате чуть слышный запах, словно аромат мечты. Не было здесь и "мебели красного дерева", ее заменяли выкрашенный в белый цвет шкафчик с книжками, плетеное кресло-качалка с подушками, туалетный столик, покрытый белой муслиновой салфеткой с оборками, старинное зеркало в золоченой раме с нарисованными на его верхней части пухлыми розовыми купидонами и фиолетовыми виноградными кистями, прежде украшавшее комнату для гостей, и низкая белая кровать.

Аня собиралась на концерт, который должен был состояться в гостинице Уайт Сендс. Концерт устраивали отдыхающие с целью сбора средств для шарлоттаунской больницы. Для участия в нем были приглашены молодые таланты со всей округи. Берта Сампсон и Перл Клэй из баптистского хора Уайт Сендс были приглашены петь дуэтом, Милтон Кларк из Ньюбриджа должен был исполнить соло на скрипке, Уинни Блэр из Кармоди собиралась спеть шотландскую балладу, а Лаура Спенсер из Спенсерваля и Анна Ширли из Авонлеи были приглашены декламировать.

Как некогда выразилась Аня, это была "эпоха в ее жизни", и вся она трепетала от восторга и волнения. Мэтью был на седьмом небе от радости и гордости по поводу чести, которой удостоилась его Аня, да и Марилла не отставала от него, хотя скорее умерла бы, чем признала это, и твердила, что не считает приличным, чтобы столько молодежи толкалось в гостинице без всякого надзора со стороны кого-нибудь из старших.

Аня и Диана должны были ехать на концерт вместе с Джейн Эндрюс и ее братом Билли в их четырехместной коляске. На концерт ехали также еще несколько юношей и девушек из Авонлеи. Должны были прибыть многочисленные слушатели из города, а после концерта исполнителей ожидал ужин.

— Ты действительно думаешь, что кисейное будет лучше всего? — спросила Аня с тревогой. — Мне кажется, что оно не такое красивое, как мое голубое в цветочек из муслина, и уж конечно не такое модное.

— Но оно тебе гораздо больше идет, — заявила Диана. — Оно такое мягкое, легкое и хорошо облегает фигуру. Муслин жесткий, и у тебя в нем такой вид, будто ты нарочно

«вырядилась». А кисейное выглядит так, словно ты в нем и родилась.

Аня вздохнула и уступила. Диана благодаря замечательному вкусу начинала пользоваться репутацией знатока в вопросах одежды, и многие искали ее совета. Сама она в этот вечер выглядела прелестно в платье ярко-розового цвета — цвета, от которого Ане навсегда пришлось отказаться. Но Диана не принимала участия в концерте, а потому ее внешность имела гораздо меньше значения. Все ее старания были обращены на Аню, которая, как провозгласила Диана, должна была, к чести Авонлеи, быть одета и причесана с королевским вкусом.

— Вытяни эту оборку чуточку побольше... вот так; давай я завяжу пояс; теперь туфли. Я хочу заплести тебе две толстые косы, поднять их и перевязать посередине большими белыми бантами... нет, не выпускай этот локон на лоб... просто сделай мягкий пробор. Из причесок, какие ты делаешь, эта идет тебе больше всего, и миссис Аллан говорит, что с таким пробором ты выглядишь как мадонна. Эту маленькую розочку я приколю тебе над ухом. У меня на кусте была всего одна, и я берегла ее для тебя.

— Как ты думаешь, надеть мне на шею нитку жемчуга? — спросила Аня. — Мэтью привез ее мне из города на прошлой неделе. И я. знаю, ему было бы приятно увидеть, что я ее надела.

Диана выпятила губки, склонила свою черную головку набок с критическим видом и наконец высказалась в пользу жемчуга, который вследствие этого обвинил стройную молочно-белую Анину шейку.

— Есть что-то стильное в тебе, Аня, — сказала Диана с независтливым восхищением. — У тебя такая чудесная посадка головы. Я думаю, это из-за твоей фигуры. Я просто коротышка. Я всегда этого боялась, но теперь знаю, что такой и останусь. Ничего не подделаешь, придется с этим смириться.

— Но зато у тебя такие ямочки, — сказала Аня, глядя на хорошенькое оживленное лицо, склонившееся над ней, и любовно улыбаясь. — Прелестные ямочки, как углубления в креме. Я оставила всякие надежды когда-нибудь обрести ямочки. Моя мечта о них никогда не сбудется, но так много моих желаний исполнилось, что я не должна роптать... Ну, теперь я готова?

— Вполне готова, — заявила Диана. В эту минуту на пороге появилась Марилла, все та же сухопарая фигура с еще более седыми волосами и не менее угловатая, чем прежде, но с гораздо более мягким выражением лица. — Заходите и посмотрите на нашу чтицу, Марилла. Ну, не прелесть ли?

Марилла не то фыркнула, не то что-то проворчала.

— Выглядит она прилично и скромно. Мне нравится, когда она так причесана. Но боюсь, она испортит все платье, пока будет ехать: вечером и пыль, и роса. Да и слишком тонкое оно для таких сырых ночей, как сейчас. Кисея — самая непрактичная ткань на свете, и я это сказала Мэтью, когда он собирался ее покупать. Но теперь бесполезно ему что-нибудь говорить. Было время, когда он принимал мои советы, но теперь он покупает вещи для Ани, невзирая ни на что, и торговцы в Кармоди знают, что могут всучить ему что угодно; стоит только сказать, что вещь красивая и модная, и Мэтью, не задумываясь, выложит за нее деньги... Не испачкай подол о колеса, Аня, и надень теплый жакет.

Затем Марилла отправилась вниз, с гордостью думая, как прелестно выглядит Аня, и жалея, что сама не может поехать на концерт, чтобы послушать, как будет декламировать ее девочка.

— Боюсь, и в самом деле слишком сыро для моего платья, — сказала Аня с беспокойством.

— Ничутьточки, — отвечала Диана, поднимая штору. — Чудесный вечер, и не будет никакой росы. Смотри, какая луна.

— Я так рада, что мое окно выходит на восток, прямо на рассвет, — сказала Аня, подходя к Диане. — Чудесно, что каждое утро можно видеть, как солнце появляется из-за тех длинных холмов и сияет, разгораясь, через острые вершины елей. И каждое утро солнце

бывает какое-то новое, и я чувствую, словно душа моя купается в этом разливе первого утреннего солнца. Ах, Диана, я так люблю эту комнатку! Даже не знаю, как я смогу обойтись без нее, когда со следующего месяца перееду жить в город.

— Не говори сегодня об отъезде, — взмолилась Диана. — Не хочу об этом думать! Я чувствую себя от этого такой несчастной, а сегодня мне хочется хорошо провести вечер. Что ты будешь декламировать? Ты очень волнуешься?

— Ничуть. Я так часто выступала перед публикой, что уже не испытываю никакого беспокойства. Я решила прочесть "Обет девушки". Это такое трогательное стихотворение. Лаура Спенсер собирается читать что-то смешное, но я предпочитаю заставлять людей плакать, а не смеяться.

— А что ты прочтешь на бис?

— Они и не подумают вызывать меня на бис, — усмехнулась Аня, которая в глубине души лелеяла надежду, что ее все-таки вызовут, и уже видела в мечтах, как она рассказывает об этом Мэтью на следующее утро за завтраком. — Ах, вот уже Билли и Джейн едут... Я слышу стук колес. Пойдем!

Билли Эндрюс настаивал, чтобы Аня непременно села рядом с ним на переднем сиденье, поэтому она с неохотой, но уступила его просьбе. Она гораздо охотнее села бы сзади вместе с девочками, где могла бы смеяться и болтать сколько душе угодно. С Билли же не могло быть и речи о том, чтобы смеяться или болтать. Это был рослый, полный, крепкий двадцатилетний парень с круглым невыразительным лицом и в высшей степени досадным отсутствием дара поддерживать беседу. Но он безмерно восхищался Аней, и его распирало от гордости при мысли о перспективе подкатить к гостинице, имея рядом с собой эту прелестную, стройную и прямую фигурку.

Аня, повернувшись боком, ухитрилась болтать с девочками, а порой из вежливости обращалась и к Билли, который усмехался или похохатывал, но ни разу не сумел вовремя придумать, что сказать в ответ. Но вопреки всему, Аня сумела получить удовольствие от поездки. Это был вечер, предназначенный для удовольствий. На дороге было полно экипажей, направлявшихся к гостинице, и повсюду раздавался и эхом повторялся серебристый, ясный смех. Когда они подъехали к гостинице, все здание сверкало огнями. Их встретили дамы из комитета по организации концерта, одна из которых забрала Аню в исполнительскую уборную, где было полно членов шарлоттаунского симфонического клуба; и среди них Аня вдруг почувствовала себя неуверенной, испуганной и провинциальной. Платье ее, которое в комнатке в мезонине казалось таким красивым и элегантным, теперь выглядело простеньким и заурядным — слишком простым и заурядным, думала она — среди всех этих шелков и кружев, которые блестели и шелестели вокруг нее. Что была ее нитка жемчуга в сравнении с бриллиантами красивой величавой дамы, стоявшей рядом с ней? И какой убогой должна была выглядеть ее единственная крошечная розочка рядом со всеми этими великолепными оранжерейными цветами, украшавшими платья других дам! Аня сняла шляпу и жакет и, чувствуя себя несчастной, отступила в уголок. Как ей хотелось оказаться снова в белой комнатке Зеленых Мезонинов!

Еще хуже пришлось ей на эстраде большого концертного зала гостиницы, где она оказалась вслед за этим. Электрические лампы слепили глаза, запах духов и шум зала одурманивали. Ей гораздо больше хотелось сидеть среди публики рядом с Дианой и Джейн, которые, похоже, чудесно проводили время. Она оказалась стиснутой между полной дамой в розовых шелках и высокой девицей в белом кружевном платье и с презрительной миной на лице. Полная дама время от времени поворачивала голову и разглядывала Аню в лорнет, так что та, задетая за живое этим критическим исследованием, каждый раз чуть не вскрикивала. Все это время девица в белых кружевах довольно громко беседовала с другой своей соседкой о сидящих в зале "деревенских увальнях" и "сельских красотах" и с выражением скуки на лице высказывала предположения о том, как будет «забавно» послушать выступления объявленных в программе местных талантов. Аня почувствовала, что будет ненавидеть эту девицу в кружевах до конца своих дней.

К несчастью для Ани, случилось так, что остановившаяся в эти дни в гостинице профессиональная чтица тоже согласилась выступить на концерте. Это была стройная темноглазая женщина в чудесном платье из блестящей серой ткани, словно вытканной из лунных лучей, с драгоценными камнями на шее и в волосах. У нее был изумительно гибкий голос и необыкновенная сила выражения; ее выступление привело публику в бурный восторг. Аня со сверкающими глазами, совершенно забыв на это время о себе и своих тревогах, слушала ее с восхищением. Но когда чтица кончила, Аня закрыла лицо руками. Нет, она никогда не сможет выступить после этого... никогда! Да как она могла думать, что умеет декламировать? Ах, если бы только оказаться снова в Зеленых Мезонинах!

И в этот неудачный момент было объявлено ее выступление. Сама не зная как, Аня (она не заметила, как удивленно вздрогнула и виновато взглянула на нее девица в белых кружевах; но даже если бы и заметила, то не поняла бы тонкого комплимента, косвенно выразившегося в этой реакции) поднялась и неуверенно вышла вперед. Она была так бледна, что Диана и Джейн, сидя на своих местах в зрительном зале, схватились за руки в порыве сочувствия.

В эту минуту Аня была жертвой всеподавляющего приступа сценического волнения. Хотя она и часто выступала перед публикой, никогда прежде ей не случалось оказаться лицом к лицу с такой аудиторией, как в этом зале, и это зрелище повергло ее в полную беспомощность. Все было таким необычным, таким ослепительным, таким обескураживающим — эти ряды дам в вечерних туалетах, это критическое выражение лиц, вся эта атмосфера богатства и культуры. Это было так не похоже на простые деревянные скамьи дискуссионного клуба, где было полно знакомых, сочувственных лиц друзей и соседей. Эти люди, думала она, будут безжалостно судить ее. Может быть, они, как и та девица в белых кружевах, только и желают, что позабавиться ее «деревенскими» стараниями. Она почувствовала себя безнадежно и беспомощно пристыженной и несчастной. Колени ее дрожали, сердце трепетало, ее охватила ужасная слабость; она не могла произнести ни слова. Еще минута — и она убежала бы со сцены, несмотря на все унижение, которое, как она чувствовала, стало бы после этого ее вечным уделом.

Но неожиданно, когда ее широко раскрытые испуганные глаза пробежали по лицам слушателей, она заметила в глубине зала Гилберта Блайта, чуть наклонившегося вперед с улыбкой на лице — улыбкой, которая показалась Ане одновременно торжествующей и язвительной. На самом деле ничего подобного не было: Гилберт улыбался просто от удовольствия, ему нравился концерт; особенно же приятное впечатление произвела на него стройная белая фигурка и одухотворенное лицо Ани на фоне зеленых пальм в кадках. Джози Пай, с которой он приехал на концерт, сидела рядом с ним, и ее лицо действительно выражало и торжество, и насмешку. Но Аня не видела Джози, да, впрочем, не обратила бы на нее внимания, если бы и увидела. Она глубоко вздохнула, гордо вскинула голову и ощутила прилив смелости и решимости, пронзивший ее словно электрический ток. Она не осрамится перед Гилбертом Блайтом... Она не позволит ему насмехаться над ней, никогда, никогда! Страх и неуверенность мгновенно исчезли. Она начала читать; ее чистый, приятный голос достигал самых дальних уголков зала, не дрожа и не прерываясь. Самообладание полностью вернулось к ней, а вследствие сильной реакции, наступившей после ужасного момента бессилия, она декламировала так, как никогда прежде. Когда она кончила, зал взорвался бурей искренних аплодисментов. Аня, отступив на свое место и покраснев от робости и восторга, почувствовала, как полная дама в розовых шелках энергично сжимает ее руку.

— Моя дорогая, вы читали чудесно, — зашептала она. — Я плакала, как дитя, честное слово. Ах, слышите, кричат «бис»... Они непременно хотят, чтобы вы читали еще!

— Ах, я не могу, — сказала Аня смущенно. — Но... я должна, а то Мэтью будет разочарован. Он говорил, что меня вызовут на бис.

— Нельзя разочаровать Мэтью, — сказала дама в розовом, смеясь.

Улыбающаяся, раскрасневшаяся, с сияющими глазами, Аня легко и быстро вернулась на сцену и прочитала небольшой забавный монолог, окончательно покоров публику.

Оставшийся вечер, был настоящим Аниным триумфом.

Когда концерт завершился, полная дама в розовом, оказавшаяся женой какого-то американского миллионера, взяла Аню под свое крыло и представила всем знакомым, каждый из которых был очень любезен с ней. И профессиональная чтица, миссис Эванс, тоже подошла и долго беседовала с ней. Она сказала, что у Ани очаровательный голос и что она очень хорошо «интерпретировала» прочитанные произведения. Даже девица в белых кружевах сказала ей какой-то невыразительный комплимент. Ужинали они в большой, красиво убранной столовой. Диана и Джейн также были приглашены к столу, так как они приехали с Аней, но Билли нигде не смогли найти, он скрылся в смертельном страхе перед такой честью. Однако девочки нашли его возле экипажа, когда ужин окончился и они весело выбежали на улицу, залитую спокойным белым сиянием луны. Аня глубоко вздохнула и взглянула в ясное небо над темными вершинами елей.

Ах, как хорошо было опять оказаться среди чистоты и молчания ночи! Каким великим, неподвижным, чудесным было все вокруг! Слышался тихий ропот моря, а вдали темнели утесы, словно мрачные великаны, охраняющие заколдованный берег.

— Великолепный был вечер, правда? — вздохнула Джейн, когда экипаж тронулся в обратный путь. — Как я хотела бы быть богатой американкой, чтобы проводить лето в роскошной гостинице, носить драгоценности и платья с большим вырезом, есть мороженое и салат с цыпленком каждый божий день. Не сомневаюсь, это было бы гораздо веселее, чем учить детей в школе. Аня, ты читала просто великолепно! Хотя сначала я боялась, что ты и вовсе не начнешь. Мне кажется, что ты читала лучше, чем миссис Эванс.

— Ах, нет, не говори так, Джейн, — живо возразила Аня. — Это просто глупо! Я не могла читать лучше, чем миссис Эванс, ты ведь знаешь, она профессиональная чтица, а я всего лишь школьница с некоторыми способностями. И я вполне удовлетворена, если слушатели сочли, что я хорошо декламировала.

— У меня есть комплимент для тебя, Аня, — отозвалась Диана. — По крайней мере, я думаю, это должен быть комплимент, судя по тону, каким была сказана эта фраза. Или отчасти комплимент. Там был один американец, он сидел позади нас... такой романтического вида мужчина, с черными как смоль волосами и глазами. Джози Пай говорит, что он знаменитый художник и что кузина ее матери в Бостоне замужем за одним из его одноклассников. Так вот, мы слышали, как он сказал — помнишь, Джейн? — "Кто эта девушка на эстраде с такими чудесными тициановскими волосами? Я с удовольствием написал бы ее портрет". Представляешь, Аня? Но что это значит — "тициановские волосы"?

— В переводе на обычный язык — просто рыжие, — засмеялась Аня. — Тициан был великим художником и очень любил рисовать рыжих женщин.

— Видели все эти бриллианты, которые носят эти дамы? — вздохнула Джейн. — Они прямо-таки ослепляют! А вам хотелось бы быть богатыми, девочки?

— Мы и так богаты, — сказала Аня решительно. — Нам шестнадцать лет, и впереди целая жизнь, мы счастливы, как королевы, и у всех нас более или менее богатое воображение. Посмотрите только на море, девочки! Само серебро, и тени, и фантастические образы... Мы не могли бы лучше насладиться его прелестью, если бы даже имели миллионы долларов и бриллиантовые ожерелья. И сами вы не поменялись бы местами ни с одной из этих дам, если бы даже могли. Хотелось бы вам быть этой девицей в белых кружевах и всю жизнь ходить с таким кислым выражением, как будто вы родились, только чтобы задирать нос и презирать целый свет? Или этой дамой в розовом, которая, конечно, и добрая, и милая, но такая низенькая и толстая, что у нее совсем нет фигуры? Или даже миссис Эванс с таким печальным-печальным выражением глаз? Она, должно быть, иногда ужасно несчастна, раз у нее такой взгляд. Ты сама *знаешь*, Джейн, что не поменялась бы местами ни с одной из них!

— Ну... не знаю... — сказала Джейн неуверенно. — Я думаю, что бриллианты могут неплохо утешить человека.

— Нет, я не хочу быть никем, кроме себя самой, даже если на всю жизнь останусь без бриллиантового утешения, — объявила Аня. — Я вполне довольна тем, что я — Аня из

Зеленых Мезонинов со своей ниткой жемчуга. Я знаю, что Мэтью дал мне вместе с ней столько любви, сколько никогда не получала ее милость, дама в розовых шелках со своими бриллиантами.

Глава 34

Семинаристка

Следующие три недели в Зеленых Мезонинах кипела работа: Аня готовилась к отъезду в семинарию, и нужно было многое обсудить и устроить, многое сшить и собрать. Анин гардероб был красивым и разнообразным, об этом позаботился Мэтью, и на этот раз Марилла не высказывала никаких возражений, что бы он ни покупал. Более того... Однажды вечером она поднялась в комнатку в мезонине, держа в руках отрез тонкого бледно-зеленого материала.

— Аня, вот, это на легкое нарядное платье. Конечно, я не считаю, что оно так уж необходимо: у тебя полно красивых платьев; но я подумала, что, может быть, тебе хотелось бы иметь что-нибудь особенно нарядное, на случай если тебя в городе куда-нибудь пригласят, на вечеринку или что-нибудь в этом роде. Я слышала, что Джейн, Руби и Джози сшили "вечерние платья", как они выражаются, и я не хочу, чтобы ты от них отставала. На прошлой неделе я попросила миссис Аллан съездить со мной в город, чтобы помочь мне выбрать ткань, а шить отдадим Эмили Джиллис. У Эмили неплохой вкус, и в шитье с ней никто не сравнится.

— Ах, Марилла, ткань — просто прелесть! — воскликнула Аня. — Я так вам благодарна! Вы так добры ко мне, что от этого мне с каждым днем все труднее оторваться от дома.

Зеленое платье было сшито с таким количеством складочек, оборочек и сборочек, какое только позволял неплохой вкус Эмили. Однажды вечером, желая доставить удовольствие Мэтью и Марилле, Аня надела его и декламировала перед ними в кухне "Обет девушки". Глядя на прелестное оживленное лицо и грациозные движения Ани, Марилла в мыслях вернулась к тому вечеру, когда Аня впервые приехала в Зеленые Мезонины, и в памяти живо возник образ странного, испуганного ребенка в нелепом и тесном желтовато-коричневом платье из грубой ткани, с горьким разочарованием в глазах, полных слез. От этих воспоминаний у самой Мариллы слезы навернулись на глаза.

— Каково! Моя декламация заставила вас плакать, Марилла, — сказала Аня весело, склоняясь над Мариллой, чтобы запечатлеть легкий поцелуй на ее щеке. — Вот это можно назвать подлинным триумфом!

— Нет, я плакала не над тем, что ты читала, — сказала Марилла, которая сочла бы ниже своего достоинства поддаться такой слабости из-за какой-то "поэтической чепухи". — Я не могла не вспомнить, какой маленькой девочкой ты была, Аня. И мне захотелось, чтобы ты навсегда осталась маленькой девочкой, пусть даже со всеми твоими чудачествами. Теперь ты выросла и уезжаешь... Ты кажешься такой высокой и элегантной и такой... такой... совершенно другой в этом платье, как будто ты совсем не из Авонлеи... и мне от этого всего так грустно.

— Марилла! — Аня присела у колен Мариллы на краешек ее полосатого платья, обеими руками взяла ее морщинистое лицо и серьезно и нежно взглянула ей в глаза. — Я ничуть не изменилась... ничуть. Я только, как дерево, выросла и раскинула ветви. Мое настоящее Я... здесь, в глубине... осталось тем же самым. И таким и останется, куда бы я ни поехала и как бы сильно ни изменилась внешне; в душе я всегда буду вашей маленькой Аней, которая будет с каждым днем все глубже и сильнее любить вас, и Мэтью, и дорогие Зеленые Мезонины.

Аня прижалась своей свежей, юной щекой к морщинистой щеке Мариллы и протянула руку, чтобы погладить по плечу сидевшего рядом Мэтью. Многие бы дала Марилла в эту минуту, чтобы иметь Анину способность изливать чувства в словах; но натура и привычка

решили иначе — и она могла только обнять крепче свою девочку и нежно прижать ее к сердцу, желая, чтобы никогда не пришлось отпускать ее от себя.

Мэтью, с подозрительной влагой в глазах, встал и направился к двери. Там под звездами голубого летнего вечера он, взволнованный, прошел через двор к воротам и остановился под высокими тополями.

— Ну, думаю, мы ее не испортили, — бормотал он с гордостью. — Похоже, хоть я и вмешивался иногда, это не повредило. Она умная и хорошенькая, и к тому же добрая и любящая, и это-то лучше всего. Она стала для нас настоящим благословением, и не было счастливее ошибки, чем та, что сделала тогда миссис Спенсер... если это *была* ошибка... Не верю, что это была ошибка. Это было Провидение, потому что Всемогущий видел, что она нам нужна.

Наконец, наступил день Аниного отъезда. Чудесным сентябрьским утром они с Мэтью отправились в путь после слезного прощания с Дианой и сухого, делового — во всяком случае со стороны Мариллы — с Мариллой. Но когда Аня уехала, Диана осушила слезы и уехала со своими кузенами из Кармоди на пикник в Уайт Сендс, где ухитрилась совсем неплохо провести день; в то время как Марилла с отчаянной энергией принялась за совсем ненужную работу и занималась ею весь день, стараясь заглушить в себе самую горькую душевную боль — боль, которая жжет и гложет и которую не смоят легкие и быстрые слезы. Но ночью, когда Марилла легла спать с тяжким и болезненным сознанием, что маленькую комнатку в мезонине уже не согревает присутствие яркой юной жизни и не оживляет ровное спокойное дыхание, она зарылась лицом в подушку и так горько зарыдала о своей девочке, что потом, когда достаточно успокоилась, сама ужаснулась этому, подумав, как, должно быть, нехорошо так «расстраиваться» из-за одного грешного человеческого существа.

Аня и остальные авонлейские ученики приехали в город как раз вовремя, чтобы успеть к началу занятий в семинарии. Первый день прошел довольно приятно в водовороте новых впечатлений: встречи с новыми учениками, первое знакомство с преподавателями, распределение по классам. По совету мисс Стейси Аня намеревалась начать сразу со второго курса; Гилберт Блайт принял такое же решение. Это означало получить учительскую лицензию первой категории за один год учебы вместо двух, но вместе с тем требовало и гораздо более упорной работы. Джейн, Руби, Джози, Чарли и Муди Спурджен, не волнуемые высшими амбициями, решили удовольствоваться лицензией второй категории. Аня ощутила острую боль одиночества, когда оказалась в зале среди пятидесяти других студентов, ни одного из которых не знала, за исключением высокого темноволосого юноши, сидевшего поодаль от нее. Но это знакомство в том виде, в каком оно существовало, немногим могло ей помочь, как подумала она с пессимизмом. Но, несмотря на это, она, вне всякого сомнения, была довольна, что они с Гилбертом оказались в одном классе. Можно было продолжить старое соперничество, и Аня едва ли знала бы, что ей делать, если бы этот стимул к труду исчез. "Мне очень бы этого не хватало, — подумала она. — Гилберт, кажется, настроен ужасно решительно. Я думаю, он намерен добиться медали. Какой у него замечательный подбородок! Я никогда прежде не обращала внимания. Вот было бы хорошо, если бы Джейн и Руби были со мной в одном классе. Надеюсь, все же я не буду чувствовать себя как кошка на чужом чердаке, когда начну знакомиться с другими. Интересно, которая из этих девочек станет моей подругой? Попробую угадать! Конечно, я обещала Диане, что ни одна, даже самая милая, девочка в семинарии никогда не станет мне так дорога, как она; но я вполне могу одарить других привязанностью второго сорта. Мне нравится эта девочка с карими глазами в темно-красном платье. Она очень бойкая, как кажется. И такая румяная! Потом вот эта — бледная, беленькая, которая смотрит в окно. У нее прелестные волосы. И похоже, что она мечтательница. Я хотела бы познакомиться с обеими... близко познакомиться... так близко, чтобы ходить с ними, обнявшись за талию, и называть их уменьшительными именами. Но пока я не знаю их, а они меня, и кажется, не особенно хотят со мной познакомиться. Ах, как мне одиноко!"

Еще более одиноко и тоскливо стало Ане, в сумерки она оказалась в своей спальне. В пансионе, где ей пришлось жить, не было других девочек из семинарии; у всех у них были родственники в городе, которые могли сжалиться над ними. Мисс Джозефина Барри охотно поселила бы Аню у себя, но Бичвуд был так далеко от семинарии, что об этом не могло быть и речи; поэтому мисс Барри отыскала пансион, который, как она заверила Мэтью и Мариллу, был самым подходящим местом для Ани.

— Дама, которая его содержит, — обедневшая вдова британского офицера, — объяснила мисс Барри, — и она очень внимательно подходит к выбору жильцов для своего пансиона. Под ее крышей Ане не грозит оказаться в неподходящем обществе. Питание хорошее, да и дом близко к семинарии, в тихом квартале.

Все это могло быть сущей правдой и таковой оказалось в действительности, но это ничуть не помогло Ане, когда ею овладел первый мучительный приступ тоски по дому. Она уныло оглядела свою тесную маленькую комнатку, оклеенную блеклыми обоями, без единой картинки, с узкой железной кроватью и пустым книжным шкафом. И ужасная тоска стиснула ей горло, когда она вспомнила о своей белой комнатке в Зеленых Мезонинах, где у нее было приятное сознание, что за стеной — спокойная и величавая зелень сада, сладкий запах душистого горошка, лунный свет, озаряющий сад, ручей у подножия холма, кроны сосен, покачиваемые ночным ветерком, огромное усыпанное звездами небо и огонек из окна Дианы, пробирающийся в просветах между деревьями. Здесь ничего этого не было. Аня знала, что за окном — мощеная улица, а над ней сеть телефонных проводов, заслоняющих небо, звук чужих шагов по тротуару и тысячи огней, падающих на незнакомые лица. Она знала, что сейчас заплачет, и пыталась с этим бороться.

"Я не заплачу. Это глупо... и малодушно... Вот уже третья слеза упала мне на нос. И еще набегают! Нужно подумать о чем-нибудь смешном, чтобы их остановить. Но нет ничего смешного, что не было бы связано с Авонлеей, а от этого только хуже... четыре... пять... Я поеду домой в следующую пятницу, но кажется, что это будет через сто лет. Ах, Мэтью скоро уже вернется с поля... и Марилла стоит у ворот, высматривает его на дорожке... шесть... семь... восемь, ах, бесполезно считать! Они уже текут ручьем. Я не могу бодриться... я не хочу бодриться. Уж лучше выплакаться!"

За этим несомненно последовал бы поток слез, если бы в этот момент не появилась Джози Пай. От радости, что видит знакомое лицо, Аня забыла, что между ней и Джози никогда не было особой любви. Как часть авонлейской жизни даже Джози Пай была желанной гостьей.

— Я так рада, что ты зашла, — сказала Аня искренне.

— Ревела! — заметила Джози с раздражающей жалостью. — Наверное, тоскуешь по своим... У некоторых очень мало самообладания в этом отношении. Но уж я-то, могу тебя заверить, не собираюсь скучать по дому. В городе гораздо веселее, чем в этой захолустной старой Авонлее. Удивляюсь, как я вообще могла там так долго выдержать. Тебе нельзя плакать, Аня! Будешь плохо выглядеть: и нос и глаза сделаются красными, и тогда ты уже *вся* окажешься красной... Я потрясающе провела сегодня время в семинарии. Наш преподаватель французского — просто душа. У него та-а-кие усы!.. У тебя нет чего-нибудь перекусить? Я буквально умираю с голоду. О, воображаю, каким количеством сладких пирожков тебя снабдила Марилла! Именно поэтому я и зашла. Иначе я пошла бы в парк с Фрэнком Стокли послушать оркестр. Он живет в одном пансионе со мной, и он парень что надо. Он сегодня заметил тебя в семинарии и спросил, кто эта рыженькая. Я сказала ему, что ты сирота, и тебя взяли на воспитание Касберты, и никто ничего не знает, кем ты там была до этого.

Аня уже спрашивала себя, не были ли одиночество и слезы приятнее, чем общество Джози Пай, когда появились Джейн и Руби. Обе с гордостью приколотили к своим жакетам ленточки с цветами семинарии — алым и фиолетовым. Так как Джози "не разговаривала" с Джейн в этот период, ей пришлось умолкнуть, и это сделало ее сравнительно безвредной.

— Ну, — сказала Джейн со вздохом, — у меня такое чувство, будто я прожила уже

несколько месяцев с этого утра. Я должна бы сейчас сидеть дома и зубрить своего Вергилия...¹⁶ этот противный старик профессор задал нам уже к следующему уроку выучить двадцать строк. Но я просто не могу сесть за уроки в этот вечер. Аня, мне кажется, я вижу следы слез. Если ты плакала, прошу, признайся откровенно. Это поможет мне вернуть самоуважение, потому что я тоже заливалась слезами, пока не пришла Руби. Не так неприятно оказаться глупышкой, если кто-то другой ничуть не лучше. Пирожок! Дай кусочек. Спасибо. Пахнет Авонлеей!

Руби, заметив на столе учебную программу семинарии, пожелала узнать, будет ли Аня стремиться к золотой медали.

Аня покраснела и призналась, что думает об этом.

— Да, кстати, — вставила Джози, — семинария все-таки получает в этом году одну стипендию Авери... Сегодня стало известно. Мне сказал Фрэнк Стокли... его дядя один из членов правления — слышали, наверное? Завтра об этом объявят в семинарии.

Стипендия Авери! Аня почувствовала, что сердце забилося сильнее; горизонты ее честолюбивых желаний раздвинулись, словно по волшебству. Прежде чем Джози объявила об этой новости, пределом Аниных желаний было получить в конце года учительскую лицензию первой категории и, быть может, золотую медаль. Но теперь, не успели еще отзвучать слова Джози, Аня в одно мгновение представила, как добывается стипендия Авери, поступает на гуманитарное отделение Редмондского университета и в торжественной обстановке, одетая в мантию и академическую шапочку, получает диплом бакалавра. Стипендию Авери присуждали за курс английского языка и литературы, а Аня чувствовала, что здесь под ногами у нее будет твердая почва.

Авери, богатый промышленник из Нью-Брансуика, умирая, завещал часть своего состояния на предоставление большого числа стипендий, которые должны были распределяться между средними школами и семинариями приморских провинций. Было немало сомнений, предоставят ли такую стипендию семинарии в Шарлоттауне, но в конце концов решение оказалось благоприятным, и в конце года выпускник, показавший наилучшие результаты по английскому языку и литературе, должен был получить стипендию, составлявшую двести пятьдесят долларов ежегодно в течение четырех лет обучения в Редмондском университете. Неудивительно, что в эту ночь Аня пошла спать с пылающими щеками.

"Я добьюсь этой стипендии, если это зависит от упорной работы, — решила она. — Как будет горд Мэтью, если я стану бакалавром гуманитарных наук! Ах, это восхитительно — иметь такие высокие цели! Я так рада, что у меня их много! И кажется, что им никогда не будет конца — и это самое замечательное. Как только достигаешь одной заветной цели, уже видишь другую, которая стоит еще выше и сверкает еще ярче. Именно это и делает жизнь такой интересной".

Глава 35

Зима в семинарии

А нина тоска по Авонлее прошла, чему во многом способствовало то, что каждую субботу и воскресенье она проводила дома. Пока еще держалась мягкая погода, все семинаристы, чьи семьи жили в Авонлее, каждую пятницу вечером отправлялись в Кармоди по новой железнодорожной ветке. Диана и еще несколько человек из авонлейской молодежи обычно встречали их на станции, и все вместе веселой гурьбой они пешком шли в Авонлею. Аня считала эту еженедельную вечернюю прогулку на чудесном бодрящем воздухе по дороге, ведущей через окрашенные осенью холмы к приветливо мигающим вдали огонькам Авонлеи, самым приятным и дорогим событием каждой недели.

---

¹⁶ Вергилий (70–19 гг. до н. в.) — знаменитый римский поэт, автор "Энеиды".

Гилберт Блайт почти всегда сопровождал Руби Джиллис и нес ее сумку. Руби превратилась в очень красивую девушку, считавшую себя совершенно взрослой, какой она, впрочем, и была на самом деле. Она носила такие длинные юбки, какие только позволяла ей мать, и в городе делала высокую прическу, хотя, возвращаясь домой, все же была вынуждена заплетать косы. У нее были большие ярко-голубые глаза, яркий румянец и эффектная фигура с округлыми формами. Она много смеялась, была веселой и добродушной и всей душой предавалась радостям жизни.

— Никак не думала, что она из тех девушек, какие могут нравиться Гилберту, — шепнула Джейн Ане. Аня была того же мнения, но не сказала бы этого вслух даже ценой стипендии Авери. Она не могла не думать о том, как было бы приятно иметь такого друга, как Гилберт, с которым можно было бы шутить и болтать, обмениваться мыслями о прочитанных книжках, об учебе, о намеченных в жизни целях. У Гилберта были эти цели, она хорошо знала об этом. А Руби Джиллис не казалась тем человеком, с которым можно серьезно и с пользой обсуждать такие вопросы.

В Аниных мыслях о Гилберте не было никакой глупой сентиментальности. Думая о мальчиках, если она вообще о них думала, она видела в них только возможных хороших товарищей. Если бы они с Гилбертом были друзьями, ее ничуть не волновало бы, сколько еще друзей есть у него или кого он провожает домой. Она обладала особым даром привлекать к себе других, и подружек у нее было множество, но вместе с тем она смутно сознавала, что мужская дружба может также принести пользу, позволив ощутить всю полноту чувства товарищества, и сформировать более широкий взгляд на мир путем сравнения суждений и мнений. Не то чтобы Аня могла так ясно сформулировать свои чувства; она просто думала, что, если бы Гилберт когда-нибудь прошел вместе с ней со станции по широким полям и поросшим папоротниками тропинкам, они могли бы о многом весело и интересно поговорить: о новом мире, открывавшемся перед ними, о надеждах на будущее, о мечтах. Гилберт был умным юношей, со своим собственным взглядом на мир и решимостью получить от жизни то, что есть в ней наилучшего, и отдать ей взамен лучшую часть своего существа. Руби Джиллис признавалась Джейн Эндрюс, что не понимает и половины всех речей Гилберта Блайта. Он говорит совсем как Аня Ширли, когда у нее такой глубокомысленный вид, сама же она, Руби, не видит ничего приятного в том, чтобы думать о книжках и прочем в том же роде, если никто не заставляет. С Фрэнком Стокли гораздо веселее и интереснее, но зато он не такой красивый, как Гилберт, и она, право же, не может решить, кто из них ей больше нравится!

Тем временем в семинарии вокруг Ани постепенно сложился маленький кружок друзей, вдумчивых, с богатым воображением, честолюбивых, как она сама. С «румяной» Стеллой Мэйнард и «мечтательницей» Присиллой Грант она скоро близко познакомилась и подружилась, обнаружив, что бледная, с одухотворенным лицом Присилла обладает неисчерпаемой склонностью к шуткам, озорству и веселью, а живая, черноглазая Стелла лелеет в душе печальные мечты и фантазии, столь же эфирные и радужные, как Анины собственные.

После рождественских каникул семинаристы из Авонлеи перестали ездить домой по пятницам и серьезно взялись за работу. К этому времени все семинаристы уже тяготели к своему собственному, вполне определенному положению в студенческих рядах, а возникшие среди них группы обрели отчетливые и закрепившиеся особенности. Определенные факты стали единодушно признаны и приняты, так, например, все были согласны, что число оспаривающих золотую медаль сократилось до трех человек — Гилберта Блайта, Ани Ширли и Льюиса Уилсона; что же до стипендии Авери, здесь было больше сомнений, и возможных победителей насчитывалось шестеро. Бронзовая медаль по математике считалась фактически завоеванной смешным, толстым и маленьким деревенским юношей с выпуклым лбом и в залатанном пальто.

Руби Джиллис считалась в тот год самой красивой девушкой в семинарии. Среди студентов второго курса пальма первенства за красоту была отдана Стелле Мэйнард, при

незначительном, но весьма критически настроенном меньшинстве, склонявшемся в пользу Ани Ширли. Этель Марр отличалась, как было признано всеми компетентными судьями, самой элегантной и модной прической, а Джейн Эндрюс, скромная, трудолюбивая, добросовестная Джейн, стяжала лавры в сфере домоводства. Даже Джози Пай добилаь определенного превосходства в качестве самой злой на язык семинаристки. Так что можно было явно констатировать, что бывшие ученики мисс Стейси отличились и на более широкой арене академической жизни.

Аня трудилась усердно и систематично. Ее соперничество с Гилбертом было таким же напряженным, как в свое время в авонлейской школе, хотя на курсе об этом не было известно. Однако оно во многом утратило прежнюю ожесточенность. Теперь Аня больше не желала победить только ради того, чтобы нанести поражение Гилберту; скорее, она стремилась к этому ради гордого сознания честно одержанной победы над достойным противником. Победа стоила того, чтобы к ней стремиться, но теперь Аня уже не считала, что в случае поражения жизнь окажется невыносимой.

Несмотря на учебу, семинаристы находили время и возможности для развлечений. Много свободных часов Аня провела в Бичвуде, где по воскресеньям обычно обедала и ходила в церковь с мисс Барри. Последняя, как сама признавала, старела, но ее черные глаза не потускнели и на язык она осталась все так же остра. Впрочем, она никогда не оттачивала его об Аню, которая продолжала оставаться любимицей придирчивой старой дамы.

— Эта девочка Аня становится все лучше с каждым днем, — говорила она. — Я устаю от других девочек, они все так раздражающе и нескончаемо однообразны. А у Ани столько же красок, сколько цветов в радуге, и каждая из них кажется самой красивой, пока ею любуешься. Не думаю, что Аня такая же забавная, как в детстве, но ее невозможно не любить, а мне нравятся те, кого невозможно не любить. Это избавляет от множества хлопот в попытке заставить себя любить их.

А потом, прежде чем кто-либо это осознал, пришла весна. Там в деревне, в Авонлее, из-под сухих трав, все еще покрытых снегом, выглянули розовые перелески, а леса и долины окутала зеленая дымка молодой листвы. Но в Шарлоттауне усталые семинаристы думали и говорили только об экзаменах.

— Мне даже не верится, что учебный год почти кончился, — сказала Аня. — Прошлой осенью казалось, что еще много времени впереди — целая зима учебы. И вот на следующей неделе уже экзамены. Знаете, девочки, иногда мне кажется, что эти экзамены для меня самое главное в жизни, но, когда я смотрю на набухшие почки каштанов и легкую голубую дымку в конце каждой улицы, экзамены не кажутся мне такими уж важными.

Джейн, Руби и Джози, забежавшие на минутку к Ане, не разделяли ее взглядов. Для них приближающиеся экзамены неизменно оставались самым важным... гораздо важнее, чем почки на каштанах или майская дымка. Хорошо было рассуждать Ане, которая могла быть уверена, что уж лицензию-то она получит обязательно! Она могла позволить себе порой умалять значение экзаменов. Но когда от удачи зависит все ваше будущее — как искренне думали девочки, не совсем уверенные в своих знаниях, — вы не можете смотреть на этот вопрос философски.

— Я похудела на семь фунтов за последние две недели, — вздохнула Джейн. — И бесполезно говорить: "Не волнуйся!" Я даже хочу волноваться, это отчасти помогает... Когда волнуешься, кажется, что что-то делаешь. Было бы ужасно не получить лицензию, после того как всю зиму проучилась в семинарии и ввела родителей в такие расходы.

— Ну, мне-то все равно, — заметила Джози. — Если не получу лицензию в этом году, буду ходить в семинарию еще год. Мой отец может себе позволить учить меня и дальше. Аня, Фрэнк Стокли слышал, как профессор Тремен сказал, что Гилберт Блайт наверняка получит медаль и что стипендии Авери, скорее всего, добьется Эмили Клэй.

— Это может огорчить меня завтра, Джози, — засмеялась Аня. — Но сейчас я, честное слово, чувствую, что, пока фиалки цветут в долине у Зеленых Мезонинов, а маленькие папоротники поднимают головки вдоль Тропинки Влюбленных, для меня мало разницы,

получу я стипендию Авери или нет. Я старалась изо всех сил и начинаю понимать, что означает выражение "радость борьбы". Самое прекрасное — бороться и победить, но немногим хуже — бороться и проиграть в благородной борьбе... Девочки, не говорите об экзаменах! Взгляните на этот свод бледно-зеленого неба над домами и вообразите, как оно, должно быть, чудесно выглядит над темно-пурпурными буковыми лесами за Авонлеей!

— Что ты наденешь на вручение дипломов, Джейн? — спросила Руби, глядя на дело с практической точки зрения.

Джейн и Джози одновременно поспешили с ответом, беседу отнесло и затянуло в водоворот моды. Но Аня, оперев локти о подоконник и прислонившись щекой к сцепленным кистям рук, с глазами полными мечты, не слушая разговора подружек, смотрела вверх городских крыш и шпилей в величественный свод закатного неба и сплетала свои мечты о будущем из золотой пряжи оптимизма юности. Все дали принадлежали ей вместе со всеми манящими радужными перспективами предстоящих лет — и каждый год вплетал еще одну заманчивую розу в неувядаемый венок.

Глава 36

Слава и мечты

В то утро, когда на доске объявлений в семинарии должны были вывесить окончательные результаты экзаменов, Аня и Джейн шагали рядом по улице. Джейн счастливо улыбалась; экзамены были позади, и у нее была приятная уверенность, что она сдала и получит лицензию; никакие иные соображения ее не волновали; у нее не было высших амбиций, а потому она и не была подвержена сопутствующему им беспокойству. Ибо мы платим за все, чего добиваемся и что получаем в этом мире; и хотя амбиции вполне заслуживают того, чтобы их иметь, удовлетворение их обходится недешево и платить за них приходится трудом, самоотречением, а порой тревогой и унынием. Аня была бледной и молчаливой; через десять минут она будет знать, кто получил медаль, а кто — стипендию Авери. За пределами этих десяти минут, как ей казалось, не было ничего, что заслуживало бы названия Времени.

— Как бы то ни было, одну из наград ты конечно же получишь, — сказала Джейн, которая не могла вообразить, как академическое правление могло бы оказаться настолько несправедливым, чтобы принять иное решение.

— Я уже не надеюсь на стипендию, — сказала Аня. — Все твердят, что ее получит Эмили Клэй, Я не хочу подходить к доске объявлений и разглядывать список у всех на виду. У меня не хватает силы духа. Я пойду прямо в женскую раздевалку. Ты прочитай объявления, Джейн, а потом придешь и мне скажешь. И я умоляю тебя во имя нашей давней дружбы, постарайся как можно скорее. Если я потерпела неудачу, прямо так и скажи, не старайся смягчить удар; и что бы ни случилось, не утешай меня. Обещай мне это, Джейн.

Джейн торжественно пообещала; но, как оказалось, в таком обещании не было нужды. Поднявшись по ступеням и войдя в семинарию, они увидели, что зал был полон мальчиков, которые качали Гилберта Блайта и вопили во весь голос:

— Ура! Блайт — медалист!

На мгновение Аня ощутила острую боль поражения и разочарования. Итак, она проиграла. Победил Гилберт! Да... Мэтью расстроится... он был так уверен в ее успехе.

И вдруг!

Кто-то закричал:

— Троекратное ура в честь мисс Ширли, стипендиатки Авери!

— Ах, Аня! — задыхаясь от волнения, воскликнула Джейн, когда они добрались до женской раздевалки среди громогласных приветственных криков. — Ах, Аня, я так тобой горжусь! Замечательно!

Затем их окружили девочки, и Аня оказалась в центре веселой группы поздравляющих. Ее похлопывали по плечу, ей пожимали руки, ее тянули, толкали и обнимали, и среди всего

этого она успела шепнуть Джейн:

— Ах, как будут рады Мэтью и Марилла! Я должна сейчас же написать домой.

Вручение дипломов и наград стало следующим важным событием. Проходило оно в большом актовом зале семинарии. Здесь произносили речи, читали лучшие работы, пели песни, вручали дипломы, призы, медали. Были в зале и Мэтью с Мариллой, которые слышали и видели лишь одну выпускницу на сцене — высокую девушку в бледно-зеленом платье, с чуть покрасневшими щеками и сияющими, как звезды, глазами, которая прочитала лучшее сочинение. В публике на нее указывали и шептали, что это она получила стипендию Авери.

— Признайся, Марилла, ты рада, что мы оставили ее у себя? — шепнул Мэтью, когда Аня кончила читать свое сочинение. Это были первые его слова с того момента, как он вошел в зал.

— Да я уже не первый раз этому рада, — отвечала Марилла. — Как ты любишь напоминать о чужих ошибках, Мэтью!

Мисс Барри, сидевшая позади них, наклонилась вперед и коснулась зонтиком плеча Мариллы.

— Вы гордитесь девочкой Аней? Я очень горжусь! — сказала она.

В тот же вечер Аня вернулась в Авонлею вместе с Мэтью и Мариллой. Она не была дома с апреля и чувствовала, что не может ждать больше ни дня. Яблони стояли в цвету, и весь мир был свежим и юным. Диана ожидала ее в Зеленых Мезонинах. В своей белой комнатке, где Марилла поставила на подоконник цветущую комнатную розу, Аня оглянулась вокруг и вздохнула со счастливым чувством:

— Ах, Диана, так хорошо снова быть дома! Так мило увидеть эти островерхие ели на фоне розового неба... и белый сад, и старую Снежную Королеву! Как чудесно пахнет мятой! И эта чайная роза... ах, это и песня, и надежда, и молитва — все вместе, И как хорошо снова быть с тобой, Диана!

— Я думала, ты предпочитаешь Стеллу Мэйнард, — сказала Диана с упреком. — Мне Джози Пай говорила. Джози сказала, что ты по ней *с ума сходила*.

Аня засмеялась и бросила в Диану увядшим ландышем из своего букетика.

— Стелла Мэйнард — самая милая девочка на свете, кроме одной, и эта одна — ты, Диана, — сказала она. — Я люблю тебя еще сильнее, чем прежде... и мне так много нужно тебе рассказать! Но в эту минуту мне кажется, что и так уже счастье — сидеть здесь и просто смотреть на тебя. Я устала... устала, мне кажется, от учебы и своих честолюбивых желаний. Я хочу завтра провести, по меньшей мере, два часа, лежа в саду на траве и совершенно ни о чем не думая.

— Какого успеха ты добилась, Аня! Я думаю, что ты не станешь работать в школе теперь, когда получила стипендию Авери?

— Конечно. В сентябре я собираюсь в Редмонд. Просто чудо, правда? К тому времени после трех великолепных месяцев золотой свободы у меня будет наготове совершенно новый запас амбиций... Джейн и Руби станут учительницами. Разве не замечательно, что все мы успешно кончили, даже Муди Спурджен и Джози?

— Попечительский совет в Ньюбридже уже предложил Джейн место в их школе, — сказала Диана. — Гилберт Блайт тоже собирается преподавать. У него нет другого выхода. Отец не в состоянии оплатить его учебу в университете в следующем году, так что Гилберту придется самому заработать на учебу. Я думаю, его возьмут учителем в нашу школу, если мисс Эймс решит уйти.

У Ани возникло чувство легкого разочарования. Она не знала о затруднениях Гилберта и предполагала, что он тоже собирается в Редмондский университет. Что же будет она делать без этого вдохновляющего соперничества? Не окажется ли учеба, пусть даже в колледже с совместным обучением и с перспективой получения степени бакалавра, довольно скучной и однообразной без ее привычного друга-врага?

На следующее утро за завтраком Аню неожиданно поразило, что Мэтью не очень

хорошо выглядит, С прошлого года он заметно поседел.

— Марилла, — спросила Аня нерешительно, когда он вышел, — Мэтью здоров?

— Нет, — ответила Марилла озабоченно. — У него было несколько тяжелых сердечных приступов этой весной, а он не желает себя ничуть побережь. Я очень за него волновалась, но сейчас ему лучше, и к тому же мы наняли хорошего батрака, так что, я надеюсь, Мэтью отдохнет и поправится. Может быть, дело пойдет лучше теперь, когда ты дома. Ты всегда умела поддержать в нем бодрость.

Аня перегнулась через стол и взяла лицо Мариллы в свои ладони:

— Вы тоже выглядите не так хорошо, как мне хотелось бы, Марилла. Вы кажетесь такой усталой! Боюсь, вы слишком много работаете. Теперь, когда я дома, вы должны отдохнуть. Только один сегодняшний день я хочу потратить на то, чтобы посетить все дорогие старые уголки и пробудить в себе прежние чувства и мечты, а потом будет ваш черед лениться, а я возьмусь за работу.

Марилла с любовью улыбнулась своей девочке:

— Это не из-за работы... это моя голова виновата. У меня теперь так часто головные боли... вот здесь — за глазами. Доктор Спенсер не раз менял мне стекла в очках, но они мне совсем не помогают. В конце июня к нам на остров приезжает какой-то известный окулист, и доктор настаивает, чтобы я к нему обратилась. Думаю, что так и придется поступить. Я теперь не могу ни читать, ни шить нормально... Ну, Аня, должна я сказать, отлично ты себя показала в семинарии! Получить лицензию первой категории за один год, да еще и стипендию Авери! Конечно, миссис Линд говорит, что после каждого успеха приходит неудача; к тому же она вообще не признает высшего образования для женщин. Она говорит, что образование уводит женщин в сторону от их подлинного призвания. Но я этому ничуть не верю. Да, заговорила вот о Рейчел и вспомнила... Ты слышала в последнее время что-нибудь о банке Эбби, Аня?

— Я слышала, что он ненадежен, — ответила Аня. — А что?

— Об этом и Рейчел говорила. Она заходила к нам на прошлой неделе и сказала, что об этом поговаривают. Мэтью очень встревожился. Все наши сбережения в этом банке... до единого пенни. Я сначала хотела, чтобы Мэтью положил их в сберегательный банк, но старый мистер Эбби был добрым другом нашего отца, и отец всегда держал деньги в его банке. Мэтью говорил, что любому банку, во главе которого стоит мистер Эбби, можно спокойно довериться.

— Мне кажется, он уже много лет возглавляет банк только формально, — сказала Аня. — Он очень стар. А всеми делами заправляют его племянники.

— Ну и вот, когда Рейчел нам сказала об этом, я захотела, чтобы Мэтью сразу забрал наш вклад, и он обещал подумать. Но вчера мистер Рассел заверил его, что с банком все в порядке.

Аня провела на лоне природы чудесный день, который навсегда остался в ее памяти. Он был таким ясным, золотым и счастливым. Ни одна тучка не бросала тень на цветы и деревья. Аня провела несколько чудесных часов в саду, ходила к Ключу Дриад и Плачу Ив, в Долину Фиалок. Заглянула она и в дом священника, где с удовольствием побеседовала с миссис Аллан, и, наконец, вечером пошла с Мэтью за коровами по Тропинке Влюбленных. Леса купались в лучах заходящего солнца, струившего свое тепло через просветы между холмами на западе. Мэтью шел медленно, склонив голову. Аня, высокая и прямая, подстраивала свои пружинистые шаги к его походке.

— Вы слишком много работали сегодня, Мэтью, — сказала она с мягким упреком. — Почему бы не дать себе отдохнуть?

— Ну... кажется, я не могу, — сказал Мэтью, открывая ворота двора, чтобы впустить коров. — Просто я старею, Аня, и все время об этом забываю. Ну что ж, я всегда работал много и умру, наверное, тоже за работой.

— Если бы я была мальчиком, о котором вы тогда просили миссис Спенсер, — сказала Аня печально, — я могла бы помогать вам теперь во многом и облегчить вашу жизнь. Из-за

этого где-то в глубине души я жалею, что не оказалась мальчиком... только из-за этого.

— Для меня, Аня, ты лучше, чем дюжина мальчиков, — сказал Мэтью, похлопав ее по руке. — Заметь — лучше дюжины мальчиков. Вот ведь не мальчик получил стипендию Авери, правда? А получила ее девочка... моя девочка... моя девочка, которой я горжусь.

И, входя во двор, он улыбнулся ей своей обычной застенчивой улыбкой. Аня думала об этой улыбке, когда ушла в тот вечер в свою комнату и долго сидела там у открытого окна, думая о прошлом и мечтая о будущем. Под окном смутно вырисовывалась в свете луны белая Снежная Королева; лягушки распевали на болоте позади Садового Склона. Аня навсегда запомнила серебристую, мирную красоту и душистый покой той ночи. Это была последняя ночь перед тем, как горе коснулось ее жизни; а никакая жизнь больше никогда не будет той же самой, если однажды его холодное священное прикосновение легло на нее.

Глава 37

Жнец, чье имя Смерть

— Мэтью... Мэтью... что случилось? Мэтью, тебе плохо? — восклицала Марилла, и тревога звучала в каждом отрывистом слове.

Как раз в этот момент Аня вошла в переднюю с букетом белых нарциссов — много времени прошло, прежде чем она опять смогла полюбить вид и запах этих цветов, — и услышала испуганный голос Мариллы и увидела Мэтью, стоящего на пороге со свернутой газетой в руке и странно искаженным, посеревшим лицом. Аня бросила цветы и подскочила к нему одновременно с Мариллой. Но было уже поздно; прежде чем они успели подхватить его, Мэтью упал на пороге.

— У него обморок! — задыхаясь, воскликнула Марилла. — Аня, беги за Мартином! Скорее! Он в коровнике!

Мартин, батрак, который только что вернулся с почты, сразу же бросился за доктором, по пути сообщив о случившемся мистеру и миссис Барри. Миссис Линд, которая в это время случайно оказалась в Садовом Склоне, пришла вместе с ними. Они застали Аню и Мариллу в отчаянных попытках привести Мэтью в чувство.

Миссис Линд мягко отодвинула их в сторону, пощупала пульс и затем приложила ухо к сердцу Мэтью. Потом она печально взглянула на их встревоженные лица, и глаза ее наполнились слезами.

— Ох, Марилла, — сказала она печально. — Мне кажется... мы уже не можем ему помочь.

— Миссис Линд, вы ведь не думаете... неужели вы думаете, что Мэтью... Мэтью... — Аня не могла вымолвить страшного слова; она почувствовала слабость и побледнела.

— Да, детка, боюсь, что так. Посмотри на его лицо. Если бы тебе приходилось видеть это выражение так часто, как мне, ты знала бы, что оно означает.

Аня взглянула на неподвижное лицо и увидела на нем печать Смерти.

Прибывший доктор сказал, что смерть была мгновенной и, вероятно, безболезненной; скорее всего, она была вызвана каким-то неожиданным потрясением. Причину этого потрясения обнаружили в газете, которую держал Мэтью, той самой, что Мартин привез с почты в то утро. В газете было сообщение о банкротстве банка Эбби.

Печальная новость быстро облетела Авонлею, и весь день многочисленные друзья и соседи приходили в Зеленые Мезонины отдать дань уважения мертвому и выразить сочувствие живым. Впервые робкий, тихий Мэтью Касберт оказался в центре внимания; белое величие смерти опустилось на него и увенчало его чело.

Когда мирная ночь мягко сошла на Зеленые Мезонины, старый дом был тих и спокоен. В гостиной в гробу лежал Мэтью; длинные седые волосы обрамляли его безмятежное лицо, на котором была чуть заметна добрая улыбка, как будто он всего лишь спал и видел приятные сны. Вокруг него были цветы... душистые старомодные цветы, которые некогда посадила на ферме его мать, приехавшая сюда вскоре после замужества, и к которым Мэтью

всегда питал тайную, безмолвную привязанность. Аня собрала их и принесла умершему; страдальческие, без слез глаза горели на ее бледном лице. Это было последнее, что она могла сделать для него.

Мистер и миссис Барри и миссис Линд остались с ними в эту ночь. Диана, зашедшая в мезонин, где Аня стояла у окна, сказала нежно:

— Аня, дорогая, ты не хочешь, чтобы я осталась с тобой на ночь?

— Спасибо, Диана. — Аня серьезно взглянула в лицо подруге. — Я надеюсь, ты не поймешь меня превратно, если я скажу, что хочу быть одна. Я не боюсь. Я ни минуты не была одна, с тех пор как это случилось... и теперь я хочу побыть одна. Я хочу помолчать и попытаться понять это. Я не могу этого понять. То мне кажется, что Мэтью не мог умереть, то — что он умер уже давно и с тех пор у меня эта ужасная тупая боль.

Диана не совсем поняла ее. Страстное отчаяние Мариллы, сметающее бурным потоком все границы природной сдержанности и долголетней привычки, она могла понять лучше, чем Анино страдание без слез. Но она послушно ушла, оставив Аню один на один с ее первым в жизни горем.

Аня надеялась, что в одиночестве придут слезы. Ей казалось ужасным, что она не может пролить ни слезы о Мэтью, которого так любила и который был так добр к ней, о Мэтью, который шел с ней вместе вчера вечером на закате, а теперь лежал в тускло освещенной комнате внизу с этим ужасным спокойствием на челе. Но сначала слезы не приходили, даже когда она опустилась в темноте у окна на колени и прочла молитву, глядя на звезды над холмами... никаких слез, только та же ужасная тупая боль, которая не переставала мучить ее, пока она не заснула, измученная горем и волнениями этого дня.

Ночью она проснулась. Кругом была тишина и темнота, и воспоминания дня нахлынули на нее, словно волна горя. Она видела лицо Мэтью, когда он улыбнулся, расставаясь с ней у ворот накануне вечером, и слышала его голос; "Моя девочка... моя девочка, которой я горжусь". Тогда пришли слезы, и Аня горько зарыдала. Марилла услышала и тихо вошла в комнату, чтобы утешить ее.

— Ну-ну... не плачь так, дорогая. Его не вернешь. Не надо... так плакать. Я знала сама, что не надо, но не могла удержаться. Он всегда был хорошим, добрым братом... но... воля Божья...

— Ах, позвольте мне плакать, Марилла, — рыдала Аня. — Слезы легче, чем эта тупая боль. Останьтесь со мной ненадолго, обнимите меня, вот так... Я не могла остаться с Дианой... она и милая, и добрая, и ласковая... но это не ее горе... она вне его, и она не может помочь мне. Это наше горе... ваше и мое. О, Марилла, как мы будем жить без него?

— Мы с тобой есть друг у друга, Аня. Не знаю, что я делала бы, если бы тебя не было... если бы ты никогда не появилась здесь... Ах, Аня, я знаю, что была порой и строгой, и требовательной к тебе... но ты не должна думать, что я не любила тебя так же глубоко, как любил тебя Мэтью. Я хочу сказать тебе об этом сейчас, когда могу найти слова. Мне всегда было нелегко открыть сердце, но в такие минуты это легче. Я люблю тебя так же сильно, как если бы ты была моей плотью и кровью. Ты стала мне радостью и утешением с тех самых пор, как приехала в Зеленые Мезонины.

Два дня спустя Мэтью Касберта вынесли за порог его родного дома и унесли от полей, которые он пахал, и садов, которые он любил, и деревьев, которые он посадил. А Авонлея вернулась к своему прежнему спокойствию, и даже в Зеленых Мезонинах все постепенно вошло в привычную колею и работа выполнялась так же правильно и размеренно, как прежде, хотя и оставалось болезненное чувство невосполнимой утраты. Ане, прежде не знакомой с горем, было грустно, что это должно быть так — что они могут жить по-старому, хотя Мэтью уже нет. Она испытала что-то вроде стыда и угрызений совести, когда обнаружила, что восход солнца и бледно-розовые бутоны, раскрывающиеся в саду, по-прежнему приводят ее в восторг, что ей приятно, когда приходит Диана, и что веселые слова Дианы заставляют ее улыбаться и смеяться — короче, что прекрасный мир цветения, любви и дружбы не утратил ничего из своей способности пленять ее воображение и волновать ее

сердце, что жизнь по-прежнему зовет ее тысячью настойчивых голосов.

— Мне кажется, что это предательство по отношению к Мэтью — находить удовольствие в таких вещах, когда его уже нет, — печально признавалась она миссис Аллан как-то вечером, когда они сидели вместе в саду дома священника. — Мне так его не хватает... все время... и все же, миссис Аллан, мир и жизнь кажутся мне необыкновенно красивыми и интересными. Сегодня Диана сказала что-то смешное, и я поймала себя на том, что смеюсь... Когда Мэтью умер, мне казалось, что я никогда больше не смогу смеяться. И я думаю, что не должна смеяться.

— Когда Мэтью был здесь, он любил слушать твой смех, и ему было приятно знать, что ты находишь удовольствие в том, что окружает тебя, — сказала миссис Аллан мягко. — Он далеко теперь, но ему все равно приятно это знать. Я уверена, мы не должны закрывать наши сердца перед исцеляющим воздействием, которое нам предлагает природа. Но я понимаю твои чувства. Я думаю, мы все испытываем то же самое. Мы отвергаем мысль о том, что что-то может доставить нам удовольствие, когда того, кого мы любим, больше нет здесь, чтобы разделить с нами это удовольствие. И нам кажется, будто мы не верны нашему горю, когда обнаруживаем, что вновь обретаем интерес к жизни.

— Я ходила сегодня на кладбище, чтобы посадить розовый куст на могиле Мэтью, — сказала Аня задумчиво. — Я взяла веточку от маленького куста белой розы, которую привезла из Шотландии и посадила его мать. Мэтью больше всего любил эти розы... они такие маленькие и душистые на своих тонких колючих стеблях. Мне было так приятно, что я могу посадить их возле могилы Мэтью, как будто я делаю что-то, что должно ему понравиться. Я надеюсь, у него есть такие же розы на небесах. Может быть, души всех этих маленьких белых розочек, которые цвели каждое лето и которые он любил, все собрались там, чтобы встретить его... Но мне пора домой. Марилла совсем одна, и ей грустно в сумерки.

— Боюсь, ей будет еще грустнее, когда ты уедешь в университет, — сказала миссис Аллан.

Аня не ответила; она попрощалась и медленно пошла назад, в Зеленые Мезонины. Марилла сидела на пороге, и Аня опустилась рядом с ней. Дверь в дом была распахнута; ее придерживала, не давая закрыться, большая розовая морская раковина; переливы ее гладких внутренних завитков вызывали в памяти море на закате.

Аня сорвала несколько веточек бледно-желтой жимолости и вколола себе в волосы. Она любила этот восхитительный, подобный воздушному благословению, слабый аромат; он поднимался над ней всякий раз, когда она делала движение.

— Доктор Спенсер заходил, когда тебя не было, — сказала Марилла. — Он говорит, что тот знаменитый окулист будет завтра в городе, и настаивает, чтобы я съездила и посоветовалась с ним. Я думаю, надо съездить — и дело с концом. Я буду более чем благодарна, если он сумеет подобрать мне правильные очки. Ты ведь не против остаться одна, пока меня не будет? Мартину придется отвезти меня, а здесь нужно кое-что погладить и испечь.

— Все будет в порядке, Диана придет и составит мне компанию. Я справлюсь — и поглажу, и испеку. Можете не бояться — я не накрахмалю носовые платки и не положу болеутолитель в пирог.

Марилла рассмеялась:

— Сколько глупостей ты делала в то время, Аня! Все время попадала в переделки! Мне казалось, ты прямо одержимая. Помнишь, как ты выкрасила волосы?

— Конечно помню. И никогда не забуду, — улыбнулась Аня, коснувшись тяжелой косы, обвивавшей ее изящную головку. — Теперь меня порой смех разбирает, когда подумаю, как меня огорчали мои волосы... но я смеюсь недолго, потому что это было для меня тогда настоящим бедствием. Я ужасно страдала из-за моих волос и веснушек. Веснушек почти нет, а люди настолько добры, что называют мои волосы каштановыми... все, кроме Джози Пай. Она сообщила мне вчера, что они теперь еще рыжее, чем прежде, или, по

крайней мере, кажутся такими рядом с моим черным платьем. Она спросила меня, неужели рыжие люди могут привыкнуть к цвету своих волос. Марилла, я почти уже решила бросить все попытки полюбить Джози Пай. Я делала то, что прежде назвала бы "героическими усилиями", чтобы полюбить ее, но полюбить Джози невозможно.

— Джози такая же, как все в их семье, — сказала Марилла резко, — так что она не может не быть неприятной. Можно предположить, что существование подобных людей служит какой-то полезной цели в обществе, но в чем она заключается, мне известно не больше, чем о пользе чертополоха. Джози тоже собирается преподавать?

— Нет, она пойдет на второй курс семинарии в следующем году, так же как Муди Спуржден и Чарли Слоан. Джейн и Руби собираются преподавать, и обе уже нашли работу. Джейн в Ньюбридже, а Руби где-то дальше к западу.

— Гилберт Блайт тоже собирается учительствовать?

— Да, — был короткий ответ.

— Какой он симпатичный парень, — сказала Марилла рассеянно. — Я видела его в церкви в прошлое воскресенье. Он такой высокий и мужественный. Очень похож на своего отца, когда тот был в таком возрасте. Джон Блайт был красивым парнем. Мы были очень близкими друзьями, он и я. Люди называли его моим женихом.

Аня подняла глаза с живым интересом:

— Ах, Марилла... и что случилось?.. Почему вы не...

— Мы поссорились. Я не простила его, когда он об этом просил. Я хотела простить, но не сразу. Я была обижена и сердита. Мне хотелось сначала наказать его. Он никогда не вернулся... все Блайты были ужасно гордые. Но потом... мне всегда было грустно. Я жалела, что не простила его, когда он об этом просил.

— Значит, и у вас в жизни был роман, — сказала Аня мягко.

— Да, пожалуй, можешь так это назвать. Ты бы не подумала, глядя на меня, правда? Но никогда нельзя судить о людях по их внешности. Все забыли о нас с Джоном. Я и сама забыла. Но все это вспомнилось мне, когда я увидела Гилберта в прошлое воскресенье.

Глава 38

Поворот на дороге

На следующий день Марилла отправилась в город и вернулась только к вечеру. Аня провожала Диану в Садовый Склон и, вернувшись, застала Мариллу в кухне. Она сидела у стола, подперев голову рукой. Что-то в ее унылой позе заставило болезненно сжаться Анино сердце. Она никогда не видела Мариллу такой безжизненной и сломленной.

— Вы очень устали, Марилла?

— Да... нет... не знаю, — сказала Марилла слабо, поднимая голову. — Наверное, устала, но я об этом не думала. Дело не в этом.

— Вы были у окулиста? Что он сказал? — спросила Аня встревоженно.

— Да, была. Он обследовал мои глаза и сказал, что если я полностью откажусь от чтения, и шитья, и всякой другой работы, утомляющей зрение, и если постараюсь не плакать и буду носить очки, которые он выписал, то, как он считает, ухудшения не произойдет и головные боли пройдут. Но если я не буду следовать его рекомендациям, то несомненно полностью ослепну через шесть месяцев. Слепая! Аня, только подумай об этом!

После первого вырвавшегося восклицания ужаса Аня на минуту умолкла. Ей казалось, что она *не может* говорить. Потом она заговорила бодро, но прерывающимся голосом:

— Марилла, *не надо* об этом думать. Ведь он оставил вам надежду. Если вы будете беречь себя, то не лишитесь зрения. А если очки, которые он выписал, избавят вас от головной боли, это будет просто замечательно!

— Не сказала бы я, что тут много надежды, — ответила Марилла с горечью. — Для чего мне жить, если я не могу ни читать, ни шить, ни вообще чем-то заниматься? Это все равно что быть слепой... или мертвой. А что до слез, то я не могу от них удержаться, когда

мне одиноко. Ну ладно, что об этом говорить... Буду очень благодарна, если ты нальешь мне чашечку чая. Я совсем измучилась... И прошу, не говори никому об этом, по крайней мере пока. Я не вынесу, если сюда будут приходить, расспрашивать, сочувствовать, толковать об этом.

Когда Марилла пообедала, Аня уговорила ее лечь в постель, а сама поднялась к себе в мезонин и села в темноте у окна, наедине со своими слезами и тяжелым сердцем. Сколько печальных перемен с тех пор, как она сидела здесь в ночь после возвращения! Тогда душа ее была полна надежд и радости, а будущее казалось розовым и манящим. У Ани было такое чувство, будто с тех пор прошли годы. Но прежде чем она пошла спать, на губах ее появилась улыбка, а в сердце воцарился покой. Она смело взглянула в лицо своему долгу и нашла в нем друга, каким всегда бывает долг, когда мы не уклоняемся от него, а решительно идем ему навстречу.

Однажды вечером несколько дней спустя Марилла медленно вошла в дом со двора, где она только что разговаривала с посетителем. Аня знала его только с виду: это был Джон Садлер из Кармоди. Аня удивилась: что мог он сказать, что у Мариллы стало такое выражение лица?

— Зачем приходил этот мистер Садлер, Марилла?

Марилла села у окна и взглянула на Аню. В глазах у нее стояли слезы вопреки рекомендациям окулиста, а голос сорвался, когда она сказала:

— Он слышал, что я собираюсь продать Зеленые Мезонины, и хочет купить их.

— Купить! Купить Зеленые Мезонины? — Аня не верила своим ушам. — Ах, Марилла, неужели вы продадите Зеленые Мезонины?

— Аня, я не знаю, что тут еще можно поделаться. Я все обдумала. Если бы мои глаза были в порядке, я могла бы остаться здесь и справиться с хозяйством при хорошем батраке. Но ты знаешь, как обстоит дело. Это невозможно. Я могу совсем лишиться зрения, да и хозяйством я не в состоянии заниматься. Ах, никогда не думала, что доживу до такого дня, когда мне придется продать мой дом. Но хозяйство пойдет только хуже и хуже, так что потом никто не захочет купить нашу ферму. Все наши сбережения, до последнего цента, пропали в этом банке; есть и несколько долгов, которые Мэтью сделал прошлой осенью. Миссис Линд советует мне продать ферму и поселиться у кого-нибудь... у нее, я полагаю. Много от этой продажи я не получу... ферма маленькая, постройки старые. Но я рассчитываю, что на жизнь мне хватит. Слава Богу, Аня, что у тебя есть эта стипендия. Жаль, конечно, что ты не сможешь приезжать домой на каникулы, но ничего не поделаешь; я думаю, ты как-нибудь устроишься.

Марилла потеряла самообладание и горько заплакала.

— Вы не должны продавать Зеленые Мезонины, — сказала Аня решительно.

— Ах, Аня, как бы мне хотелось, чтобы я могла этого избежать. Но ты сама видишь! Я не могу остаться здесь одна. Я с ума сойду от тоски и одиночества. И потеряю зрение... Я знаю, так и будет.

— Вы не останетесь здесь одна, Марилла. Я буду с вами. Я *не поеду* в Редмонд.

— Не поедешь в Редмонд! — Марилла оторвала руки от своего заплаканного лица и взглянула на Аню. — Что ты хочешь сказать?

— То, что говорю. Я не возьму стипендию. Я решила это в тот вечер, когда вы вернулись от врача. Ведь не думаете же вы, что я могла бы оставить вас одну в беде, Марилла, после всего, что вы для меня сделали. Я думала об этом, и у меня есть план. Позвольте, я вам расскажу. Мистер Барри хочет взять в аренду нашу ферму на следующий год. Так что вам не нужно будет о ней беспокоиться. Я стану преподавать в школе. Я обратилась с заявлением в нашу школу... но не надеюсь, что мне дадут это место, потому что, как я поняла, попечительский совет уже обещал его Гилберту Блайту. Но я могу получить место в школе Кармоди. Мистер Блэр сказал мне об этом вчера вечером в магазине. Конечно, это будет не так удобно, как если бы я преподавала в авонлейской школе. Но я могу жить дома и каждый день ездить в Кармоди и обратно, по крайней мере пока стоит

теплая погода. И даже зимой я смогу приезжать домой по пятницам. Мы оставим для этого одну лошадь. О, я все обдумала, Марилла. И я буду читать вам вслух и не дам вам грустить. Вам не будет ни скучно, ни одиноко. Мы будем спокойно и счастливо жить здесь вдвоем.

Марилла слушала как во сне.

— Ах, Аня, я знаю, что мне и в самом деле было бы хорошо, если бы ты осталась здесь. Но я не могу позволить тебе принести такую жертву ради меня. Это было бы ужасно!

— Глупости! — Аня весело засмеялась. — Здесь нет никакой жертвы. Ничего не может быть хуже, чем отказаться от Зеленых Мезонинов... ничто не могло бы быть для меня тяжелее. Мы должны сохранить наш дорогой старый дом. Мое решение окончательное, Марилла. Я не поеду в Редмонд, останусь здесь и буду учить детей в школе. И ничуть обо мне не горюйте!

— Но твои надежды и стремления...

— У меня их не меньше, чем прежде. Только я изменила цель моих стремлений. Я собираюсь стать хорошей учительницей... и хочу сохранить вам зрение. Кроме того, я намерена учиться дома и пройти университетский курс самостоятельно. Ах, у меня десятки планов, Марилла! Я думала над ними целую неделю. Я отдам жизни здесь все, что есть во мне лучшего, и верю, что получу от нее взамен то, что есть лучшего в ней. Когда я покидала семинарию, будущее, казалось, лежало передо мной как прямая дорога. Я думала, что вижу на много миль вперед. Но вот на ней поворот. Я не знаю, что там за поворотом, но верю, что самое лучшее. В самом этом повороте есть свое очарование, Марилла. Интересно, какая дорога за ним... какая там зелень, и мягкий переменчивый свет, и тени... какие новые пейзажи, новые красоты... какие холмы и долины...

— Мне кажется, мой долг — не позволить тебе отказаться от нее, — сказала Марилла, имея в виду стипендию.

— Но вы не можете мне помешать. Мне шестнадцать с половиной, и я "упряма как осел"; так сказала мне однажды миссис Линд, — засмеялась Аня. — Ах, Марилла, не нужно меня жалеть. Я не люблю, когда меня жалеют, да и нет в том нужды. Я всем сердцем рада самой мысли остаться в Зеленых Мезонинах. Никто не смог бы полюбить их так, как вы и я... так что мы должны здесь остаться.

— Ты приносишь мне счастье, моя девочка! — сказала Марилла, уже не возражая. — Я чувствую, что ты вливаешь в меня новую жизнь. Знаю, что должна бы сопротивляться и заставлять тебя ехать в университет... но я чувствую, что не могу, так что не буду и пытаться. Ты поступишь, как сама захочешь, Аня.

Когда по Авонлее прошел слух, что Аня Ширли не поедет учиться в Редмондский университет и намерена остаться дома, чтобы работать учительницей, много было об этом споров и разговоров. Большинство добрых людей, не зная ничего о том, что грозило Марилле, думали, что Аня поступает глупо. Но миссис Аллан считала иначе. Она выразила это в словах одобрения, вызвавших у Ани слезы радости. Не осуждала ее и миссис Линд. Однажды вечером она зашла в Зеленые Мезонины и застала Аню и Мариллу сидящими у парадной двери дома в тихих, теплых, благоуханных летних сумерках. Они любили сидеть здесь в опускающемся полумраке, когда по саду летали белые мотыльки, а запах мяты наполнял росистый воздух.

Миссис Рейчел разместила свою солидную особу на каменной скамье возле двери, у которой росли высокие розовые и желтые штокрозы, и после долгого вздоха усталости и облегчения заговорила:

— Рада присесть, скажу я вам. Целый день на ногах, а двести фунтов — изрядный груз для двух ног; попробуй потаскай! Это истинное благословение — не быть толстой, Марилла. Я надеюсь, ты это ценишь. Ну, Аня, я слышала, ты отказалась от намерения пойти в университет. Я ужасно обрадовалась, когда услышала. Ты и так уже получила образование, достаточное для женщины. Я нелестного мнения о девушках, которые ходят в колледж вместе с мужчинами и забивают себе голову латынью, греческим и всякой чепухой.

— Но я все равно собираюсь учить дома и латынь, и греческий, миссис Линд, —

сказала Аня, смеясь. — Я намерена пройти курс университета здесь, в Зеленых Мезонинах, и учить все, чему меня учили бы там.

Миссис Линд воздела руки в праведном ужасе:

— Аня, да ты себя убьешь!

— Ничуть. Мне это принесет только пользу. О, я не собираюсь переутомляться. Но у меня будет масса свободного времени в долгие зимние вечера, а склонности к шитью и вышиванию у меня нет. И я собираюсь занять должность учительницы в Кармоди, вы, наверное, слышали?

— Нет, не слышала. Мне говорили, что ты будешь преподавать здесь, в Авонлее. Попечительский совет решил доверить тебе нашу школу.

— Миссис Линд! — воскликнула Аня в удивлении, вскакивая с места. — Как это? Я думала, что они обещали это место Гилберту Блайту!

— Да, так оно и было. Но, как только Гилберт услышал, что ты тоже обратилась с заявлением, он пошел к ним — у них было заседание в школе вчера вечером — и сказал, что отказывается от должности в твою пользу. Сам он переходит в школу в Уайт Сендс. Конечно, он отказался от этого места, только чтобы сделать тебе одолжение, потому что несомненно догадывался, как ты хотела бы остаться с Мариллой. И должна сказать, он показал себя очень благородным и чутким, вот что. С его стороны это даже и самопожертвование, потому что ему придется снимать комнату в Уайт Сендс, а все знают, что он хочет скопить денег на учебу в университете... Так что попечители решили взять тебя. Я была до смерти рада, когда Томас вернулся вчера домой и мне об этом сказал.

— Мне кажется, я не должна соглашаться, — пробормотала Аня. — То есть... я думаю, что не должна позволять Гилберту приносить жертву ради... ради меня.

— Ну, думаю, ты ему не можешь помешать. Он уже подписал договор со школой в Уайт Сендс. Так что ему ты не окажешь никакой услуги, если откажешься. Ты, разумеется, должна принять это место. И ты отлично справишься, потому что там теперь не учится никто из Паев. Джози была последней. Ну и фрукт она была, скажу я вам! В авонлейской школе последние двадцать лет всегда учились один или несколько детей Паев, и я полагаю, их жизненным предназначением было научить школьных учителей терпению... Господи помилуй! Да что же это там так мигает у Барри в мезонине!

— Это Диана подает мне сигнал, чтобы я пришла, — засмеялась Аня. — Мы сохранили наши прежние обычаи. Прошу прощения, я сбегала и узнаю, что случилось.

Аня стрелой понеслась по поросшему клевером склону и исчезла в тени елей Леса Призраков. Миссис Линд снисходительно взглянула ей вслед.

— Как в ней еще много от ребенка в некоторых отношениях.

— В ней гораздо больше от женщины в других отношениях, — возразила Марилла, к которой на мгновение вернулась ее прежняя суровость.

Но суровость больше не была характерной чертой Мариллы. Как сказала в тот вечер своему Томасу миссис Линд:

— Марилла Касберт стала мягче. Вот что я скажу.

Вечером следующего дня Аня пошла на маленькое авонлейское кладбище, чтобы положить свежие цветы на могилу Мэтью и полить кустик шотландской розы. Она задержалась там до сумерек; ей нравились мир и покой этого тихого места, шелест тополей, похожий на дружескую речь, и шепот трав, растущих между могилами. Когда она наконец покинула кладбище и пошла вниз по длинному склону холма, спускавшемуся в сторону Озера Сверкающих Вод, солнце уже село, и вся Авонлея лежала перед ней в призрачном полусвете. Легкий ветерок, прилетевший с пахнущих медом клеверных лугов, наполнил воздух чудной свежестью. Тут и там между деревьями уже начинали зажигаться огоньки домов. Вдали лежало море, туманное и лиловое, слышался его ровный непрестанный ропот. Небо на западе светилось великолепными мягкими переливами красок, а пруд отражал их в еще более мягких оттенках. Вся эта красота вызвала трепет в Анином сердце, и она с благодарностью открыла свою душу ей навстречу.

— Дорогой старый мир, — прошептала она, — как ты прекрасен и как я рада, что живу в тебе.

На тропинку, спускавшуюся с холма, из калитки фермы Блайтов вышел, насвистывая, высокий юноша. Это был Гилберт, и свист замер у него на губах, когда он заметил Аню. Он вежливо приподнял шляпу, но прошел бы мимо молча, если бы Аня не остановилась и не протянула руку.

— Гилберт, — сказала она, заливаясь румянцем. — Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты отказался от места в школе в мою пользу. Это было великодушно с твоей стороны... и я хочу, чтобы ты знал, как я ценю твою доброту.

Гилберт горячо пожал протянутую руку:

— Ничего тут особенного не было с моей стороны, Аня. Мне было приятно оказать тебе небольшую услугу. Мы будем теперь друзьями? Ты в самом деле простила мне мою прежнюю вину?

Аня засмеялась и безуспешно попыталась отнять руку.

— Я простила тебя в тот день у пруда, на пристани, хоть и сама об этом не знала. Какой упрямой девчонкой была я тогда! С тех пор — могу признаться откровенно — с тех пор я всегда жалела, что не захотела помириться.

— Теперь мы будем друзьями! — воскликнул Гилберт радостно. — Мы просто созданы, чтобы стать друзьями. Ты долго противилась предназначению. Я уверен, что мы не раз сможем помочь друг другу. Ты ведь собираешься учиться дальше? Я тоже... Пойдем, я провожу тебя домой.

Марилла с любопытством взглянула на Аню, когда та вошла в кухню:

— Кто это шел с тобой по стежке, Аня?

— Гилберт Блайт, — ответила Аня, сердясь на себя за то, что краснеет. — Я встретила его на холме Барри.

— Не думала, что вы с Гилбертом такие хорошие друзья, что можете простоять полчаса у ворот, беседуя, — сказала Марилла, сдержанно улыбнувшись.

— Мы не были друзьями... Мы были хорошими врагами... Но мы решили, что будет гораздо разумнее, если в будущем мы станем добрыми друзьями. Неужели мы простояли вместе полчаса? Мне показалось, всего несколько минут. Но, понимаете, ведь нам нужно было наверстать пять лет потерянных разговоров!

Аня долго сидела у окна в тот вечер с тихой радостью в душе. Ветер легко качал ветви вишни, а из сада к ней поднимался запах мяты. Звезды мерцали над верхушками елей в долине, а свет из окна Дианы пробивался между деревьями. Горизонты будущего сузились для Ани с того вечера, когда она вернулась домой из семинарии. Но хотя дорога, лежавшая теперь перед ней, была узкой, Аня знала, что зацветут вдоль нее цветы тихого счастья. Радостям честного труда, достойных стремлений и сердечной дружбы предстояло стать ее радостями. Ничто не сможет подрезать крылья ее фантазии или омрачить ее чудесный мир мечты. И всегда может появиться новый поворот на дороге!

— Бог в небесах — и с миром все в порядке, — прошептала Аня тихо.